АЛЛОДЫ
ОНЛАЙН
ВСЕ КОРАБЛИ
АСТРАЛА
Роман Афанасьев

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Охотник Гордей, явившийся из деревни в большой город, не предполагал, что на его долю выпадут такие приключения. Наемные убийцы, заговор магов, шпионы врага, полеты на астральных кораблях и самоубийственная операция по освобождению пленников из лап темных сил! Кажется, из такого переплета никто не выберется живым. Но Гордею все нипочем, ведь рядом верные друзья – эльфийский бард Винсент и мохнатый гибберлинг Эрик, скорый и на язык, и на драку. С такой командой любое приключение по плечу, особенно если у дружной компании есть самый большой секрет гибберлингов – астральный корабль.

- Роман Сергеевич Афанасьев
  -
  - Часть первая
    -
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
  - Часть вторая
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13

- Часть третья
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - Эпилог

Роман Сергеевич Афанасьев
Аллоды. Все корабли Астрала

Оформление серии: *Василий Половцев*

Разработка внутреннего оформления: *Ирина Гришина*

Серия «Аллоды» издается с 2014 года

(http://allods.ru)

Часть первая
Стольный град Новоград

1

Короткий путь – не всегда самый быстрый. Мудрость этого высказывания Гордей оценил ближе к вечеру, когда стало ясно, что до Новограда не удастся дойти засветло.

Утром, под лучами ясного солнышка, идея обойти стороной проезжий тракт и пройти к Новограду напрямую, через холмы, казалась весьма здравой. В самом деле, ну разве это дело – целый день плестись позади телег, глотая пыль и толкаясь среди подозрительных личностей. Гораздо веселее будет свернуть в холмы, пройти сквозь густой лес напрямик, по темным тропкам, слушая пение птиц и возню крупного зверя в кустах. Это было бы здорово! Почти как дома. Ну, Гордей и свернул.

Весенние дожди размыли лесную тропику, ведущую к столице всей Кании, превратив ее в непролазную топь, отвратительно чавкающую под ногами. Тихо ругнувшись, Гордей вытащил ногу из лужи и, хлюпая грязью, побрел в гущу леса, туда, где землю устилали опавшие листья и старые ветки. Выбравшись на сухое место, двинулся вдоль тропинки, проламываясь сквозь кусты лещины и обходя стороной высокие березы. Очень медленно, но, по крайней мере, ноги, давно уже промокшие, не вязнут в грязи.

Уворачиваясь от веток, Гордей мрачно размышлял о том, что до столицы он доберется не раньше завтрашнего утра. И будет выглядеть при этом как свинья, хорошенько повалявшаяся в деревенской луже. Хорошее начало новой жизни, что уж тут скажешь! Отец смеялся бы до колик.

Отец. Это еще полбеды! А вот Веста… Последний год и не замечала старого друга по играм, хотя раньше были неразлейвода. Крепкая высокая девчонка, дочь шорника, всегда была готова погонять взапуски с мальчишками, погонять мяч, соорудить шалаш. А теперь – выросла. Конечно, куда там, вымахала, каланча, замуж пора. Все посматривает тайком, а как подойдешь – сразу осмеет с ног до головы. Ехидная, острая на язык, высокая, стройная… Все героем дразнится, мол, где твои подвиги, великий воин? Не всю еще крапиву палкой порубал? Ну, это ничего, это мы еще посмотрим, кто тут герой! Все, больше не думаем о ней. Надоела.

Раздраженно отмахнувшись от ветки, ткнувшейся в щеку, Гордей зашагал вперед. Ну конечно, отцу не понравилась идея сына покинуть родную деревню и отправиться в Новоград. Нет, он не ругался, не кричал. Как всегда – даже голоса не повысил. Но высмеял Гордея по полной. Хорошо хоть никто не слышал. Да и

кто услышит в глухом лесу, там, где бродят только охотники за крупной дичью, что бьют стрелой оленя, острогой рыбу, а копьем – кабана.

Гордей, едва научившись держаться на ногах, уже знал лесную округу как свои пять пальцев. Велес Ветров – его отец – был самым лучшим охотником деревни Травушки. Был он уже не молод, но дело свое знал туго и до седых волос оставался главным добытчиком деревни. Гордей восхищался веселым и улыбчивым отцом, огромным, сильным, но при этом ласковым с детьми и дворовой живностью. Лет так примерно до шестнадцати. А потом, после смерти матери от зимней лихорадки, перестал.

Отец не стал другим, он остался прежним – пусть не таким веселым, как раньше, но все еще мягким и смешливым. Другим стал Гордей. Он начал задумываться о будущем, о том, как меняется его жизнь. И чем больше он думал, тем яснее понимал, что не видит себя в родной деревне лет так через пять. Все стало его раздражать. Старые друзья казались глуповатыми и навязчивыми, окрестные леса – до тошноты скучными, местные девчонки – жадными. Только зазевайся – окрутят вмиг. Моргнуть не успеешь – у тебя свой дом, куча детишек и толстая улыбчивая баба на руках. Вот Веста, конечно, другое дело, но язык у нее, как жало у пчелы. Тьфу, да что такое! Больше никаких Вест! Сам решил – сам пошел. И никто ему, Гордею, не указ!

А куда деваться пареньку, выросшему в лесу, приученному к охоте да заготовке? В соседнюю деревню – да там все так же, только рожи другие. В городок Ельмень, что за тремя холмами? И что там делать – скот не пасут, не охотятся, заняты своими городскими делами, кому там деревенская оглобля нужна? Горшки срамные выносить за горожанами? Нет, нужно было смотреть дальше, заглядывать за горы и реки, желать большего. Ждать и надеяться, что однажды придет и твой черед.

Так Гордей и ждал своего часа, пока не стукнуло ему шестнадцать весен. Утром встал, попрощался с отцом, взял заранее приготовленный узелок с вещами да был таков. Отправился в столицу, в большой город Новоград, потому как там самая жизнь. Это ведь столица! Не комар чихнул.

О визите в Новоград молодой охотник мечтал с того самого мига, как услышал рассказ отца о том, как устроен мир. Узнав, что все они живут на огромном острове, что плавает в великой пустоте, прозываемой астралом, Гордей сначала испугался. Было ему тогда лет пять, но он уже знал, что астрал – слово плохое. Это то, что окружает острова, населенные людьми, то, что в любой момент может поглотить землю и все живое на ней. Когда-то мир был един и в любое место можно было просто дойти. Но потом

случился Катаклизм – великая магическая катастрофа, в результате которой мир раскололся на множество островов, которые стали называть аллодами. Эти острова остались плавать посреди магической субстанции – астрала – которую, по легендам, сами боги использовали для сотворения всего сущего. Мир должен был сгинуть, раствориться в астрале, но этому не позволили случиться Великие Маги. Каждый из магов своей волшебной силой мог остановить наступление астрала, защитить от него землю. И потому, когда случился Катаклизм, вокруг башен Великих Магов земля уцелела, превратившись в острова. Так и возникли аллоды – земли, разделенные астралом.

Но связи между аллодами сохранились. С помощью магии люди могли перемещаться с острова на остров. Сохранились и государства – вот, например, родная Кания! Великая страна. В нее входит несколько островов-аллодов. Но главный – Кватох, родина Гордея. А Новоград – столица не только аллода, но и всей Кании. Самый главный город страны! Конечно, молодому охотнику страсть как хотелось туда попасть.

Там любой пригодится, для любого дела. И в обучение можно подрядиться, и на работу, и своим умом прожить. Все там так, как рассказывают заезжие торговцы. Обо всем этом Гордей взахлеб рассказал отцу, выложил как на духу. А он – не ругал. Хмурился, мял в руках кожаный пояс, словно собирался выдрать нерадивое чадо, но не ругал. Вздохнул потом, обнял на прощанье и отвернулся к стене, так и не сказав ни слова. А Гордей отворил дверь и вышел.

Под ногами хлюпнуло. Гордей, задумавшийся о былых днях, за дорогой не уследил, – влетел обеими ногами в лужу, притаившуюся в темноте под кустами. Сердито выбранившись, молодой охотник шарахнулся в сторону, выбрался на сухой островок под корявой елкой и остановился.

Надвигалась ночь. Над вершинами огромных деревьев, в черной пустоте, пылали огоньки звезд. Темнота опустилась на лес тугим покрывалом, запуталась в ветвях и листьях, придавила к земле остатки света и тепла.

Тяжело вздохнув, Гордей бросил взгляд вперед, в просвет между деревьями. Впереди, там, за холмами, скрывался Новоград. Отсюда даже было видно его огни – из-за холмов поднималось светлое зарево от бесчисленных светильников и костров. Если бы не собственная дурость, Гордей сейчас бы уже подыскивал себе ночлег на окраинах столицы. Вот не захотел идти как все, в ногу с обозом, кушай теперь свою гордость, не обляпайся. Хотел напрямую, а вышло – по кривой. Конечно, если упереться рогом, ползти всю ночь по грязной лесной тропинке, то к утру,

возможно, он выйдет к Новограду. Усталый, сонный, грязный как свинья.

Сплюнув с досады, Гордей быстро огляделся, пытаясь найти местечко для ночлега, и желательно посуше. Ничего, не в первый раз в лесу ночует, бывало время, неделями с отцом из леса не вылезали. Сглупил, с кем не бывает. Оставим Новоград на завтра. Утром, поди, и веселее в городе, и народ подобрее. В самом деле, в лесу ночью даже лучше. И за постой платить не надо, и чужаков можно не опасаться – особенно всякого ворья, как в той таверне в Ельмене.

Утешая сам себя, Гордей быстро утоптал меж корней елки палую листву, да набросал сверху еще одну охапку. Чего далеко ходить – тут прямо и сухо, и от тропинки недалеко. Сел, снял растоптанные сапоги из кабаньей кожи, которые ему справил в прошлом году отец, и насухо вытер промокшие ноги. Огня решил не разжигать – тепло на улице, не зима.

Завернувшись в толстое колючее одеяло, Гордей тщательно укутал босые ноги, устроился поудобней на своей лежанке, закрыл глаза и тут же засопел в согнутый локоть. Уснул он сразу, даже не успев помечтать о том, как устроит свою жизнь в Новограде.

2

Проснулся Гордей сразу, мгновенно перенесясь из чудесного сна о поющей радуге в ночной промозглый лес. Широко распахнув глаза, он бесшумно сел и прислушался – не почудилось ли?

Нет, не почудилось. На тропинке, ведущей на холм, шуршали мокрые ветви лещины, словно сквозь них продиралось стадо кабанов. Гордей подобрал под себя ноги, взял в руку охотничий нож и привстал, напряженно вслушиваясь в ночь. Если это в самом деле кабаны, то будет разумнее убраться с их дороги. Но сейчас ночь, и… И это не животные.

Человеческие голоса были тихими, но вполне явными. Гордей не разбирал слов, но голоса зудели и зудели, словно их обладатели спорили. Они не приближались – судя по хрусту сучьев, какая-то компания остановилась в лесу недалеко от тропинки, чтобы переждать ночь в лесу, и теперь весьма шумно готовилась к ночевке.

Расслабившись, Гордей выпустил нож и сел на одеяло. Видать, тоже путники, застигнутые врасплох ночью и вынужденные заночевать в лесу. Правда, шли они скорее из Новограда, ведь если бы они шли следом за Гордеем, он бы их услышал. Странно.

Стараясь успокоиться, Гордей лег обратно на лежанку, набросил на себя одеяло. Но сон не шел. Молодой охотник так и лежал, вслушиваясь в ночные шорохи и далекий гул голосов. Вскоре из ночи повеяло дымом – беспокойные соседи, судя по всему, пытались разложить костер. Из сырых сучьев. В насквозь промокшем лесу.

Ухмыльнувшись, Гордей перевернулся на другой бок и закрыл глаза, пытаясь уснуть. Но дым костра, расползавшийся по лесу, напомнил ему о пустом, как пересохший колодец, желудке. Захотелось есть – так остро и внезапно, что охотник резко сел и жадно втянул носом ночной воздух, терпко пахнущий горелым деревом.

Последний раз он ел прошлым утром – так, перекусил свежим хлебом в придорожном трактире, где останавливался попутный обоз. В дорогу ничего брать не стал, думал, что заночует уже в Новограде. И охотиться не стал – пожалел времени, хотя видел в лесу следы зайцев и кабанов. И вот теперь наказание – живот скрутило от голода, а во рту полно слюны от сладкого запаха костра и ароматов жареного мяса.

– Была не была, – пробормотал Гордей себе под нос,

нашаривая в темноте свой узелок с вещами. – Не звери – же они какие, люди ведь.

Наскоро добыв из вороха белья сухие портянки, Гордей обмотал ступни и втиснул ноги в еще мокрые сапоги. Остальные вещи покидал на одеяло, смотал его, перехватил ремнями. Собрался.

Поднявшись на ноги, Гордей еще раз втянул носом ароматы жарящегося мяса и двинулся на звуки голосов. Идти сквозь кусты было трудно, но охотник приловчился раздвигать ветви луком со снятой тетивой – как простой палкой.

В ночной тиши голоса раздавались все четче, и Гордей без труда догадался, что лагерь соседей в сотне шагов от него – вверх по тропинке. Туда он и двинулся, гадая на ходу, как лучше представиться, да так, чтобы не напугать путников.

Думал он долго, невольно замедляя шаги, но так ничего и не придумал. Очнулся от раздумий, когда до лагеря было рукой подать – сквозь кусты уже виднелся огонек костра, разложенного в стороне от тропинки. Задумчиво хмыкнув, Гордей почесал кончик носа и двинулся напрямик к костру, через кусты.

Голоса звучали все яснее, теперь можно было разобрать, что разговаривают как минимум пятеро. Странно они говорили – так, словно рот камнями набит. Вроде все понятно, но слов не разобрать.

Когда до полянки с костром оставалось десяток шагов, Гордей остановился, одернул свою охотничью куртку, пригладил пятерней черные вихры и постарался принять безобидный вид. Это, по словам отца, удавалось ему без труда – ростом он был невелик, в плечах не слишком уж широк. Не богатырь, чего уж там. Лесной охотник.

Следующий шаг Гордей так и не сделал – застыл с поднятой ногой и раскрытым ртом. Голоса у костра зазвучали громче, но охотник не пошевелился, чувствуя, как колотится сердце. Он слышал. Четко и ясно он слышал звук удара и стон боли. Хуже того, в том стоне молодой охотник услышал нотки отчаянья. Это не просто дружеская оплеуха, не ссора за кусок мяса. Ударили кого-то слабого. Намеренно. Жестко.

Голоса звучали все громче и яростней, у костра явно разгорелась ссора. Гордей медленно, не дыша, опустил ногу, присел и тенью скользнул за ближайший куст лещины, как делал это во время охоты. Там, переведя дух, охотник медленно нашарил на груди куртки заветный кармашек и вытащил длинную нить тетивы. Затаив дыхание, охотник в мгновенье ока натянул лук и передвинул колчан за спину, так, чтобы можно было рукой нащупать стрелы. Немного поразмыслив, достал одну,

взял в ту же руку, что и лук. И лишь потом медленно, осторожно, выполз из-за куста и двинулся вперед – на шум голосов.

До костра оставалось всего ничего – рукой подать. Гордею всего-то и надо было переползти к соседнему раскидистому кусту, чтобы увидеть всю картину целиком. И то, что он увидел сквозь кусты лещины, ему не понравилось.

Их и в самом деле было пятеро. Двое сидели у костра, грея промокшие ноги. Еще трое стояли рядом, отчаянно размахивая руками и о чем-то жарко споря. Выглядели эти ребята вовсе не как купцы. Те двое, что сидели у костра, – сущие разбойники. Здоровенные, крепкие, в ладных черных куртках, поблескивающих металлическими нашивками. И у каждого под рукой меч. Так же выглядел и тот, что стоял на ногах и громче всех кричал на путников, одетых как обычные горожане. Эти выглядели поплоше – хлипкие, лица открытые, оружия не видно, лишь черные плащи до пят.

Затаив дыхание, Гордей окинул взглядом поляну. Ничего необычного – старое поваленное бревно, обросшее мхом, рядом большой костер, у самого края – ворох пожитков. Сумки, котомки, коробки. Большой сверток вроде заморского ковра, да еще один поменьше.

Внезапно руки у Гордея вспотели, а сердце пустилось вскачь. Глядя на то, как крикуны размахивают руками, он вдруг понял, почему не может разобрать слова. Говорили они на чужом языке, не на канийском. Иноземные купцы? С охраной? С южного порубежья? А может, и вовсе с другого аллода? Очень может быть. Но что им делать здесь, среди ночи, в сыром лесу, когда до Новограда рукой подать?

В замешательстве Гордей сглотнул пересохшим горлом. Что делать? Показаться или нет? Вроде как не его это дело – все, что тут происходит. А вроде и тревожно. Кто кричал-то? Может быть, кому-то нужна помощь, может, тут раненый…

Спор у костра внезапно закончился – путник в черном плаще резко взмахнул обеими руками, и все умолкли, как по команде. В наступившей тишине, под треск костра, странный путник бросил короткое слово, потом развернулся и быстро пошел сквозь лес – в сторону Новограда. За ним последовал и второй человек в плаще – быстро и споро, словно ему не впервой было бродить по ночному лесу. Гордей и дух перевести не успел, как на поляне остались только трое громил, напоминавших лесных разбойников.

Тот, что стоял на ногах, выразительно плюнул вслед путникам в плащах, а потом с досадой пнул ногой большой сверток, лежащий у костра. Сверток застонал, и кровь бросилась в

лицо Гордею. Ну конечно! Это ведь человек, завернутый в тряпье! Связанный, лежит у костра, а рядом… Молодой охотник невольно сглотнул. Второй сверток был мал – вполовину первого размером. Неужели ребенок?

Сердито засопев, Гордей тронул пальцем тетиву лука и прищурился. Слышал он о таких нелюдях – похитят кого, затащат в лес, а потом выкуп требуют. Разбойники, как есть. Хоть таких душегубов в родных лесах не водилось, но слухи-то по земле ходят, далеко разносятся. Каких только злодеев на свете не бывает.

Словно откликаясь на мысли охотника, большой сверток зашевелился, застонал. Бандиты, сидевшие у костра, глухо заворчали, но их вожак, оставшийся на ногах, цыкнул на них и склонился над пленником. Гордею не было слышно, о чем они говорили, но вожак вдруг снял с пояса большую флягу, склонился еще ниже… И тут же полетел на землю.

Сверток словно взорвался изнутри. Сквозь материю протиснулась одна рука, вторая, блеснул в отблесках костра нож. Гордей вскочил на ноги, не зная, что делать, – то ли броситься на помощь, то ли бежать. Он был в замешательстве пару секунд, не больше, но этого хватило, чтобы все кончилось.

Вожак откатился в сторону, подальше от опасного взмаха ножом, а его дружки разом вскочили на ноги. Человек, все еще спутанный тряпьем, попытался встать, выбраться из своего кокона, но бандиты, перепрыгнув костер, одновременно бросились на него. Первый ударил ногой по руке с ножом, выбив оружие, второй же накинулся на пленника как дикий зверь и в мгновенье ока навалился ему на грудь обеими коленями.

Когда вожак поднялся с земли, отчаянно бранясь и отплевываясь, пленник уже лежал на спине у костра, не в силах пошевельнуться. Первый бандит стоял на откинутой в сторону руке, из которой только что выпал нож, а второй так и сидел на груди пленника, что-то злобно рыча в побелевшее от боли лицо.

Отсюда, из-за куста, Гордею было плохо видно. Он только увидел, что у пленника длинные черные волосы, бледная кожа, хрупкие длинные руки… Неужели баба? Мать с ребенком?

Гордей прикусил губу. Решительно, быстро и ловко наложил стрелу на тетиву и замер. Натянуть? Выстрелить в спину? Но это не белка, не кабан. Это человек! Да еще в спину! Отец этому не учил. Не говорил даже ничего. Старый пень…

Руки у Гордея затряслись, спина взмокла от пота, как будто он стоял на летнем солнцепеке, а не в ночном сыром лесу. Что же это делается?

Вожак тем временем подошел к костру, подхватил с земли

свою флягу, буркнул что-то подручным, и те сразу же зашевелились. Оба вскочили на ноги, встряхнули пленника, как куль с тряпьем, приподняли, поставили на колени, руки заломили за спину. Один бандит вцепился в длинные черные волосы, оттянул голову пленника назад, так чтобы глядел сверху вниз на подошедшего вожака.

Тот подошел медленно. Глянул сверху вниз, равнодушно, с презрением, потом повесил флягу на пояс и буднично, с равнодушием, взмахнул рукой. Удар пришелся по скуле пленника – тот вздрогнул всем телом, застонал сквозь сцепленные зубы, с ненавистью глядя на бандита. А тот, даже не изменившись в лице, снова взмахнул рукой. Из разбитого носа пленника брызнула кровь, он снова застонал, уже не пытаясь даже смотреть в глаза бандитам, а их вожак размахнулся снова…

Что-то внутри Гордея лопнуло, как старая тетива. С гулом оборвалось, оставив после себя лишь неуловимый привкус горькой полыни и крови во рту.

Ничуть не таясь, охотник выступил из-за куста, вскинул лук, рывком натянул тетиву. И когда сердце замерло между двумя ударами, затаил дыхание и – отпустил стрелу.

3

Короткая палочка с куцым перышком, рассчитанная максимум на зайца, свистнула в воздухе и с чавкающим звуком вонзилась в бедро главарю, уже поднимавшему руку для нового удара. Бандит взревел от внезапной боли, повалился на землю, хватаясь руками за ногу, а Гордей уже сунул руку за спину, нашаривая новую стрелу.

Разбойник, державший пленника за вывернутые руки, с гортанным криком бросил свою жертву и рванулся навстречу охотнику, выхватив из ножен на поясе короткий меч. Второй бросился к костру – за мечом, лежавшим у огня.

Гордей, не дрогнув, наложил стрелу на тетиву, рывком натянул лук и разжал пальцы, целясь в бандита, бегущего ему навстречу с обнаженным клинком. Расстояние было невелико, стрела не успела набрать силу, но Гордей и не пытался пробить тяжелую кожаную куртку врага. Он целил в ноги. Но на этот раз стрела лишь царапнула бедро бандита. Он даже не замедлил шаг – рванулся к стрелку, занося над головой меч для смертельного удара. Времени для новой стрелы не было, но Гордей не дрогнул – прыгнул вперед, навстречу бандиту и ткнул ему в лицо концом лука – быстро, сильно, как всаживал рогатину в матерых кабанов.

Бандит, не ожидавший нападения, отпрянул в сторону, и деревянное навершие лишь царапнуло его по небритой щеке. Но и его удар пропал даром – рука дрогнула, и меч свистнул в паре пальцев от головы охотника. Гордей не стал дожидаться новой атаки – метнулся в сторону, перехватил лук обеими руками и хлестко, с размаха, ударил по руке бандита, отбив его выпад.

Разбойник ругнулся, отступил на шаг, готовясь к нападению, и в тот же миг Гордей снова рванулся вперед и что было сил ткнул концом лука в лицо врага. На этот раз тот не успел увернуться – удар пришелся в глаз, и разбойник, взревев от боли, беспорядочно замахал перед собой мечом, пытаясь отогнать настырного противника. Гордей отпрыгнул на пару шагов, вырвал из колчана стрелу и в мгновенье ока спустил тетиву.

Он целил в плечо – в руку, державшую меч, надеясь, что там, на рукаве, кожа потоньше. Но бандит успел взмахнуть мечом, развернулся, и короткая деревянная стрела вонзилась ему в шею, пробив ее насквозь. Сдавленно забулькав, разбойник выронил меч, схватился руками за шею и упал на колени, пытаясь зажать рану. Ошеломленный Гордей отступил на шаг, не в силах отвести взгляда от умирающего, и это его спасло.

Второй бандит налетел на него, размахивая клинком, но из-за

движения стрелка промахнулся. Шагнув дальше, разбойник плечом толкнул Гордея, и охотник, сбитый с ног, полетел кувырком на землю. Пытаясь приподняться, он взглянул наверх и замер. Прямо над ним возвышался негодяй с обнаженным клинком, воздетым над головой. Заросшее черной щетиной лицо исказила злая ухмылка, узковатые глазки злобно сверкнули. Гордей вскинул руку с зажатым в ней луком, надеясь хоть как-то отвести удар, и тут же понял – не поможет. Время на секунду остановилось, замерло, а потом пустилось вскачь.

Лицо бандита вдруг исказилось от боли, он заревел, дернулся, и из его рта брызнула кровь – прямо на Гордея. Разбойник так и не успел повернуться – его ноги подкосились, и он тяжело рухнул рядом с охотником, успевшим отодвинуться в сторонку. Не веря своим глазам, Гордей уставился на рукоять кинжала, торчащую из спины врага. И лишь потом, услышав крик от костра, заставил себя отвести взгляд от оружия поверженного врага и взглянуть на поле боя.

У костра, прямо рядом с огнем, стоял на коленях высокий человек с длинными черными волосами и смотрел на Гордея. Из разбитого носа по его губам текла кровь, лицо было бледным, как простыня, но глаза яростно сверкали желтыми отблесками костра. Увидев, что охотник цел, пленник помахал ему рукой – и только сейчас Гордей понял, что именно он метнул тяжелый кинжал в бандита. Бандиты!

Вспомнив о раненом в ногу вожаке, Гордей вскинулся, поднялся на колени и заозирался в поисках противника. Тот обнаружился быстро – лежал на спине у дальних кустов, куда, видимо, отполз в попытке убраться подальше от места схватки. И лежал он неподвижно, потому что на его груди сидела… рысь?

Гордей вскочил на ноги, не веря своим глазам. На груди поверженного вожака бандитов действительно кто-то сидел. Кто-то замотанный в тряпье, похожий на ребенка, но с круглой лохматой головой, с острыми кошачьими ушами. Пораженный охотник замер на месте, пытаясь осознать увиденное. Эта рысь, похожая на ребенка, держала в мохнатой лапе нож, приставленный к горлу вожака. Она шипела и плевалась, что-то выговаривая, но Гордей никак не мог разобрать, что именно.

– Сюда, – крикнул от костра черноволосый пленник, медленно поднимаясь на ноги. – Сюда иди! И верни мой нож!

Гордей медленно, словно во сне, повернулся, рывком вытащил нож из спины мертвого бандита и побрел к черноволосому, стоявшему у костра и пытавшемуся отряхнуть грязь с черного помятого камзола. Бросая косые взгляды на странное существо, оседлавшее вожака бандитов, Гордей

медленно подошел к костру, протянул нож черноволосому пленнику и ахнул, рассмотрев странные бугорки за его плечами, прямо под камзолом. Крылья! Значит, это эльф. Самый настоящий эльф – высокий, черноволосый, хрупкий на вид и с блестящими желтым глазами.

– Мой нож, пожалуйста, – попросил эльф, протягивая руку за клинком.

Гордей очень осторожно протянул нож бывшему пленнику и отступил на шаг, рассматривая черноволосого. Раньше он никогда не видел эльфов. Конечно, он знал, что где-то на соседних аллодах живут эльфы и что они часто появляются в Новограде. Но в глухомань, где вырос Гордей, они никогда не заглядывали. И тут его как молнией ударило – он вдруг понял, что это за странная рысь сидела на груди вожака бандитов. Еще пару месяцев назад пронесся слух – дескать, эльфы разыскали в астрале новую разумную расу. Мелких пушистых весельчаков – гибберлингов. И что видом они похожи на забавных котят…

Гордей перевел взгляд на вожака бандитов, пытаясь рассмотреть того человечка, что сидел на его груди. Он действительно напоминал ребенка – росточком был едва по пояс Гордею. На нем была кожаная куртка и тканые штаны, покрытые слоем мокрой лесной грязи. Из рукавов куртки виднелись волосатые рыжие лапы. Голова действительно напоминала кошачью, но если присмотреться, то, в общем-то, может, и собачью. Или медвежью. А может, и человеческую, просто покрытую серой шерстью…

Рыжая лапа гибберлинга вдруг взметнулась, и нож, блеснувший в отблесках костра, полоснул главаря бандитов по шее. Тот захрипел, засучил ногами, а гибберлинг лишь надавил ему коленями на грудь и стоял так, пока разбойник не перестал дергаться. Потом гибберлинг обернулся и бросил косой взгляд на онемевшего Гордея. У этого существа была чуть вытянутая морда, раскосые большие кошачьи глаза. Рыжая с белым шерсть на подбородке собиралась в кисточки, напоминавшие короткие заплетенные косички. Прищуренные глаза, пылающие огнем, шерсть на лице в крови – своей и чужой, зубы оскалены… Он напоминал взбешенную до предела рысь-убийцу, а не игривого котенка из рассказов бродячих торговцев.

– Надо уходить, – прошипел гибберлинг, поднимаясь на ноги и направляясь к ошеломленному охотнику. – Придут еще. Он сказал.

Гордей, не зная что сказать, лишь открыл рот и тут же закрыл – когда эльф обернулся и положил ему на плечо узкую белую ладонь.

– Спасибо, – хрипло сказал он. – Ты спас нам жизнь, мне и моему другу.

– Да не за что, – пролепетал Гордей, глядя в желтоватые глаза эльфа. – Я же не мог пройти мимо, ну то есть мог, но я…

– Я Винсент ди Грандер, – представился эльф, не убирая руки с плеча юноши. – А это мой друг, гибберлинг Эрик из семейки Резак. Мы благодарим тебя за спасение из рук этих негодяев.

Голос у него был низкий, чарующий и совсем не соответствовал внешнему виду эльфа, выглядевшего весьма помятым. Казалось, этот голос сейчас звучит где-то на Совете Мудрецов – вот там ему самое место. Гордей невольно заслушался и тут же поморщился, когда хриплый голос гибберлинга, напоминавший сип простуженного кота, произнес:

– Ты сам-то кто будешь, человече?

– Я Гордей, Гордей Ветров, – ответил юноша, очнувшись от наваждения. – Охотник я. В Новоград вот шел, а тут ночь, я решил ночевать, а тут вы, и тут…

Эльф похлопал Гордея по плечу, улыбнулся и убрал руку.

– Благодарю тебя от всего сердца, – сказал он. – Мы в долгу у тебя.

– Винс, надо уходить, – сердито повторил гибберлинг, вытирая лезвие ножа о рукав. – Они пошли за помощью, но скоро вернутся. Пойдут по следам.

– Не будь таким грубым, Эрик, – сухо произнес эльф. – Молодой человек рисковал ради нас жизнью. Мы должны проявить хотя бы немного вежливости.

– Ага, рисковал, – хмуро произнес гибберлинг, зыркнув снизу вверх на Гордея. – Наверное. Не доверяю я этим дылдам…

– Просто ты их еще плохо знаешь, – ответил эльф и повернулся к охотнику. – Гордей Ветров, я хочу попросить у тебя прощения.

– За что? – опешил Гордей.

– Ты нам помог, – медленно ответил Винсент, наблюдая за тем, как гибберлинг суетится у костра, собирая в мешок все, что могло пригодиться в дороге. – Но, боюсь, эта помощь дорого тебе обойдется. Нас преследуют могущественные враги. И теперь, боюсь, они будут преследовать и тебя.

– Это как так преследуют? – Гордей сделал шаг назад. – Вы что, украли что-нибудь?

– Нет, – эльф рассмеялся. – Нет. Это они хотят украсть нас и выпытать наши секреты. Мы должны уходить отсюда, и быстро. И я предлагаю тебе пойти с нами. Ведь если преступники вернутся, они найдут тебя и будут пытать, чтобы узнать, что произошло сейчас здесь.

– С нами? – Гибберлинг, наклонившийся за оброненным бандитами мечом, фыркнул. – Винсент, не валяй дурака.

– Зачем мне с вами идти, – настороженно отозвался Гордей. – Я лучше к страже в Новоград пойду. Расскажу про разбойников.

– Стража не сможет тебя защитить, – мягко проговорил эльф, и его чарующий голос зазвучал как колокольный набат. – Это не просто бандиты, это враги Кании. Пойдем с нами. Мы уйдем далеко, запутаем следы, а тогда уже расстанемся. Друзьями.

Гордей помотал головой, пытаясь собраться с мыслями. Конечно, если сейчас по этой ночной тропке должны вернуться преступники, да еще с подмогой, то лучше, конечно, уйти отсюда.

– Пойдем, Гордей, – снова позвал эльф. – Нам нужна твоя помощь. Нам нужен проводник. Мы устали и ранены и не знаем этих мест. Пожалуйста, помоги нам.

– А, помочь, – протянул Гордей. – Ну, ладно тогда.

Гибберлинг, поименованный Эриком, подошел ближе, глянул снизу вверх, пытаясь заглянуть в глаза охотнику. Вид у него был строгий, если не сказать – суровый. Гордей попытался улыбнуться, но мрачный гибберлинг сунул ему в руку мешок, набитый всяким барахлом.

– Взялся помогать, вот и помогай, – заявил Эрик. – А теперь, дылды, быстро взяли ноги в руки и бегом за мной.

Без долгих слов гибберлинг развернулся и, прихрамывая, зашагал в темноту ночного леса.

4

Шли всю ночь. Продираясь сквозь мокрые кусты, чавкая грязью и палой листвой. Шли медленно, но упорно, держась в стороне от прохожих тропок, забирая все глубже в лес. Сначала Гордей шел последним, прикрывая отход отряда. Он напряженно вслушивался в ночь, пытаясь разобрать тяжелое дыхание преследователей, но слышал только обычные звуки ночного леса. Пересвистывались ночные пичуги, шуршала в кустах острозубая мелочь, вышедшая на ночной промысел. И тяжело гудели ночные жуки всевозможных размеров, жадные до нектара цветов, распускающихся только по ночам.

Первым уверенно шагал гибберлинг. Даже не столько шагал, сколько скользил сквозь высокую траву, нырял под низкие ветви и притом сердито фыркал, как возмущенный кабан. Долговязому эльфу приходилось хуже – ему нужно было протискиваться меж стволами и ветками кустов. Несмотря на раны и усталость, он делал это так ловко, что Гордей невольно устыдился своей походки. Он, охотник, выросший в лесу, производил шума больше, чем эта странная парочка.

На ходу не разговаривали, берегли дыхание. Через пару часов Эрик вдруг остановился и медленно опустился на землю. Он тяжело дышал и явно не мог идти дальше. Он даже ничего не сказал, когда эльф подошел ближе и неожиданно легко поднял его на руки, как ребенка. Гордей тоже ничего не сказал – просто двинулся вперед, раздвигая ветви деревьев так, чтобы странному эльфу было удобно идти со своей ношей.

Заняв место проводника, Гордей невольно стал прикидывать, куда нужно идти. Эти места он не знал. Но за время пути столько наслушался о Новограде, что ориентировался в этих краях не хуже местного жителя. Сквозь раскидистые кроны проглядывало звездное небо, на деревьях было полно мха, над дальним холмом тлело зарево большого города – все это позволило Гордею быстро сориентироваться.

Припомнив карту Новограда, виденную им еще в родной деревне, охотник без труда догадался о том, куда их вел гибберлинг. Он, оказывается, обходил Новоград по широкой дуге, пытаясь выбраться от хоженых тропок к стороне берега. Там, недалеко от города, земля обрывалась огромным обрывом, за которым плескался вечный астрал, потихоньку пожирающий эту землю.

Гордей не очень хорошо знал историю – охота в лесу не располагает к сидению за книжками. Но всегда любил послушать

истории дедов, собиравшихся на завалинке племенного дома, чтобы обсудить старые времена да промыть косточки молодежи. Как ему было известно, волшебство Великих Магов сдерживало натиск астрала, не давая этому великому пределу уничтожить аллод. Великий Маг Тенсесис присматривал за родиной Гордея и, конечно, за столицей – Новоградом. Молодой охотник помнил рассказ о том, что во время Катаклизма астрал подобрался почти к самому городу, прежде чем Великий Маг его остановил. И получилось так, что Новоград стоял, в общем-то, на берегу великого ничто. С одной стороны – леса, поля, дороги, а с другой – огромный берег, обрыв, уходящий в никуда. И вот именно к нему, судя по всему, и держал путь гибберлинг.

Продолжить путь Эрика не составило труда для охотника. Он только взял еще правее, чтобы оставить между отрядом и городом побольше дикого леса. Конечно, так до берега астрала за городом идти дольше, но, по-хорошему, зачем туда вообще идти? Еще немного, и получится так, что они сами себя загоняют в угол. Броситься головой вниз в бездну, чтобы уйти от преследования? Не самая здравая идея.

Гордей оборачивался пару раз, подумывая завести разговор с эльфом, но всякий раз отступался. Винсент выглядел смертельно уставшим. Он нес на руках гибберлинга, тяжело ступая по лесу и с трудом выдирая ноги из ловушек палой листвы. Ему явно было не до разговоров – белое лицо искажено гримасой, желтоватые глаза прикрыты, а маленькие прозрачные крылышки за спиной скомканы и смяты в один жутковато выглядевший ком.

Всякий раз Гордей отворачивался, так и не решаясь начать разговор. И лишь когда услышал за спиной шум и треск, посмел окликнуть эльфа. Тот не ответил, и молодому охотнику пришлось вернуться назад по своим следам.

Эльф не выдержал. От усталости Винсент просто рухнул на землю, на ближайший сухой бугорок под раскидистым кустом лещины, да так и остался лежать, тяжело дыша. Ему только хватило сил осторожно пристроить Эрика рядом с собой.

– Как вы? – тихо спросил Гордей, подойдя ближе. – Вам плохо?

– Лучше, чем пару часов назад, – сдержанно отозвался Винсент. – Мне нужно немного поспать. Пожалуйста, Гордей, присмотрите за Эриком, он так устал.

– За своей мамой присмотри, свистун, – буркнул гибберлинг, не открывая глаз. – Я сейчас. Дух переведу и эта… Встану.

– Отдыхайте, – мягко сказал Гордей, выпрямляясь. – Я подежурю. Если кто-то пойдет по нашим следам, я вас разбужу.

Винсент без лишних разговоров быстро свернулся калачиком

на сухой кочке и тут же закрыл глаза, провалившись то ли в беспамятство, то ли в сон. Гибберлинг же еще поворчал пару минут, даже попытался встать, но потом, тяжело вздохнув, все же позволил себе задремать.

Гордей, глядя на это сонное царство, лишь головой покачал. Что же это за злодеи, что так обращаются с разумным людом? Кошелек украсть – понятно. Ну драка бывает, заденут кого, а то и убьют случайно – это плохо, но понятно. А тут – бить ради самой злобы. Может, и прав был отец, когда говорил, что в больших городах есть, конечно, и большое добро, но и большое зло тоже.

Покачав головой, охотник пристроил рядом с эльфом мешок, набитый барахлом разбойников, выпрямился и побрел в ночь – обратно по своим следам. Если преследователи и придут, то именно с этой стороны. Если выйти им навстречу, то можно будет заметить их пораньше и быстро вернуться к спутникам. Или…

Пораженный новой мыслью, Гордей остановился, сунул руку в карман куртки и вытащил моток тонкой веревки, прихваченной в лагере разбойников. Потом он бросил взгляд на острую ветку с множеством сучков, взглянул на нож у пояса и улыбнулся. До рассвета далеко, сна – ни в одном глазу. Надо же себя чем-то занять?

5

Рассвет Гордей встретил в сладкой дреме, где сон от яви отделяет лишь крохотный шажок. Вроде виделась ему высокая светловолосая девица. Может, знакомая, а может, и нет. Доспехи на ней военные, а сама дразнится, как дитя.

Дремал он за раскидистой елкой, удобно устроившись между корней. Нет, не спал – но порой подремывал, оставаясь на стороже. Ему и раньше доводилось проводить так ночь, сидя в засаде на охоте. Вроде и отдыхаешь, а вроде и на посту – тут главное не заснуть по-настоящему.

Заслышав сквозь дрему тихий хруст, выбивавшийся из обычной песни утреннего леса, Гордей вскинулся и положил руку на нож. Прислушавшись, он понял, что хруст донесся с места стоянки его странных спутников. Гордей медленно встал, огляделся и бесшумно скользнул по палой траве обратно, к лагерю.

Утро хоть и выдалось хмурым, но все же солнышко разогнало мрак. В его зыбком свете лес выглядел уже не таким мрачным, как ночью. Робкие лучи солнца пробивались сквозь огромные кроны деревьев, с листьев и веток бесшумно падали в траву хрустальные капли ночного дождя. Пахло свежими травами и старой листвой. Это был хороший лес, добрый, почти как у Гордея дома. А все, что было вчера, – просто ночной кошмар, и этим утром достаточно просто проснуться, чтобы все это кончилось.

Вздохнув, охотник осторожно обошел глубокую лужу под кустом, бесшумно перескочил на корни соседней елки и подошел к полянке, на которой вчера путники устроили ночлег. Она была окружена кустами лещины, и Гордей услышал своих спутников прежде, чем увидел их.

– Самое время уйти, – хриплым шепотом произнес невидимый за кустами Эрик. – Просто встанем и пойдем.

– Куда? – в низком голосе эльфа звучала насмешка. – К обрыву?

– Да, – твердо произнес гибберлинг. – Нам нужно туда, поближе к астралу.

– И что ты там будешь делать? Сидеть на камешке?

– А хоть бы и на камешке, – буркнул Эрик. – Все лучше, чем тут.

– Мы не знаем, что происходит в городе, – спокойно произнес эльф. – Эрик, друг мой, мы по уши в… болоте. Они не оставят нас в покое, ты сам знаешь.

– Ну если ты по уши, то я… Про меня и говорить нечего, – отозвался гибберлинг. – Нам нужно время. Немного времени.

– И помощь, – напомнил эльф. – Нам нужна помощь хорошего человека.

– Ну не верю я ему, – прошипел Эрик. – Все слишком удачно складывается! Так вовремя появился. Ниоткуда. Мимо проходил!

– Не злись, – мягко попросил Винсент. – Ты еще плохо знаешь людей. Этот охотник – почти ребенок. Он только делает свои первые шаги в большой жизни. И он не побоялся в ночном лесу прийти на помощь тем, кто в ней нуждался. Разве у вас не принято так поступать?

– Ну, то мы, – буркнул гибберлинг. – Не знаю, как тут эти дылды себя ведут. Я-то ничего хорошего от людей не видел, ты знаешь.

– Знаю, – тихо произнес эльф. – Люди открылись тебе со своей худшей стороны. Но есть у них и сторона светлая – и ты видел ее ночью. Ребенок, блуждающий в ночном лесу, без колебаний вступил в бой с врагом, значительно превосходящим его силой. Ринулся в безнадежный бой, чтобы помочь слабому. Ты понимаешь, что это значит?

– Да, – тихо произнес гибберлинг. – Они порывисты и глупы. Получается, ближе к нам, чем к вам.

– И они не все одинаковы, – наставительно произнес эльф. – Помни об этом, Эрик, если все еще хочешь иметь дело с Канией.

– Да помню, помню, – буркнул гибберлинг, – но мы в этом проклятом лесу, у нас на хвосте убийцы, и что-то меня не тянет на мудрые разговоры. Надо что-то делать, Винс!

– Надо, – согласился эльф. – Нам нельзя возвращаться в город, нас мгновенно выследят. Они наверняка наблюдают за всеми воротами и за гостевым домом. Но нам нужно знать, что сталось с посольством гибберлингов. И кто действительно замешан в нападении.

– Песий хвост, – буркнул Эрик. – Никому верить нельзя. Никому, понимаешь?

– Ты ошибаешься, – мягко произнес эльф и повысил голос. – Гордей! Гордей, пожалуйста, подойди к нам. Подслушивать нехорошо.

Охотник выбрался из-за кустов, смущенно отводя взгляд. Уши его пылали от смущенья, а руки нервно теребили кожаный пояс. Он не хотел подслушивать – вот честно, не хотел. Но разговор был таким интересным, что он просто забыл, что вовсе не к нему были обращены эти слова.

– Так и знал, – буркнул Эрик, бросая косой взгляд на охотника. – Вынюхиваешь?

Румянец перебрался с ушей Гордея на его щеки.

– Я не хотел! – начал оправдываться он. – Просто я подошел, а вы говорили, и я…

– Не обращай на него внимания, – сказал Винсент. – Он тебя дразнит. Подойди ближе, охотник. Что ты понял из нашего разговора?

– Только то, что в городе на вас напали и вы боитесь возвращаться, – отозвался Гордей. – Но я правда не понимаю. Если это разбойники, почему бы вам просто не пойти к страже?

– Стража не всесильна, – задумчиво отозвался эльф. – Как только мы появимся в городе, те, кто за нами следит, сразу нападут и снова нас похитят. А может, и убьют на месте. Мы просто не дойдем до стражи. Кроме того…

– Кроме того, – вмешался гибберлинг, – пес его знает, может, это и с разрешения стражи на нас напали!

– Стражи? – воскликнул Гордей. – Да как такое может быть?

– Стражники тоже люди, – тихо сказал эльф. – Их можно и подкупить, и запугать. И даже просто убедить в том, что они выполняют правильный приказ. Стражник на воротах, который заметит нас, может просто шепнуть нужному человеку о том, что мы появились в городе. Только и всего. Но это все погубит.

– Вы просто не верите людям, – твердо произнес Гордей. – Я слышал.

– Мы пока не знаем, кому именно можно доверять, – поправил Винсент. – Мы знаем, что среди людей есть много хороших. Но есть и плохие – именно они и напали на нас ночью.

– Да, я видел, – мрачно произнес Гордей. – Они хотели выпытать у вас, где вы прячете сокровища?

Гибберлинг вдруг по-кошачьи выпучил глаза на охотника и сухо закашлял, как будто ему в глотку попал клок шерсти.

– Эрик, перестань, – с неприязнью сказал Винсент. – Твой смех иногда звучит очень пугающе.

– Сокровища, – пробулькал гибберлинг. – Ох ты ж.

– Он еще ребенок, я говорил тебе об этом, – с раздражением напомнил Винсент. – И он…

– Я не ребенок, – обиженно перебил Гордей. – Я охотник.

Гибберлинг снова закашлял, а эльф устало поднял руки и закрыл ладонями лицо, перепачканное грязью и потеками крови. Гордей обиженно засопел, косо поглядывая на веселящегося Эрика.

Винсент, наконец, отнял руки от лица, посмотрел на грязные ладони, бросил взгляд на плечо черного камзола – разодранное и залитое засохшей кровью, а потом поднял взгляд. Гордей непроизвольно отступил на шаг, сжав кулаки, а гибберлинг

поперхнулся и закашлялся уже по-настоящему.

Глаза эльфа пылали желтым огнем. Его лицо изменилось – осунулось, заострилось. Из него ушли доброта и мудрость. Осталась только жесткость – та самая, с которой бессмертные эльфы истребляли своих смертных врагов.

– Заткнись, рыжий, – прогремел Винсент, и в его голосе на этот раз слышались раскаты грома. – Помолчи хоть пять минут. Мне тоже не доставила удовольствия наша ночная прогулка.

Гибберлинг отчаянно завращал выпученными глазами и попытался отползти в сторонку. Из его горла вырвался только сухой хрип, хотя он явно пытался что-то сказать, и, судя по всему, весьма нелестное.

– Охотник, – веско уронил эльф, – подойди ближе.

Ноги Гордея сами, помимо его воли, сделали шаг вперед, неся хозяина ближе к сидевшему на траве эльфу.

– Послушай меня, Гордей, – медленно произнес Винсент, не сводя с охотника пылающего взора. – Мы в сложном положении. Мы в опасности. Но это не касается тебя. Ты можешь уйти прямо сейчас, если хочешь. Возможно, тебя потом будут искать, а возможно, и нет. Если ты вернешься домой, в свою глухомань, то тебя и вовсе никто никогда не найдет. Ты хочешь уйти? Говори свободно, не бойся ничего.

– Нет, – медленно произнес Гордей. – Я не хочу уходить.

– А чего же ты хочешь? – веско спросил эльф.

Гордей медленно поднял голову, посмотрел на строгого Винсента, перевел взгляд на притихшего гибберлинга. Тот сидел на мокрой траве и вновь, как и ночью, стал напоминать грязного усталого кота, наряженного шутниками в разодранную в клочья курточку и грязные штаны. Рыжая шерсть на лице слиплась, над верхней губой видна засохшая полоска крови. Ноги, торчащие из порванных штанин без башмаков. Просто пушистые лапы, когда-то бывшие рыжими, а теперь черные от засохшей лесной грязи.

Что он хочет? Приключений? Он же шел за приключениями? За новой жизнью? Гордею вдруг вспомнился отец – огромный плечистый охотник Ветров. Тот самый, что не позволил другим охотникам избить воришку из соседней деревни, воровавшего дичь из силков. Что бы сказал отец, если бы знал все это?

– Я хочу, – медленно произнес Гордей. – Я хочу, чтобы вы начали доверять людям. Пусть не всем. Хочу, чтобы вы знали – хороших больше, чем плохих. Я хочу вам помочь.

Эльф медленно перевел взгляд на застывшего гибберлинга, и его глаза потухли. Он опять превратился в чудовищно уставшего и избитого Винсента, беглеца, сидевшего посреди леса на мокрой траве.

– Вот видишь, Эрик, – тихо сказал он. – Попробуй, предскажи такое.

Гибберлинг медленно поднялся на коротенькие ножки, подошел к охотнику и взглянул на него снизу вверх, пытаясь заглянуть в лицо. Гордей ответил ему спокойным взглядом, полным, как он надеялся, внутреннего достоинства.

– Ладно, юная дылда, – буркнул гибберлинг и легонько стукнул кулачком по бедру охотника. – Будем дружить.

– Я хочу вам помочь, – повторил Гордей, переводя взгляд на эльфа и пытаясь припомнить, что говорил отец тогда, в лесу. – Но вы должны мне рассказать, в чем тут дело. Иначе я могу случайно, по незнанию, навредить вам.

– Расскажем, не сомневайся, – буркнул Эрик, нагибаясь за мешком с добром разбойников. – Вон у нас сидит спец по разговорам, хлебом не корми, дай только потрепаться. И, кстати, о хлебе…

Договорить он не успел – издалека, из леса, раздался приглушенный крик боли. Гибберлинг уронил мешок, а Винсент вскочил на ноги и замер, прислушиваясь к лесным звукам.

– Где-то рядом, – шепнул он. – Что это?

– Ловушки, – спокойно отозвался Гордей, нагибаясь за мешком. – Нам нужно уходить.

– Какие еще ловушки? – сердито спросил Эрик, и тут же вскинул голову, услышав второй крик.

– Я прошел назад по нашим следам, – пояснил Гордей, закидывая на плечо мешок. – И поставил пару охотничьих ловушек на тропу. На тот случай, если кто-то вздумает нас преследовать.

– Очень предусмотрительно, – произнес эльф, напряженно вглядываясь в зеленые шубы елок. – Не хочу показаться трусом, но…

– Но пора брать ноги в руки, – бросил Эрик, исчезая в кустах. – Быстрей, длинноногие! Все за мной.

Винсент, бросив очередной взгляд в гущу деревьев, молча последовал за гибберлингом. Гордей покачал головой – ему вновь досталась роль замыкающего. Впрочем, он не возражал. Подняв голову, он прислушался. И лишь когда раздался третий крик, довольно ухмыльнулся и отправился следом за спутниками.

6

Броска сквозь лес не получилось – измученные эльф и гибберлинг выдохлись довольно быстро. Гордей еще держался – сил у него хватало, но очень хотелось пить и есть, и это отвлекало. Чуть отстав от спутников, он минут пять простоял за большой елкой, прислушиваясь к утреннему лесу, но не заметил ничего подозрительного. Если за ними и шла погоня, то сейчас преследователи было довольно далеко.

Ускорив шаг, Гордей без труда нагнал своих спутников, устало бредущих сквозь мокрые заросли лещины и дикой малины.

– Никого, – сказал он, когда Винсент обернулся, – можно перевести дух.

Эльф тут же остановился и с заметным облегчением прислонился спиной к смолистому стволу огромной елки. Гибберлинг устало присел на громадный корень и тут же запустил лапы в заросли травы.

– Это тяжелее, чем мне казалось, – мрачно сказал эльф.

Гордей сбросил с плеча мешок с трофейным барахлом, без лишних слов нашел большой лист лопуха, свернул его кулечком и принялся стряхивать в него воду с широких листьев лещины. Когда воды набралось пару глотков, молодой охотник протянул кулек эльфу, но тот криво ухмыльнулся и покачал головой. Гибберлинг тоже отказался – он уже жевал какой-то белый корешок, выкопанный прямо из-под ног. Гордей пожал плечами и с наслаждением высосал воду одним большим глотком.

– Браво, – произнес Винсент с легкой насмешкой. – Сразу видно опытного охотника, живущего в лесу.

Отлепившись от дерева, эльф нагнулся над мешком с добром разбойников и принялся в нем шарить.

– Но опытные путешественники, – продолжал Винсент, – делают так.

Ловким движением он извлек из мешка огромную флягу, перетянутую бурой кожей, откупорил крышку и сделал пару смачных глотков. Потом довольно ухнул и швырнул флягу Эрику. Гибберлинг без труда поймал ее и тут же присосался к горлышку.

Гордей залился румянцем. Его уши, казалось, окунули в раскаленную лаву – охотник чувствовал, что они горят и, похоже, вот-вот вспыхнут ярким пламенем.

– Мне не приходилось раньше шарить в чужих вещах, – с вызовом бросил Гордей, – и сейчас в голову не пришло.

– Тогда учись, пока не поздно, – буркнул гибберлинг,

поднимаясь на ноги, – жизнь коротка, и если не позаботиться о себе, станет еще короче. Все, пошли.

Винсент со стоном уронил длинные руки, тяжело вздохнул и поплелся следом за другом. Гордей вскинул проклятый мешок на плечо и поспешил за спутниками, раздвигая луком мокрые ветви лещины. На этот раз он решил держаться ближе к странной парочке, а не плестись в хвосте. Пора было прояснить некоторые вещи.

– Куда мы идем? – спросил он. – Куда-то в определенное место?

– Можно и так сказать, – буркнул гибберлинг, не оборачиваясь.

– Мы обойдем Новоград по широкой дуге, – мягко сказал Винсент, словно пытаясь сгладить грубость собеседника. – Нам нужно держаться окраин, чтобы быть подальше от людей. В конце концов мы должны выйти к большому берегу, туда, где астрал почти вплотную подступает к городу.

– Там дикие места и почти нет людей, – сообразил охотник. – Но если нас преследуют, мы окажемся в ловушке.

– Главное – не дать загнать себя в угол, – отозвался эльф. – Нужно оставить себе немного пространства для маневра. Сейчас для нас главное – оторваться от тех, кто идет за нами. А там уж прикинем, что делать дальше.

– Винсент, – позвал Гордей и кашлянул, прочищая горло. – Я хотел бы узнать, от кого вы бежите?

Гибберлинг фыркнул и разразился целой речью, состоящей из злющего шипения. Большинства слов охотник не разобрал, но в целом ему не требовалось перевода, чтобы опознать площадную брань.

– Эрик, перестань, – поморщившись, бросил эльф. – Ты же знаешь, для моего слуха эти дикие звуки – страшное испытание.

Гибберлинг тихо заворчал себе под нос, но так и не обернулся. Винсент же чуть замедлил шаг и, дождавшись отставшего Гордея, двинулся рядом с ним.

– Это очень долгая история, мой друг, – сказал он. – Но я расскажу тебе самое главное. Ты знаешь, что такое Империя?

– Еще бы, – откликнулся охотник. – Мы же с ней воевали еще до Катаклизма! Еще до того, как мир распался на острова, плавающие в астрале! Главный у них – злющий темный маг Незеб, а его страна зовется Хадаган. Там такие сражения были – ух!

– Ух, – согласился эльф. – Было дело. Но и сейчас, как понимаешь, они по-прежнему не любят Канию.

– Не любят, – согласился Гордей, – мне торговец Немир

рассказывал, что война-то идет, но с аллода на аллод теперь трудно войска переправлять, больно много магических сил тратится на порталы. Так что воюют, но малыми силами – как он сказал.

– Кратко, но информативно, – буркнул эльф. – Хорошо. Так вот. Те люди, которых мы убили прошлым вечером, были хадаганцами. Шпионами Империи, что пробрались в Новоград.

– Что? – вскинулся Гордей. – Откуда они тут? В самом Новограде!

– Шпионы, увы, есть везде, – отозвался эльф. – Война есть война. Канийцы засылают своих людей в Хадаган, хадаганцы своих – в Канию.

– Быть не может, – пробормотал пораженный Гордей. – Хадаганцы! И так много…

– В Новограде их намного больше, – сказал Винсент. – Но сейчас это не главное. Главное то, что они хотят поссорить нас – эльфов и гибберлингов – с Канией.

– И это им почти удалось, – раздраженно бросил Эрик, прислушивающийся к разговору.

– Но в этом нет вины нашего нового друга, – с предостережением сказал эльф.

Гибберлинг снова зашипел и ускорил шаг, с треском продираясь сквозь очередной куст лещины.

– Прости его, – сказал Винсент. – Он очень переживает.

– Так почему хадаганцы хотят поссорить нас с гибберлингами? – спросил Гордей. – Почему сейчас? И при чем тут Эрик?

– Все не так просто, – Винсент покачал головой. – Как бы это попроще… Что ты знаешь о гибберлингах?

– Ну, мало чего, – признался охотник. – Появились такие лохматые крохи. Новая раса. Дружат с эльфами.

– Дружат – это сильно сказано, – мрачно произнес Винсент. – Ну да ладно. Если коротко, то гибберлинги действительно много общаются с эльфами. Моя семья первой наладила с ними отношения.

Винсент вдруг помрачнел, словно его одолели недобрые воспоминания. Гордей не решился переспросить – просто шел рядом, ловя каждое слово. Не каждый день простому охотнику доводится услышать такую историю.

– Коротко говоря, – сухо продолжил эльф, – гибберлинги снарядили посольство к людям. Их отряды отправились и в Канию, и в Хадаган.

– В Хадаган? – удивился Гордей. – Они же враги!

– Враги канийцам, но не гибберлингам, – отозвался

Винсент. – Не заблуждайся – гибберлинги не веселые зверушки, умеющие говорить. Это отдельная раса, и отношения с прочими народами они выстраивают сами. Уважай их. И они будут тебе друзьями.

– Хорошо, я понял, – закивал Гордей. – А что там с посольством?

– Про хадаганское посольство мне ничего неизвестно, – отозвался Винсент. – А вот с канийским, здесь, в Новограде, все вышло плохо.

– Плохо? – удивился охотник. – Почему?

– У гибберлингов есть нечто ценное, – медленно произнес эльф, старательно подбирая слова. – Они хотят обменять это на помощь людей. Но часть гибберлингов хотят заключить такую сделку с канийцами, а другая часть – с хадаганцами.

– А что это такое? – жадно спросил Гордей.

– Неважно, – отмахнулся Винсент. – Главное, что посольство гибберлингов здесь, в Новограде, встретили весьма сдержанно. Ваш верховный маг, Тенсес, и вовсе отказался общаться с новой расой – вероятно, потому, что узнал о посольстве к хадаганцам, его заклятым врагам. Правители Новограда и городской совет тоже не слишком тепло встретили это посольство. Переговоры были сложными. А потом случилась беда. На улице, на гуляющих гибберлингов напали люди. Это были простые хулиганы. Сначала они дразнили этих безопасных малышей, а когда те ответили – случилась драка. Тебе нужно знать, что гибберлинги вспыльчивы и довольно воинственны. Разозлить гибберлинга так же просто, как разозлить дикую рысь. И так же опасно.

– И что случилось? – шепотом спросил Гордей, посматривая вперед – не видать ли спины Эрика.

– Стража не успела вовремя вмешаться, все случилось слишком быстро. Двух гибберлингов ранили. Один хулиган – простой горожанин – умер от ран. Остальные пострадали меньше. Но дело было сделано – между людьми и гибберлингами появилась новая стена. Слухи о драке множились, обрастали зловещими подробностями. Гибберлинги обвиняли людей, люди – гибберлингов.

– Да не может быть, – усомнился охотник. – Все же ясно как день!

– Не всем, – сухо отозвался эльф. – Если говорить кратко, то посольство провалилось. Гибберлинги собрались уходить. Не сдавался только Эрик.

– Эрик? – переспросил Гордей, косясь на кусты, сквозь которые прорывался гибберлинг. – Так он посол гибберлингов?

– Нет, – Винсент усмехнулся. – Вовсе нет. Эрик, можно

сказать, вольный стрелок. Сам по себе. Но вызвался идти вместе с посольством. У этих малышей все по-простому, они не придают большого значения чинам, как вы, люди. Так что Эрик… Он просто хочет, чтобы договор был заключен с канийцами, а не с хадаганцами.

– Это правильно, – одобрил Гордей, с уважением глянув в сторону гибберлинга.

– Но к Эрику, к сожалению, прислушиваются далеко не все, – заметил эльф. – И когда он предположил, что нападение было сделано нарочно, чтобы сорвать переговоры, остальные ему не поверили.

– Нарочно? – переспросил охотник. – Это как?

– Кое-что нам показалось подозрительным, – медленно произнес Винсент. – Хулиганы действовали не сами по себе. Кто-то подкинул им эту идею. Мы с Эриком пытались проследить судьбу тех, кто дрался с гибберлингами. Это было сложно – мы не люди, и нам не доверяли. Я прошелся по домам людей и узнал, что тот, кто умер, был обычным пьянчугой. А его дружки оказались мелкими воришками без дома и пристанища. В день нападения они просто встретились в кабаке, где кто-то угощал их вином. Большего мне узнать не удалось – воришек не найти, а семья покойного не горела желанием общаться со мной.

– А как же стража? – возмутился Гордей, – они же должны были разобраться в нападении!

– Они не разбирались, – с горечью произнес Винсент. – Ведь, как ты выразился, все было ясно как день. Да и после этого инцидента люди перестали доверять гибберлингам.

– Но ты-то эльф! – возмутился Гордей. – Ты же мог им всем сказать! Мы-то с вами друзья!

– Все немного… – Винсент помялся, – сложнее. Я тоже не посол. И не имею влияния на гибберлингов. Мое присутствие – просто знак уважения моей семьи к этому посольству. Знак того, что мы в курсе, чем занимаются гибберлинги. Но не более того.

– Не понимаю, – признался Гордей. – А что ты тогда тут делаешь?

– Наблюдаю, – отозвался эльф. – За тем, как идут дела. Мне запрещено вмешиваться и оказывать влияние на людей или на гибберлингов. Это сложно объяснить, но так надо. Однако я не удержался. Мне показалось, что Эрик прав, и мы решили действовать вместе. Вот тут и начались настоящие неприятности.

– Какие?

Винсент не ответил, он нахмурился, думая о чем-то своем, потом тяжело вздохнул и остановился, переводя дух.

– Теперь мне ясно, что мы разворошили осиное гнездо, – тихо

произнес он. – Нападение, конечно, не было случайным. За ним стояли шпионы Хадагана. Они хотели сорвать договор между Канией и гибберлингами. Вероятно, они не только устраивали провокации, но и как-то влияли на людей в правительстве Новограда. Дурное слово тут, глупый слушок там – все это можно проделать быстро и ловко. Хадаганцы следили за этим посольством с самого начала. И, конечно, они не могли упустить из виду то, что мы с Эриком начали расследование.

– И тогда они попытались вас убить, – догадался Гордей. – Вот подонки!

– Мы с Эриком решили разыскать одного из воришек, участвовавших в драке, и допросить его, – произнес Винсент. – Мне удалось узнать, что он частенько бывает в одном из кабаков на севере Новограда. Замаскировавшись, мы с Эриком отправились туда посреди ночи. Сейчас мне кажется, что это было ловушкой – мне специально подкинули этот слух и никакого воришки там и не могло быть. Но мы пошли проверить… Там на нас и напали. Со спины, в темном углу, исподтишка. Нас связали и утащили из города. Сначала вывезли на телеге. Но она сломалась, и нас понесли на руках, подальше из города.

– Зачем? – вырвалось у Гордея. – Разве не проще вас было убить?

– Проще, – согласился Винсент. – Но на фоне последних событий мертвый гибберлинг и мертвый эльф возбудили бы слишком много ненужных подозрений. Не знаю, зачем нас оставили в живых. Может быть, хадаганцы собирались нас как-то использовать? Например, в определенное время подбросить наши трупы в какое-то место, чтобы очернить канийцев в глазах гибберлингов? Или, может быть, я должен был выглядеть убийцей Эрика. А может, наоборот… Кто знает, что творится в этих мерзких хадаганских головах.

– Это ужасно, – совершенно серьезно произнес Гордей. – Я и представить не мог, что кто-то сидит и планирует такие вещи. Мне кажется, так не бывает.

– Добро пожаловать в большой мир, юный человек, – сказал Винсент. – Тебя ждет много открытий. И далеко не все из них тебе понравятся. Я гарантирую это.

– И что же случилось потом? – спросил Гордей.

– Похитители устали нас нести, – отозвался эльф. – Они хотели найти новую телегу и отправили двоих обратно в город. Остальное ты знаешь. Теперь по нашим пятам идет погоня – те двое явно вернулись с подмогой из города. И на этот раз, думаю, они не будут рисковать и оставлять нас в живых.

– Но что же теперь делать? – воскликнул Гордей. – Нельзя же

просто бежать в лес!

– Мы и не будем, – отозвался Эрик, появляясь из кустов. – Нам нужно только оторваться от преследователей. А потом узнать, что творится в городе. Если посольство все еще на месте, нам нужно будет пробраться к нашим друзьям и все рассказать. Но если они уже ушли…

– Что тогда? – спросил Гордей.

– Тогда подумаем, – строго отозвался гибберлинг зыркнув на охотника. – Будем решать проблемы по мере их возникновения.

– В твоих устах эта фраза не звучит, – тяжело дыша, заметил Винсент. – Не знаю, где ты ее услышал, но у тебя очень глупый вид, когда ты это произносишь.

– Что не делает ее хуже, – парировал гибберлинг, подходя ближе. – Ты плохо выглядишь, эльфийская дылда.

– Это пройдет, – отозвался Винсент, прислоняясь к стволу дерева. – Сейчас нужно думать о других проблемах.

– Каких? – спросил Гордей, невольно нащупывая нож на поясе.

Эльф приложил палец к губам, и спутники замерли, вслушиваясь в тишину утреннего леса. Шорох разлапистых крон, щебетанье птиц, далекий треск веток – ничего необычного Гордей не слышал. Словно прочитав его мысли, эльф покачал головой.

– Я слышу, – сказал он. – Они идут по нашим следам. Минимум трое, хотя я думаю, их больше. Мы слишком устали и не сможем оторваться от них. Нужно решить эту проблему, прежде чем заняться следующей.

Гибберлинг насупился, оскалил зубы и воинственно погрозил лесу мохнатым кулаком.

– Сколько бы их ни было, уложу всех, – прорычал он.

– Сначала бы надо узнать, сколько их, – тяжело произнес эльф, отлепляясь от дерева. – Гордей…

– Я посмотрю, – быстро отозвался охотник, сразу сообразив, что от него требуется. – Идите вперед. Я разведаю, что к чему, и догоню вас. Тогда и решим, что делать.

Гибберлинг недовольно заворчал, но Винсент погрозил ему пальцем. Потом протянул руку и снял с плеча Гордея мешок с добычей.

– Пойдем, Эрик, – сказал он. – Охотник прав. Сейчас он самый сильный из нас. Ему не составит труда провести разведку и догнать нас. А нам надо поберечь силы. Идем.

– Елки видишь? – буркнул гибберлинг, обращаясь к охотнику. – Вон, две верхушки самые длинные?

– Вижу, – отозвался Гордей.

– Держи к ним, не ошибешься. Пойдем по дуге, ты срежешь, –

бросил Эрик и побрел к кустам.

Эльф двинулся следом, но теперь его шаги не были легкими и изящными – он брел как усталый, донельзя измотанный человек.

Гордей проводил их взглядом, а когда странная парочка скрылась в кустах, одернул куртку и проверил, легко ли выходит из ножен охотничий нож. Потом развернулся и пошел обратно в лес, по своим следам – навстречу погоне.

7

Осторожно ступая по палой листве и обходя стороной заросли дикой малины, Гордей старался держаться чуть в стороне от того следа, что оставила за собой их странная компания, продираясь через подлесок. Шел он легко, осторожно, не торопился – действовал так, словно выслеживал осторожную дичь. Тело действовало само, по привычке, а вот мысли метались подобно поднявшемуся над ульем пчелиному рою.

Гордей был молод и многого в этой жизни не знал. Но дураком он не был – в роду Ветровых подобной заразы не водилось. Он прекрасно понимал, что эльф рассказал ему далеко не все. История вышла занятная, что там говорить, это вам не сказ про то, как Фимка корову из соседней деревни увел. Дух захватывало от того, что рядом творятся такие дела. Шпионы, злодеи, послы, маги, эльфы, гибберлинги… Одно плохо – практическая смекалка рода Ветровых подсказывала Гордею, что лучше всего такие истории слушать сидя на завалинке, а не участвовать в них. На секунду он даже пожалел о том, что пошел в Новоград. Но лишь на секунду.

Заслышав впереди шорох, Гордей чуть пригнулся и быстро шмыгнул за кусты. Потом огляделся, отошел на десяток метров в сторону. Смешанный лес чем хорош – всегда найдется дерево для твоих целей. Тут, у Новограда, с деревьями было так же хорошо, как и в родном Светлолесье. Тут и разлапистые елки, и дубы, и клены, а порой попадается и вяз… Елки сейчас Гордею были без надобности, а вот старый дуб с морщинистой корой подойдет в самый раз.

Закинув лук за спину, охотник легко обхватил дерево и быстро вскарабкался до первой крупной ветки. Утвердившись на ней обеими ногами, Гордей привалился плечом к холодному мокрому стволу и замер, всматриваясь в заросли зеленой лещины и алеющего бересклета.

Ждать долго не пришлось – через пару минут кусты в полсотне метров от охотника заколыхались, и из зарослей лещины показался человек. Он был невысок, худ и с ног до головы закутан в серый дорожный плащ, подпоясанный широким кожаным поясом. Остроконечный капюшон скрывал лицо человека, но Гордею было видно, как тот крутит головой, присматриваясь к следам. Найти их не составляло труда – продираясь сквозь подлесок, беглецы не скрывались и не думали даже прятать следы. Сломанные ветки, примятая трава, глубокие отпечатки ног в сырой земле – все это без сомненья указывало

направление.

Человек в плаще на мгновенье замер, повернул голову, осматриваясь, но потом двинулся вперед. Он очень напоминал одного из тех, кого Гордей видел прошлой ночью у костра. Но сказать точно он не мог. Не успел тогда рассмотреть этих странных людей.

Следом за ним из зарослей выступили трое крепких ребят, походивших выправкой на бойцов. Широкие плечи, кожаные куртки, на поясах – короткие мечи. Они походили на охранников караванов, что охраняют купцов во время долгих путешествий. Шли они ходко, быстро, и при взгляде на них становилось ясно, что им далеко не впервой преследовать добычу. Гордей хоть и находился от них в доброй сотне метров, невольно поежился. Но на этом дело не кончилось – следом за бойцами из кустов на полянку выступили еще двое, и охотник покачал головой.

Эти двое тоже были в одинаковых походных плащах, но – в зеленых. У каждого из них был лук с уже натянутой тетивой, а за плечами пряталось по колчану. Гордей невольно коснулся того, что висел у него за спиной. Где уж ему, этой деревенской плетенке, до этих отличных луков и колчанов. Вот это экипировка! Даже отсюда видно, что работа дорогая, достойная, годная не только зайцев стрелять.

Гордей вжался в мокрую кору дуба, стараясь остаться незамеченным. Преследователи шли мимо его убежища ровно по следам беглецов, и хотя Гордей был довольно далеко от них, рисковать он не хотел. Он вовсе не единственный охотник в этом лесу. И, скорее всего, даже не самый опытный.

Проводив странную процессию взглядом, Гордей еще раз оглядел опустевшую поляну и, поняв, что больше никого не появится, белкой скользнул вниз по дубу.

Легко приземлившись на обе ноги, он пригнулся и сразу рванул в лес, стараясь идти быстро, но как можно тише. Преследователи шли медленно, размеряно, и охотник знал, что без труда обгонит их, даже если заложит широкую дугу. Он-то знает, куда бежать, и не боится ступать по лесу. А эти ребята идут медленно не только потому, что боятся сбиться со следа. Вовсе нет. Ловушки, судя по всему, сработали как надо. Никто не хромает – значит, как минимум двоим пришлось оставить всякие мысли о погоне. Получить в ногу парочкой заостренных веток – это все равно что мелкую стрелу словить. Тут особо не побегаешь, с дырками-то в ноге.

Ухмыльнувшись на ходу, Гордей обернулся, и, сочтя, что отошел достаточно далеко от преследователей, бросился бегом через лес.

Ориентировался он по солнцу и паре макушек огромных елок, высившихся над остальными деревьями. Охотник прекрасно помнил, где расстался с эльфом и гибберлингом, и ему не составило труда проложить новую дорогу. Он знал, что Эрик пойдет по дуге – как река, огибающая камень. Преследователи пойдут за ним, по следам, тратя на это время. А он – охотник – пойдет напрямик, срезав путь.

Несясь сквозь подлесок, Гордей все же старался придерживать дыхание и экономить силы. Он не собирался выкладываться по полной – уж больно ему не понравилось то, что он увидел. Судя по виду этих серьезных ребят, силы ему еще ой как понадобятся. Так что нужно было поберечь и силы, и дыхалку.

Благодаря своей предусмотрительности Гордей потратил на дорогу к приметным елкам на пять минут больше, чем мог бы, но зато вывалился на крохотную полянку не задыхаясь и не вывешивая язык на плечо.

– Ну, как там? – сразу спросил его гибберлинг, сидевший прямо на траве. – Сколько?

– Шестеро, – выдохнул молодой охотник, подходя ближе. – Уже близко.

Винсент, сидевший на корнях сосны, со стоном поднялся на ноги и потер руками колени. Потом наклонился над мешком с добычей, брошенным на землю.

– Как вооружены? – спросил Эрик, задумчиво оглядывая Гордея, словно прикидывая – выдержит ли юнец бой.

– Два лучника – сразу сказал охотник. – Три крепких таких мужика с мечами, похожи на солдат. И еще один такой в сером плаще, похож на следопыта. Очень напоминает одного из тех, что ушли ночью искать подмогу.

– Хадаганец. – Гибберлинг сплюнул в траву и зло прищурился. – Остальные просто наемники. Местные, из тех, что за деньги что угодно сделают.

– Плохо, – печально сказал Винсент и тут же повысил голос: – Плохо! Плохо!

Гордей невольно попятился – эльф несколько раз повторил это слово, и каждый раз голос его звучал по-другому – то выше, то ниже, то звонче, то глуше. Охотник с опаской глянул на гибберлинга, но тот лишь отмахнулся и медленно поднялся на ноги. Потом потянулся, снова напомнив Гордею рысь, и подошел к мешку с добычей.

Эльф тем временем обошел кругом полянку, на все лады повторяя странные слова. Внезапно его голос дал слабину и последнее «плохо» прозвучало пискляво, словно у подростка.

– Винсент, – позвал Гордей, косясь на гибберлинга, что

копался в мешке с добычей. – Винсент, нам нужно торопиться. Они уже близко.

– Проклятый лес, проклятая погода, – зло бросил эльф, потирая ладонью горло. – Проклятый целиком аллод.

– Не мешай ему, – буркнул гибберлинг, доставая из мешка короткий меч, все еще вложенный в деревянные ножны, обтянутые светлой кожей. – Он распевается.

– Распевается? – удивился охотник. – Он что, певец?

Эльф замер, медленно обернулся к Гордею и медленно, тяжелым взглядом, смерил юношу с головы до ног.

– Я не певец, – веско произнес он. – Я бард.

– Бард! – с облегчением выдохнул охотник. – Ну конечно, бард!

Теперь все стало на свои места! Ну конечно, как он мог сразу этого не понять! Эльф – бард-чаропевец. Тот самый, из старых историй, что рассказывают старики у вечернего костра. Барды наделены особой магией, магией голоса. Своим пением они могут и врагов крушить, и раны лечить, и полки за собой в бой вести.

Напряжение, что сковывало Гордея все это время, схлынуло. Он улыбнулся, широко и радостно, от того, что сердце его пело. Вот это приключение!

– Ну, тогда это другое дело! – пылко сказал он. – Ты же бард! Ты всех этих разбойников в клочья порвешь!

– Нет, – сухо ответил Винсент и нахмурился.

– Как это нет, – опешил Гордей. – Ты же бард!

– А ты охотник, – бросил эльф. – Вон заяц под кустом, убей его. Быстро. Сейчас.

Гордей в растерянности оглянулся – никакого зайца под кустом, конечно, не было.

– Ну, что ты медлишь, – рявкнул эльф. – Что тебе нужно для этого, охотник?

– Лук, – медленно отозвался охотник. – Ну, стрела…

– Нет у тебя лука, нет стрелы, – отрезал эльф. – Голые руки. Быстро убей зайца!

– Так не получится, – запротестовал Гордей, – как же без лука! Камнем разве что кинуть. Или ловушку поставить.

– Можно и так, – внезапно согласился Винсент. – Но это не совсем то, да? Без лука-то?

– Конечно, – согласился молодой охотник, еще не пришедший в себя от напора эльфа.

– Вот и у меня нет лука, – с тоской произнес Винсент. – Мне бы лютню мою, палисандровую. Или жезл брата, из тиса. Хотя бы зачарованный клинок из последней кузни, ну хоть что-то.

– А без этого никак? – с опаской спросил Гордей. – Не

получится?

– Получится, – сухо отозвался эльф. – Примерно как у тебя с голыми руками на зайца.

– А идут на нас не зайцы, – подвел итог Эрик, подходя ближе. – Давайте уже, берите что есть.

Он молча протянул эльфу короткий бандитский клинок. Винсент с мрачным видом принял его, вытащил из ножен, вогнал обратно. Если в лапах гибберлинга эта железяка и впрямь напоминал меч, то в длинных руках эльфа она казалась ножом.

Гордей невольно коснулся своего охотничьего ножа на поясе.

– У меня только пара стрел, – с тоской сказал он. – Да я и не уверен, что они пробьют кожаный доспех тех воинов.

– Воины – не твоя забота, – буркнул гибберлинг, крутя в лапах кинжал, добытый из того же мешка с добычей. – Займешься лучниками.

– Я? – поразился Гордей. – Но я же не умею… Я не воин…

– Жить хочешь? – веско спросил Эрик, взмахнув кинжалом, что в его лапах выглядел мечом.

– Я понял, – отозвался охотник. – Я не дурак. Но я не знаю, как надо воевать.

– Зато я знаю, – отозвался гибберлинг. – Винсент, иди сюда! Хватит хныкать над этой железякой! Давай, подключай мозги.

Подняв голову с прижатыми ушами, Эрик ободряюще глянул в лицо молодому охотнику и добродушно похлопал его по бедру.

– Не дрейф, дылда. Просто слушай и запоминай.

Гордей чуть наклонился к странному рыжему созданию, и, стараясь отринуть дурные предчувствия, приготовился слушать.

8

Притаившись за широким стволом старого дуба, Гордей медленно дышал через нос, как учил отец, стараясь выровнять дыхание. Он волновался. Очень волновался. Время тянулось медленно, как обоз по топкой дороге, и охотнику казалось, что здесь, в своем убежище, он провел уже не меньше часа. На самом деле прошла едва четверть, но все это время, что Гордей провел в засаде, его нервы натягивались, как тетива на луке.

Сглотнув, Гордей проверил тетиву. Сухая и твердая – все как положено. Это запасная, из тайного кармашка. Ту, что была на луке вчера ночью, пришлось убрать: она намокла и растянулась. Для охоты, конечно, сгодилась бы, но сейчас речь идет вовсе не о стрельбе по зайцам.

Гордей медленно выдохнул через нос, стараясь успокоиться. Да, все как на охоте. Сидишь в заимке, ждешь, когда по тропе пройдет олень, только и всего. Гибберлинг был прав – в этом нет ничего сложного. Главное, не думать о том, что… Не думать. Лучше вообще ни о чем не думать. Особенно о том, что у него всего две кривоватые стрелы, с ощипанным оперением.

Заслышав хруст веток, Гордей затаил дыхание и чуть высунулся из-за дуба, вглядываясь в подлесок. Впереди, у полянки с елками, в зеленых кустах маячили серые тени. Идут. Гордей специально расположился чуть в стороне, отошел немного назад, так, чтобы напасть на преследователей с тыла. Главное – чтобы они выбрались на открытое место, на полянку. Но это уже не его забота. Его забота ждать. И выстрелить первым.

Из укрытия Гордею было хорошо видно, что на полянку первым выбрался человек в плаще, бывший, судя по всему, следопытом. Он, не отрывая взгляда от земли, быстро прошел вперед, к корням деревьев, где отдыхали беглецы. Там было на что посмотреть – прежде чем уйти с полянки, гибберлинг устроил настоящее представление. Он валялся по мокрой земле, изображая агонию, бросил на траву изрезанный ножом рукав со следами крови. Эльф в это время топтался по земле на коленях, изображая заботливого лекаря. Гордею пришлось лишь постоять в сторонке, охраняя привал.

Следопыт без труда прочитал следы на земле и вскинул голову, всматриваясь в заросли кустарника. Туда вели следы всех трех беглецов. С поляны они ушли вместе, позаботившись о том, чтобы это было понятно даже горожанину, а разошлись в разные стороны уже в кустах, далеко за пределами поляны. Следопыт тихо свистнул и вскинул руку.

Тут же, повинуясь его жесту, из кустов на полянку вышли трое бойцов и молча, деловито, устремились к противоположной стороне, без опаски пересекая открытое пространство. Сам следопыт не спешил сунуться в кусты – все озирался по сторонам. Но потом тоже двинулся вперед, держась всего на шаг впереди воинов.

Гордей вдруг почувствовал жжение в глазах. По щекам потекли горячие, обжигающие слезы. Смахнув их рукавом, охотник наложил стрелу на лук, но натягивать его не стал – он ждал свою мишень. Свою добычу.

И вот они появились. Да так неожиданно, что у Гордея захватило дух. Оба лучника вышли из кустов одновременно, с двух сторон поляны. Один оказался далеко, а второй вынырнул из кустов совсем рядом с охотником. До него было не больше десятка шагов!

Гордей перестал дышать, до рези в глазах всматриваясь в мокрый зеленый плащ, скрывавший лучника с головы до ног. Из-под широкого капюшона виднелся только острый белый нос да клок черной курчавой бороды. Лук с натянутой тетивой он нес в руке, а небольшой колчан с длинными стрелами болтался за спиной.

Время, казалось, остановилось. Гордей попытался вдохнуть, но не смог – воздух стал вязким, как смола, и горячим, как угли. Он слышал, как где-то там далеко, сбоку, поднялся шум. Затрещали палые ветви, раздался протяжный крик. Все это было так далеко. И не с ним. Ему нужно было сделать что-то важное, и как можно быстрее, но он никак не мог себя заставить.

Лучник остановился, и его правая рука медленно потянулась наверх, через плечо, к белоснежному оперению длинных стрел. И только тогда Гордей очнулся.

Даже не вздохнув, он в мгновенье ока натянул свой короткий лук до самого уха и дернул рукой, швыряя стрелу в свою мишень. Воздух, наполненный влагой, с тихим шелестом расступился пред рябыми перьями охотничьей стрелы, и короткая палочка с хрустом вонзилась под капюшон лучника – точно в шею, между плечом и головой. Тот, даже не вскрикнув, повалился в кусты – безвольно, как ярмарочная кукла, у которой перерезали ниточки.

Гордей жадно втянул открытым ртом холодный лесной воздух и выскочил из своего убежища, накладывая на лук последнюю стрелу. Уже натягивая тетиву, он быстро окинул взглядом поляну, выискивая второго стрелка, но увидев, что творится на поляне, замедлил шаги.

У дальних кустов на земле лежало тело следопыта – он уткнулся лицом в землю, широко раскинув руки. Видимо,

попытался бежать, когда его настиг брошенный умелой рукой нож, чья рукоять теперь едва заметно посверкивала меж лопаток покойника.

Сам метатель ножа – эльф – успел выйти из кустов и теперь уверенно шел навстречу воинам с обнаженным мечом в руке. Ему навстречу выдвинулись сразу двое, а третий, помня о том, что эльф не один, держался чуть позади, прикрывая соратникам спину. Прямо на глазах Гордея Винсент на ходу вскинул свободную руку, ткнул раскрытой пятерней в ближайшего воина и взвизгнул, да так пронзительно, что у Гордея заложило уши. Мечник же отшатнулся, невольно вскинул руки – и это стоило ему жизни. Винсент ужом скользнул вперед и, сделав длинный выпад, в одно движение проткнул мечом противнику горло. Потом вырвал из его тела клинок и тут же вскинул его, парируя удар второго воина – еще до того, как тело первого успело упасть на землю. Третий наемник кинулся вперед, пытаясь обойти Винсента слева, но в тот же миг из ближайших кустов ему в ноги вылетел рычащий мохнатый клубок. Яростно вопя, гибберлинг ударил наемника под коленку, и тот повалился на спину, чуть не придавив маленького воина. Эрик же вскинул лапу с кинжалом, его лезвие блеснуло на солнце…

Гордея, засмотревшегося на сражение, спасло только хорошее зрение. Краем глаза заметив движение на дальнем краю поляны, охотник не рассуждая кинулся на землю, и длинная стрела с белым оперением пропела над его головой, едва не чиркнув по волосам.

Не рассуждая и не задумываясь, Гордей в мгновенье ока поднялся на одно колено и натянул лук до уха, еще не видя своей цели. Лишь когда тетива коснулась щеки, его глаза нашарили врага – на той стороне поляны, в зарослях лещины, виднелось серое пятно мокрого плаща. Пальцы охотника разжались, и короткая стрела ушла в зеленые листья. Ей навстречу, из зарослей, вылетела стрела с белым оперением, едва разминувшись с товаркой. Но она опоздала на долю секунды и лишь со щелчком воткнулась в землю – туда, где мгновение назад стоял молодой охотник.

Гордей метнулся в сторону еще до того, как распрямилась тетива его лука. Он уже знал – не попал. Он чувствовал такие вещи, как каждый хороший охотник, он мог предсказать, удачным был выстрел или нет, еще до того, как тетива била о запястье. Этот выстрел не был удачным. И это была его последняя стрела.

Именно поэтому он метнулся обратно в кусты, полетел кувырком, на ходу отшвырнув свой бесполезный лук. Он знал, что теперь превратится в бегущую мишень, – и эта догадка

подтвердилась через мгновенье, когда еще одна стрела с белыми перьями пропела над головой и со стуком вошла в кору старого дуба.

Не размышляя, Гордей рыбкой нырнул в кусты, закатился за дуб, чуть привстал и рванул к соседнему дереву. Не просто так рванул, не наудачу – а так, чтобы путь его прошел точно рядом с первым лучником, раскинувшимся на траве в луже собственной крови.

У его тела Гордей присел на корточки и на миг задержался – ровно настолько, чтобы вытащить из мертвых пальцев чужой лук и выхватить из колчана на спине три длинные белые стрелы.

Он едва успел. Оставшийся в живых лучник туго знал свое дело и не сидел на месте, дожидаясь неизвестно чего, – нет, он быстро скользил меж кустов, выбирая новую позицию для удачного выстрела. И делал он это очень ловко.

Гордей едва успел метнуться за соседнюю елку, как новая стрела прошила насквозь пару кустов и воткнулась в землю, лишь чудом разминувшись с ногой молодого охотника. Видимо, по дороге стрела задела одну из веток и чуть свернула – выстрел вышел не идеальным.

Схватив в левую руку лук и пару стрел, Гордей правой наложил стрелу на тетиву и чуть натянул ее, примеряясь к луку. Не длинный, но и не короткий, черный, из нескольких кусков, с круглой шелковой тетивой – он был просто идеальным. Увесистым, тугим, откровенно смертоносным оружием, а не охотничьим инструментом. Гордею еще не доводилось держать в руках лучшего оружия. Из него было просто невозможно промахнуться.

Вскинув голову, Гордей прислушался. Там, на поляне, продолжалась битва – судя по голосам, оставшийся воин отчаянно рубился на мечах с эльфом, а вот гибберлинга не было слышно. Не было слышно и лучника, и Гордею это очень не понравилось. Если он сейчас развернется и вернется к поляне, то без труда подстрелит и Винсента, и Эрика. Именно этого и нельзя было допустить. Любой ценой.

Вздохнув, Гордей выскочил из-за дерева, вопя во все горло, и наугад пустил стрелу туда, где последний раз видел лучника. И тут же метнулся в сторону, за следующее дерево. Ответная стрела не заставила себя долго ждать – полетела следом за охотником, чуть не клюнув под лопатку. Но и на этот раз враг промахнулся – от неожиданности. Он никак не рассчитывал на то, что сумасшедший парень выпрыгнет из-за дерева с криками. Стрелок чуть замешкался, и Гордей снова ускользнул от вражеской стрелы.

Перебежав к соседнему дереву, он лишь краем глаза успел заметить зыбкую тень у дальних кустов. Но этого ему хватило – враг так и не сменил последнюю позицию. Он даже привстал, собираясь преследовать убегающую добычу, явно испуганную меткими выстрелами. Вот только добыча не собиралась отступать.

Гордей не стал прятаться за деревом. На бегу он успел наложить вторую стрелу на тетиву и, проскочив за стволом старой елки, тут же развернулся в сторону врага. Его руки рывком согнули лук, пальцы разжались, и тяжелая длинная стрела со свистом ушла к своей цели. Прошив насквозь пару кустов, она ударила точно в цель – в левый бок стрелка, под руку с поднятым луком. Наемник лишь коротко всхрапнул. От удара он покачнулся, пальцы разжались, и заостренная смерть, предназначавшая молодому охотнику, улетела в глубину леса.

Гордей, наложивший на тетиву последнюю стрелу, прекрасно видел, как его противник покачнулся, судорожно вздрогнул и завалился навзничь, в пылающие багрянцем кусты бересклета. Лишь тогда охотник опустил лук, и, хромая, бросился к поляне.

Ему, даже с ушибленной лодыжкой, потребовалась всего пара мгновений, чтобы добраться до двух сосен, у корней которых все еще шел бой. Гордей с разгона выскочил из кустов и тут же вскинул лук, натягивая тетиву.

Дела шли неважно – оставшийся невредимым наемник теснил эльфа к кустам, нанося четкие и выверенные удары своим тяжелым мечом. Он явно владел клинком лучше Винсента и постоянно наступал, не давая противнику перевести дух. Второй мечник, раненный в ногу, стоял на коленях и широкими взмахами клинка отгонял от себя взбешенного гибберлинга, что метался вокруг человека, не в силах приблизиться на расстояние верного удара. Гордею не нужно было думать, что делать дальше, его тело все сделало само.

Руки сами натянули до уха тугой боевой лук, и последняя стрела, свистнув над поляной, по самое оперение вошла в спину воину с мечом, атаковавшему Винсента. Человек споткнулся, вскрикнул, попытался обернуться, но Винсент тут же воспользовался заминкой и широким взмахом перерубил наемнику горло.

К этому времени Гордей уже успел сделать пару шагов ко второму воину и с размаху ткнул ему в спину тяжелым луком. Воин не удержался на коленях, повалился вперед, упершись мечом в сырую землю. Эрик с кошачьей ловкостью метнулся вперед и всадил свой длинный кинжал в грудь последнему наемнику.

Гордей вскинул голову, оглянулся, и, не найдя новых противников, опустил лук. Его ноги ослабели, подогнулись в коленках, и молодой охотник вдруг сел на землю, чувствуя, как глаза снова горят, как от огня.

Отложив в сторону чужой лук, Гордей Ветров закрыл ладонями лицо и беззвучно заплакал.

9

Когда яркое весеннее солнышко добралось до зенита, Гордей был уже на пути к Новограду. Шагал напрямик, через лес, сжав зубы и настороженно посматривая по сторонам.

После сражения на поляне Гордей расклеился, дал слабину. В своих мечтах он часто видел себя великим героем, в одиночку уничтожавшим целые вражеские армии. Сильным, могучим, бесстрашным воином, ведущим жизнь, полную приключений и опасности. За этой мечтой он и отправился в большой город, чувствуя, что задыхается там, дома, под опекой семьи.

Теперь далекая родная деревенька не казалась ему скучной и душной. Милый безопасный дом, где все привычно и просто, где каждая былинка знакома с детства, а друзья готовы поддержать в любой момент. Гордей сейчас все бы отдал за то, чтобы оказаться дома.

Еще час назад он размышлял о том, что в целом было бы правильно свернуть еще правее, выйти обратно к большому тракту да задать стрекача в сторону Светловодья, к родным краям. И пусть эльфы, гибберлинги и хадаганцы сами разбираются, кто из них ловчее. Идея была весьма привлекательна. Но Гордей не свернул с пути и даже не замедлил шаг. Не мог он бросить в беде Винсента и Эрика. Не сейчас, только не после того, что им довелось вместе пережить. Не мог он их подвести, не мог бросить все и сбежать, как трусливый мальчишка.

Эрик Резак хотел заключить договор с канийцами, потому что хадаганцы были плохими. Гордей был должен, просто обязан доказать, что договор нужно заключать с канийцами, потому что они хорошие. Потому что им можно верить. Гордей просто не мог себе позволить запятнать честь Кании и всех людей. Что бы там ни бурчал гибберлинг про дылд – канийцы не трусы. Герои Кании не бросают друзей в беде, не бегут в страхе домой под теплое одеяло. И не распускают сопли.

Про сопли Эрик отдельно объяснил молодому охотнику – предварительно отхлестав его по щекам жесткой рукой, больше напоминавшей собачью лапу. Герои Кании после сражения не плачут, как дети, поцарапавшие пальчик. Они встают на ноги, отряхиваются и пускаются в следующее опасное приключение. Гордей и пустился.

После сражения Винсент совсем сдал – ослабел, побледнел и улегся отдыхать на ворох сухих иголок под соснами. Судя по всему, в плену у хадаганцев ему пришлось хуже, чем гибберлингу,

и он все еще не оправился от ран. Так что наставления Гордею давал сам Эрик. Он, правда, в отличие от товарища был не мастер говорить, потому объяснения несколько затянулись. А кое-что пришлось повторить по несколько раз. Но в итоге молодой охотник все-таки понял главное – его отправляли в разведку.

Сейчас перед Гордеем стояла задача как можно быстрее добраться до Новограда. Здесь, напрямик, если не выходить к главным дорогам, до города было не так уж далеко. Если идти быстро, без привалов, то после обеда – по словам Эрика – можно было добраться до городских стен. А там уж как пойдет.

Добравшись до столицы, молодому охотнику предстояло пройти до центра города, до зданий совета Кании, а потом, покрутившись там, узнать последние новости о посольстве гибберлингов. Эрик хотел знать – покинули его родичи Новоград или еще нет. В любом случае Гордею предстояло вернуться обратно к друзьям в лес. И если гибберлинги были еще в городе, то нужно было придумать, как привести Эрика и Винсента обратно в Новоград. А если посольство уже ушло, то… Тут Эрик не смог дать внятного ответа, что он собирается делать в таком случае. Но потребовал, чтобы охотник в любом случае вернулся обратно и рассказал все, что узнает. Встретиться условились не у сосен, а подальше, ближе к краю аллода, там, где земля обрывалась в бездну.

Гордей никак не мог понять, почему гибберлинга так тянет к краю земли. Место опасное, и не только из-за астрала, что потихоньку подгрызает землю аллода. Любой новый отряд преследователей может загнать беглецов в ловушку, и им некуда будет отступать. Разве что броситься вниз головой в бездну, навстречу верной гибели. Но Эрик, судя по всему, знал что делает. Просто не считал нужным рассказывать об этому первому встречному дылде.

Размышляя над тем, что задумал ворчливый гибберлинг, Гордей постепенно ускорял шаги. Лес стал не таким густым, и теперь ему не приходилось продираться сквозь заросли подлеска. Чаща кончилась, и вокруг высились только величавые березы, возносящие к синему небу свои высокие зеленые кроны.

Гордей остановился и оглянулся, пытаясь запомнить дорогу. Здесь, среди берез, царило умиротворение. Лучи солнца спускались с небес сквозь зеленые облака из листьев, что ласково шептались под легким ветерком. Земля не была ровной – то тут, то там виднелись глубокие овраги, похожие на старые шрамы. Перебираясь через такой овраг, Гордей краем глаза приметил знакомые раскидистые листья разрыв-травы. Самих цветков не было видно, они, конечно, покажутся только ночью. Но на всякий

случай охотник решил держаться от них подальше и побыстрее выбрался из оврага.

Оглянувшись, он заметил, как на той стороне, у подножья одной из берез, мелькнуло рыжее пятно. Рысь! И большая. Гордей замер, нащупывая на поясе рукоять ножа, но огромная кошка больше не появилась. Канула в зеленые заросли, спрятавшись до поры до времени. Попятившись, Гордей отошел подальше от оврага, а потом развернулся и быстро зашагал в сторону города.

Где-то впереди уже слышались звонкие удары кузнечных молотков и ржание лошадей. Повеяло запахом дегтя и вареной капусты – судя по всему, до города было не так уж далеко.

Изнывая от нетерпения, Гордей припустил вперед чуть ли не бегом, слегка прихрамывая от ломоты в лодыжке. Сейчас ему очень хотелось оказаться прямо в Новограде, и в первую очередь из-за того, что живот судорогой сводило от голода.

Разогнавшись, Гордей и не заметил, как преодолел последнюю череду кустов и с разгона выскочил на открытое место. Вскинув голову, охотник разинул рот – прямо перед ним возвышались каменные стены Новограда. Огромная стена опоясывала город, а между ней и лесом раскинулась широкая вырубка. Все деревья и кусты около стен выкорчевали, чтобы враг не мог незаметно подобраться к городу. Гордей оказался прямо в центре такой вырубки.

Стена была высокой – выше всех домов, что видел раньше лесной охотник. Из светлых камней, чуть тронутая серым налетом, она возвышалась над землей – гладкая и неприступная. Наверху, вдоль всей стены, виднелись окна, прорубленные в камне. Охотник даже не сразу сообразил, что это, оказывается, огромный коридор, который тянется по всей стене и, теоретически, должен служить убежищем для лучников. Понял он это, только увидев, что над этим коридором уложена остроконечная крыша из черепицы. Такие коридоры тянулись от башни к башне, и воины могли во время штурма спокойно перемещаться между ними, не боясь стрел врага.

Башни тоже заслуживали внимания. Высокие, объемистые, прочные на вид, они возвышались над стеной через равные промежутки, а венчали их остроконечные крыши. И не просто остроконечные, а чуть дутые, словно луковки с огорода.

Но какими бы большими ни были эти башни, как бы грозно они ни выглядели, у Гордея захватило дух от того, что он увидел за ними. Там, за стеной, раскинулся огромный город. И все укрепления не могли скрыть величественных домов, возвышавшихся над стенами града.

Высокие дома из дерева, из камня, увенчанные плоскими

крышами и остроконечными, тощие и пухленькие, бордовые и синие, с позолотой и без – все это сияло в лучах солнца подобно лубочной картинке, из тех, что продают бродячие торговцы.

Приоткрыв рот, лесной охотник сделал несколько шагов навстречу Новограду и замер на открытом месте, не в силах отвести взгляд от великолепия домов. Гордей смотрел на них долго – минут пять и очнулся, лишь когда издалека порыв ветра принес лошадиное ржание.

С трудом оторвав взгляд от огромной стены с башенками, охотник закрутил головой, пытаясь найти вход в город. Никаких ворот поблизости не было видно. Но зато Гордей сразу приметил натоптанную тропинку, ведущую вдоль стен. Видно было, что по ней довольно часто ходят – если не часовые, так прохожие. Недолго думая, молодой охотник свернул на эту тропинку и отправился по ней, вдоль стены.

Идти долго не пришлось – довольно скоро Гордей увидел впереди первые дома, стоявшие около городской стены. Выглядело это так, слово город медленно выползал сквозь огромные ворота и пытался утвердиться вокруг широкой дороги, что вела из леса к Новограду.

Напротив ворот раскинулась небольшая площадь, по ее краю возвышались обычные деревянные терема, сложенные из бревен. Они были не такие высокие, конечно, как городские дома, но повыше тех, что охотнику доводилось видеть раньше. Срубы, украшенные лентами, выступали вперед, ставни были богато украшены резьбой, деревянные лесенки вели к расписным крылечкам, над которыми, как обратил внимание Гордей, висели разноцветные вывески. Было ясно, что это не жилые дома, а то ли лавки, то ли кабаки…

Здесь уже было людно – по дороге, ведущей из леса, к городским воротам тянулась вереница путников. На телегах, на лошадях всех расцветок, на возах и просто пешком – все шли в Новоград. Между резных теремов толпились люди – кто-то бойко торговал с рук, кто-то упаковывал тюки, а иные сразу направлялись к воротам. Обернувшись, Гордей еще раз окинул долгим оценивающим взором крыши зданий, что вид-нелись за стеной.

Длинный воз, запряженный чалой лошадкой, чуть не проехал по его растоптанным сапогам, но Гордей этого даже не заметил. Словно во сне он сделал пару шагов вперед, увернувшись от торгаша, несущего на плече лоток с цветными лентами, и медленно подошел к воротам.

Конечно, он видел каменные дома и раньше – в Ельмене такие, например, встречались. Видел и по дороге, в Сиверии. Но

все же Новоград поразил воображение молодого охотника. Огромные дома, башни, чьи крыши походили на луковицы, факелы на стенах, огоньки и земля, вымощенная ровными камешками, подходящими друг другу…

Забыв, зачем он здесь, Гордей сделал несколько шагов и вошел под арку ворот, зачарованно озираясь по сторонам. Он даже не обратил внимания на пару стражников, стоявших в сторонке и лениво посматривавших в сторону ворот. Увидев Гордея – грязного, взъерошенного, покрытого пылью и палыми листьями, они насторожились. Но заметив разинутый от удивления рот и горящие глаза, дружно ухмыльнулись и вполголоса обменялись парой шуточек про деревенщину, явившегося в большой город.

Гордей, проходивший мимо них, краем уха услышал обидные слова, но не обратил на них внимания. Как зачарованный, он медленно шел по каменной мостовой, крутя головой и пытаясь рассмотреть все, что попадалось ему навстречу. Громадные здания – в три, а то и в четыре этажа! Огромные площади с кучами народа, уличные лотки, торговцы-зазывалы, цветастые палатки торгашей и менял – все это крутилось перед глазами молодого охотника разноцветным водоворотом.

И лишь выйдя на центральную площадь, размером с родную деревню, Гордей понял, что он, наконец, нашел то, что искал. Прикрыв глаза, он вдохнул и медленно выдохнул – как перед важным выстрелом – и лишь потом открыл глаза.

На этот раз он старался смотреть на окружающий его город как на лес, в котором ему нужно найти правильную полянку. Люди, идущие мимо него, перебегавшие площадь, – это все пустяки. Они не должны отвлекать. Главное то, что перед ним огромная башня, точно такая, какой ее описывал Эрик. Он сказал, что если войти в город со стороны Белого Озера, то по прямой можно выйти к центральной башне и пристройкам, где заседает совет Новограда. Но отсюда следовало свернуть направо, пройти через площадь к большой улице, что уходила чуть в сторону. Вдоль улицы тянулся ряд каменных домов, заселенных самыми разными людьми. Постепенно мостовая уходила в квартал ремесленников, но идти туда не требовалось. Нужный дом располагался на этой улице, где-то неподалеку от площади. Большой, каменный, с крохотным двориком и крыльцом. Именно там, недалеко от здания Совета, жили гости Новограда. Гибберлинги, люди, эльфы, послы и торговцы, переговорщики и стражники – всякий люд, считавшийся гостем и проживавший в городе за счет казны, должен был селиться в этом доме. Должен был.

Медленно повернувшись направо, Гордей пошел по площади, стуча каблуками по брусчатке. На ходу он пытался отрешиться от чудес Новограда и не глазеть по сторонам, что было весьма непросто для паренька, выросшего в лесу и так стремившегося попасть в столицу аллода.

Как ни странно, справиться с впечатлениями Гордею помогли косые взгляды, что кидали на него встречные прохожие. Многие откровенно ухмылялись. Тайком оглядев себя, Гордей понял причину таких взглядов и заметно расстроился: выглядел он как самое настоящее чучело. Куртка драная, вся в листьях да сухих иголках, штаны порваны и в репьях, на сапогах – пуды грязи. При этом в руках у него кривой старый лук без тетивы, а за плечами пустой колчан. Эрик не позволил ему взять в дорогу новый лук, добытый в бою, сказал, что это привлечет к себе лишнее внимание. Умом Гордей понимал, что гибберлинг был прав, но сейчас… Сейчас он очень жалел, что не привел себя в порядок перед тем, как зашел в город. Не таким он представлял себе свой первый визит в Новоград.

Чувствуя, как у него начинают гореть уши, Гордей тихонько отошел в сторонку и попытался быстренько почистить грязь на куртке рукавом. Ничего не вышло – только размазал подсохшую глину из леса. Румянец с ушей переполз на щеки, но Гордей вскинул голову и, глядя точно перед собой, продолжил путь, стараясь не обращать внимания на насмешливые взгляды горожан.

Дорога не заняла у него много времени. Едва свернув с главной площади на широкую улицу, ведущую обратно к городской стене, молодой охотник приметил нужный дом. Он был невысок, в два этажа, но был длинным и с множеством окошек – все как описывал Эрик. У него было два крыльца – одно, большое, с деревянными резными перилами, было совсем близко от Гордея. Второе, поплоше, располагалось на другом конце дома, довольно далеко.

Охотник, не долго думая, пошел к ближнему. Около резных перил высился долговязый стражник в кольчуге, остроконечной шапке и с пикой в руках. Он задумчиво щелкал семечки, поглядывая в сторону площади, на которой раскинулся целый парад разноцветных торговых палаток. Заприметив взъерошенного паренька, подходящего к крыльцу, охранник устало расправил плечи и повернулся к гостю.

– Чего тебе, деревня? – спросил он. – На что уставился? Проходи давай.

Гордей остановился, ошеломленный таким неласковым приемом. Но в ту же секунду его озарило – охранник сам

подсказал ему, как следует себя вести.

– А чего чего, посмотреть хочу, – забарабанил Гордей, выпучив глаза. – Пришел я вот специально на чудо чудное посмотреть, да.

– Какое чудо? – устало спросил стражник, окинув взглядом потрепанного паренька.

– Сказывает народ, тут котики говорящие живут, – бодро отозвался Гордей. – Чудо чудесное, ходят на задних лапах, по-человечески болтают!

Стражник не донес очередную семечку до рта. Застыл, потом смерил тяжелым взглядом гостя – с головы до ног.

– Ты откуда такой взялся? – тихо спросил он, наконец.

– Из деревни Травушки, что под Ельменем, – быстро ответил Гордей. – Сказывают да рассказывают про чудеса. Издалека я шел, из Светловодья, из родной деревни.

– Оно и видно, – охранник снова тяжело вздохнул. – Ступай парень, своей дорогой. Не на что тут глазеть.

– Котиков посмотреть хочу, – заупрямился Гордей, вспоминая соседского мальчонку Вихра, вредину и ябеду. – Котиков. Говорящих.

Стражник с тоской огляделся по сторонам, пытаясь нашарить взглядом хоть кого-то из начальства. Никого.

– Нет тут никаких котиков, – медленно произнес он, растолковывая дурачку очевидную вещь. – Уехали котики, понял?

– Как уехали? – искренне огорчился Гордей.

– Совсем уехали, – буркнул стражник.

– Не верю, – заявил охотник, выпучив глаза. – Вчера были котики!

– А сегодня нету, – отрезал стражник, начиная закипать. – Ночью уехали! Все! Совсем! Понял?

– Значит, нету котиков? – с огорчением произнес Гордей.

– Нету, – устало повторил стражник.

– А может, есть?

– Пшел отседова! – рявкнул стражник, сжимая кулаки. – Уехали котики!

Гордей, скорчив испуганную гримасу, отскочил в сторону и быстро захромал в сторону главной площади, оглядываясь через плечо на злого стражника.

Тот остался стоять у крыльца, беззлобно чертыхаясь в спину убегавшего паренька. Ему и в голову не пришло, что в этот самый миг туповатый деревенский увалень потешается над ним.

Отвернувшись, Гордей скрыл ухмылку и пошел быстрее, надеясь поскорей убраться с глаз охранника. Главное он узнал – посольство гибберлингов покинуло Новоград. Причем именно в

ту ночь, когда случилось похищение Винсента и Эрика. Совпадение? Может быть. А может, и нет. И куда они, кстати, уехали? К магическому порталу, через который эльфы попадали на человеческий аллод? Но почему бросили Винсента и Эрика? Допустим, что Эрика они не слишком-то и любили, он кого хочешь до ручки доведет своим ворчанием. Но эльфы – друзья и союзники гибберлингов, они не могли просто так бросить его, не поинтересовавшись, куда это девался Винсент. Что-то тут происходит. И хорошо бы узнать, что именно, поскольку, кажется, некто Гордей Ветров вляпался обеими ногами в огроменную коровью лепешку.

– Пст! Эй, парень! Хочешь котиков посмотреть?

Гордей резко остановился и обернулся. Прямо напротив него, у торгового шатра, украшенного красными и синими лентами, стоял высокий худой человек. На вид он был лет тридцати, лицо у него было веселое, улыбчивое. Над верхней губой – щеточка усов, на голове – кучерявый чубчик, сапоги начищены до блеска. Этакий городской модник в красной рубахе.

– Котики, – задумчиво пробормотал Гордей, оглядывая статного торгаша. – Котики уехали.

– А я все видел, – тут же заявил модник, задорно улыбаясь. – Дай монетку, расскажу, как все было.

– А чего же, дядя, не дать, – сказал Гордей, запуская руку в карман грязной куртки. – А интересно-то будет?

– Еще как, – пообещал усатый, распахивая перед гостем полог шатра. – Купи дяде кружечку кваску ярмарочного, дядя все тебе и расскажет.

Шатер оказался не простым – был он длинный, вытянутый, как гостевой дом. В центре, у огромной бочки, стоял продавец в грязноватом фартуке и с длинным черпаком в руках. Им он разливал по большим кружкам пенистый квас всем способным заплатить мелкую монету. Желающих было предостаточно – получив желанную кружку, люди отходили от бочки, ближе к краям палатки, и, не торопясь, наслаждались квасом. После просто выходили, оставив кружку на приземистом столике.

В шатре сейчас было с десяток человек, все одновременно говорили – но тихо, не повышая голоса, и беседы сливались один неразборчивый гул.

– Ну, давай монетку, – сказал усатый, поглядывая на продавца.

– Ща, – пообещал Гордей, запуская руку за пазуху.

Там, на груди, в кармашке, у него и правда завалялась медная мелочь, оставшаяся еще с дома. На самом деле основной денежный запас прятался у него за спиной, в тугом кошеле на

поясе. Его выдал охотнику Эрик, распотрошивший пожитки похитителей – сказал, на всякий случай, вдруг понадобится кого-то подкупить. Гордей не собирался никого подкупать, но деньги взял. Сейчас он и не думал за ними лезть – решил, что обойдется мелочью.

– Давай-двавай, – подбодрил усатый.

Но Гордей, учуявший вдруг знакомый дух, отодвинул его в сторону и сам двинулся к продавцу. Нос не обманул – с другой стороны от бочки с квасом лежал огромный деревянный лоток, на котором высилась гора румяных пирожков. Судя по запаху – с капустой и грибами.

Обливаясь слюной, Гордей вытряхнул мелочь в руки продавца, и, не обращая внимания на стенания усача, взял себе три пирожка. И пару кружек с квасом. На это ушла вся мелочь, но Гордей не жадничал – ему очень хотелось есть.

Сунув в руки усатого кружку с квасом, Гордей отошел в самый дальний уголок шатра, встал у матерчатой стенки и впился зубами в первый пирожок.

Усатый мужичок, сжимая в руках кружку кваса, с кислым видом пристроился рядом. Он явно рассчитывал поживиться за счет деревенщины чем-то более серьезным.

– Ты рассказывай, – подбодрил его Гордей между глотками. – Про котиков-то.

– Котики, – уныло произнес усатый, прикладываясь к кружке. – Значит, жили они тут. И долго. А вчера уехали.

– Какие они, котики-то?

– Прозываются они гибберлингами, – устало произнес усатый. – Росточком тебе до пояса. Ходят все по трое. Семья у них такая. Три брата-сестры, все неразлучные, как близнецы. Все втроем делают. Веселые они, шумные.

– Шумные? – переспросил Гордей. – А что так?

– Да так, – буркнул усатый, заглядывая в свою кружку. – Вечно ссорятся чего-то. Нет у них единства, нету главного. Каждая семейка из трех братьев – сама себе голова.

– Ишь ты, – восхитился Гордей. – Хочешь пирожок?

Усатый махнул рукой и взял предложенное угощение.

– Уехали они, значит? – сказал охотник. – Вот жалость-то.

– Да где там, – с трудом произнес усатый, прожевывая пирожок. – Поругались они, значит, со всеми. Мол, не любите нас, не цените. Вчера вечером такой шум был.

– Какой шум? – насторожился Гордей. – Вчера?

– Прямо с вечера, – отозвался усатый, придвигаясь ближе.

Склонившись к плечу охотника, он зашептал прямо в ухо Гордею таинственным шепотом:

– Как стемнело, вывалили они, значит, из гостевого дома. Да как расшумелись! Говорят: убивают тут нас, сплошные убивцы вокруг. Это они-то! Сами-то на прошлой неделе одного нашего насмерть порезали! А теперь обижаются. – Усатый зыркнул по сторонам и склонился к самому уху молодого охотника. – А пуще всех один убивался. Пропадем тут по одному, кричал он, среди презлых канийцев. Давайте, братья, бежать. Тут они прямо похватали узлы свои и побежали в ночь.

– Куда побежали? – опешил Гордей. – Пешком? К магической башне да порталу?

– Вот и нет, – отозвался усатый, – дунули из города к самому краю земли. Сам не видел, но сказывают, что с того края они скинулись прямо в бездну астрала, значит, и улетели, аки птицы, к себе на другой аллод.

– Улетели, значит, – пробормотал Гордей, опуская левую руку с кружкой. – Вот что, дядя…

Он тряхнул правой рукой, и маленький засапож-ный нож, спрятанный в рукаве, выпал ему в ладонь. В мгновенье ока охотник крутанул его в пальцах и приставил тонкое лезвие к горлу застывшего рядом усача.

– Вот что, дядя, – тихо повторил Гордей. – Убери руку от моего кошеля за спиной, и тогда, возможно, у тебя не будет второй улыбки под подбородком.

Городской красавчик, оказавшийся обыкновенным карманником, выдавил кривую ухмылку и медленно, очень медленно, опустил руку, уже засунутую под куртку деревенскому дурачку.

– Мы, деревенские, – наставительно произнес Гордей, – люди не шибко умные. Но сильно обидчивые. Понимаешь? Нет, не кивай, не надо. Порежешься.

– Понимаю, – прошептал побледневший карманник.

– Спасибо тебе за разговор приятный да за веселье, – сказал Гордей. – Не взыщи, если что. Мы люди простые, стражников у нас отродясь в деревне не водится. Если что, сами управляемся – ткнем посильней да в лесу прикопаем, смекаешь? Чую, не встретимся мы сегодня больше. Потому что если я твои усы еще раз увижу…

Договаривать охотник не стал – чуть шевельнул ножом и тут же опустил руку, одним взмахом разрезав полотняную стену палатки. Бледный карманник отшатнулся и чуть не повалил столик с пустыми кружками. Гордей спрятал нож в рукав и сунул в руки воришке недопитый квас.

– Вот, хлебни, поправь здоровье, – сказал он опешившему усачу и ловко выбрался через дыру в стене наружу.

Быстро оглянувшись, Гордей свернул за угол палатки и быстрым шагом устремился прочь, к другому концу площади, пытаясь затеряться в толпе. Разговор вышел очень познавательным, насыщенным, но задерживаться для дальнейшей беседы – возможно, с дружками воришки, – Гордей не собирался.

10

Когда миновал полдень и солнышко начало неторопливо клониться к закату, Гордей, наконец, уговорил себя уйти из города. Это было нелегко – Новоград просто кишел чудесами, и молодому охотнику не хотелось его покидать. Некоторое время он просто слонялся по улицам, разглядывая огромные здания и людей, деловито сновавших по каменным мостовым. Его удивляло все: одежда, украшения, дома, лавки… О, эти палатки и лавочки, битком набитые чудесами. Торговля в Новограде была поставлена на широкую ногу, и Гордей, попав в торговый квартал, не скоро из него выбрался. Самые разнообразные товары манили его к себе, намекая на то, что монеты в кошеле не должны пролеживать мертвым грузом. Молодому охотнику пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы понапрасну не растратить деньги, выданные ему гибберлингом.

А потратить было на что: ряды с новой красивой одеждой, переливающейся всеми цветами радуги, всевозможные украшения – от цепочек и браслетов до магически заговоренных доспехов. Всевозможное оружие на любой вкус – и для ближнего боя, и для дальнего, и для магического, волшебные эликсиры, притирания, мази… А уж на рынке, где торговали едой, Гордей чуть не изошел слюной. Он не знал названий и половины блюд, что предлагали торговцы с лотков, но все пахло так аппетитно и выглядело так заманчиво, что охотнику стоило большого труда удержаться в рамках. Здравый смысл подсказал Гордею ограничиться знакомой едой, что он и сделал, несмотря на крики зазывал. Уже на выходе он задержался в оружейной лавке, прихватив самое необходимое, и потом уже двинулся в обратный путь.

Теперь он возвращался к новым знакомым, нагруженный добычей. Холщовая торба была набита снедью – пирогами, хлебом, выпечкой. Там же булькали несколько фляг с травяным сбитнем. Гордей не знал, что едят гибберлинги, но подумал, что от копченого мяса Эрик не откажется, и потому захватил с собой большой кусок. Кроме снеди, охотник приобрел и несколько полезных мелочей, что могли пригодиться в лесу: огниво, растопка, пара мотков крепкой веревки, ну и мешок, чтобы это все нести. А кроме того, за плечами он нес сокровище – пару колчанов, набитых хорошими длинными стрелами с белым оперением. Таких, чтобы подошли к новому луку, дожидавшемуся его в лесу. Не забыл он и о своем старом луке – купил для него новую круглую тетиву да десяток дешевеньких охотничьих стрел, поместившихся в старый колчан, притороченный теперь к поясу.

Но главным приобретением Гордея стала одежда – серая куртка из крепкой ткани, напоминавшей доспех, и такие же штаны. Одежду молодой охотник выбирал не за красоту, а за надежность, и потому обошлась она не так дорого, как разноцветные модные кафтаны да шаровары. Вообще-то, по-хорошему, Гордею было немного стыдно за то, что он потратил деньги на себя. Все же это были не его деньги. А если подумать хорошенько, то и вовсе ворованные. С другой стороны, их бывшие хозяева всеми силами пытались отправить Гордея на тот свет, и особой симпатии охотник к этим людям не испытывал. Тем более что, в основном их трудами, старенькая одежонка охотника пришла в полную негодность. И все же было в этом что-то неправильное.

Лениво размышляя на тему правильности и неправильности, Гордей покинул Новоград и двинулся прочь по широкой натоптанной дороге. За плечами у него висели колчаны со стрелами, на плече мешок со снедью, на поясе еще один колчан, новая куртка еще пахла краской. В другое время он, конечно, привлек бы внимание прохожих – особенно если бы заявился в родную деревню с такими обновками. Но здесь, у Новограда, никто не обращал на него внимания – рядом с ним, по дороге, брели десятки таких же покупателей с глуповатыми ухмылками на лицах. Люди шли в столицу за покупками и, соответственно, возвращались из нее увешанные добром, так же как и Гордей. Некоторых вообще было еле заметно под тюками да мешками с поклажей. И никто тому не удивлялся: Новоград – торговый город.

Слившись с толпой людей, выходящих из столицы, Гордей спокойно прошел по дороге прочь от города – мимо бревенчатых конюшен да гостевых домов. Когда дома кончились и начался лес, Гордей свернул на узкую тропку – подальше от главного пути, уводившего прочь от столицы. Людей здесь было немного, в основном местные, жившие где-то в ближайших деревнях да поспешавшие домой. Пройдя еще немного и выбрав момент, когда на тропинке никого не осталось, Гордей свернул в кусты и побрел в самую чащу, поглядывая на опускавшееся солнышко.

Дороги он не знал, но Эрик подробно растолковал ему, как добраться до полянки с соснами и куда потом от нее идти – просто на север. Теперь Гордею оставалось лишь поблуждать по лесу в поисках собственных следов. Припоминая, откуда он вышел, охотник свернул левее и стал забирать глубже в лес, стараясь держаться параллельно городским стенам, скрывшимся за березовой рощей.

Все оказалось не так уж сложно. Гордей просто шел вперед вдоль города, пока не наткнулся на собственные следы. Дальше

еще проще – развернувшись, охотник двинулся обратно в чащу, уже твердо уверенный в том, куда нужно идти.

Обратный путь, казалось, занял больше времени. Наевшийся Гордей сыто отдувался, шел тяжело, но старался не медлить. Зато настроение у него было много лучше, чем утром, когда он только шел в Новоград. Новых врагов он не встретил. Поручение гибберлинга исполнил. Хорошо поел, посмотрел на городские чудеса, да еще и обновками обзавелся. Жизнь, кажется, налаживалась. Может, и не придется возвращаться в родные края. Тут, поди, тоже люди живут, которым охотник пригодится – им и есть надо, и пить. А Новоград… Ну а что Новоград – та же деревня, только дома побольше и людей погуще. А люди-то все те же самые – и плохие есть, и хорошие…

Бредя по собственным следам в глубину леса, Гордей заметно приободрился и даже попробовал напеть пару знакомых песенок. Тихо, себе под нос – в лесу орут во всю глотку только дураки. А хорошая песня, как известно, любую дорогу делает короче.

Когда в лесу начало темнеть, усталый, но довольный Гордей выбрался, наконец, к двум елкам, где случилось утреннее сражение. Теперь он чувствовал себя не так бодро – устал, находился. По дороге он снова проголодался и сжевал пару пирожков, что были явно лишними. Охотнику хотелось спать или хотя бы просто прилечь и дать отдых уставшим и натертым ногам. Но он себе не мог этого позволить – темнота сгущалась, скоро на лес должна была опуститься ночь. А в ночном лесу ой как непросто найти следы – даже опытному охотнику.

Покрутившись по поляне, Гордей наткнулся на трупы наемников, сложенные под зарослями бересклета, и хорошее настроение как рукой сняло. Он старался не думать о том, что произошло здесь утром, но долго обманывать себя не удавалось. Что бы сказал отец, если бы узнал, что сын его убил нескольких человек, а потом взял их деньги и прикупил на них новую одежку?

Прикусив губу, Гордей постарался выбросить из головы такие мысли и прошелся по полянке еще раз. На другой стороне он наткнулся на отчетливые следы эльфа и гибберлинга. Друзья, как и обещали, ушли в лес, к обрыву. Шли они не таясь, не пряча следы, знали, что по ним потом пойдет Гордей. Интересно, а ждут ли они его? Эрик, небось, разоряется уже на тему, что человек забрал добычу да убежал домой в слезах. Вот точно так и говорит, чучело кошачье. Ну ничего, мы еще ему докажем, что человек – это звучит гордо. И пусть этому человеку лет не так уж много, но понятие о чести имеет.

Приободрившись, Гордей двинулся в лес по следам Винсента

и Эрика, с тревогой посматривая на быстро темнеющее небо. Он уже не надеялся найти друзей засветло, но рассчитывал догнать их до того, как стемнеет окончательно. Судя по рассказам Эрика, тут до обрыва было не так уж далеко.

Только когда на лес опустилась темнота, Гордей понял, как ошибался. Ему казалось, что уставшие друзья далеко не уйдут. Как бы не так. Эльф и гибберлинг шли, судя по следам, не быстро, но уверенно, не делая остановок и не отдыхая. Гордей же, которому пришлось провести весь день на ногах, быстро выдохся. Не то чтобы он очень уж устал – дома приходилось ходить по лесу и подольше, – но усталость давала о себе знать.

Когда в лесу, наконец, стало так темно, что Гордей уже не мог разобрать следы на земле, ему пришлось развести огонь. Это было лучшим выбором – в конце концов, шляться по лесу с горящей веткой, изображавшей факел, весьма глупое занятие. Но ничего другого охотнику не оставалось.

Достав тряпку, пропитанную смолой и купленную в той же лавке, что и огниво, Гордей обмотал ее вокруг подобранной палки и подпалил ее. Факел получился почти как настоящий – вот только света особо он не давал.

Согнувшись чуть ли не вполовину, Гордей снова двинулся в лес, напряженно высматривая следы в мокрой земле. Над головой, где-то в вышине, грохотало. С севера, похоже, шла гроза, и Гордей, бредущий в темноте, едва слышно бранился: вот только дождя ему не хватало для полного счастья.

Еще через час блужданий по ночному лесу, Гордей окончательно уверился в том, что до утра ему не найти скорых на ногу эльфа и гибберлинга. Отчаявшись, он остановился, опустил едва тлеющий факел, и прислонился спиной к мокрому стволу дуба. Начал накрапывать дождь – мелкий, едва заметный, пока еще оседавший в густых кронах леса. Но это стало последней каплей.

Гордей взвыл и в голос выругался – так, как никогда не позволял себе ругаться отец, зато как частенько делал кузнец Ратибор. Выругался – и растерялся, когда из темноты пришел ответ.

Его окликнули – просто произнесли имя. Где-то впереди, в темноте, хриплый и шипящий голос гибберлинга произнес волшебное слово – дылда. И Гордей бросился на зов.

Всего через полсотни шагов он вылетел на крошечную поляну у бугристых корней столетнего дуба и с разгона влетел в крепкие объятья. Винсент, оказывается, поджидал его у самых кустов.

– Я же говорил, – воскликнул эльф, хлопая по плечам едва дышащего Гордея. – Я же говорил, Эрик!

– Ну, говорил, – хмуро откликнулся гибберлинг, сидевший на корнях дуба и с головой укутанный в плащ, принадлежавший когда-то наемнику. – Ну, пришел, чего орать то.

– Так и знал, – буркнул Гордей, устало подходя к дубу. – Вот так и знал…

– Ты это, – хрипло произнес Эрик. – Ты давай рассказывай. Как там что?

Гордей обернулся к эльфу, но тот, едва видимый в темноте, лишь развел руками. Действительно – дело прежде всего.

Тяжело вздохнув, Гордей осторожно снял свою поклажу, устроил ее на сухом местечке под корнями дуба, сам сел рядом. И начал рассказывать.

11

Проснулся Гордей от того, что кто-то крепко ухватил его за плечо. Спросонья охотник замычал, но тут же холодная ладонь закрыла ему рот, а над ухом раздался шепот:

– Просыпайся! Просыпайся, надо уходить!

Гордей узнал голос эльфа и тяжело заворочался, пытаясь разлепить сонные глаза. Вчера вечером – да что там, считай, ночью – он так и задремал на корнях дуба, под которым собралась их разношерстная компания. Он рассказал все, что смог узнать в Новограде, внимательно слушавшему его Эрику. Гибберлинг тут же стал о чем-то спорить с эльфом, но смертельно уставший Гордей уже не прислушивался к разговору. Уловил только самые общие моменты: Винсент настаивал на том, что нужно все отменить и вернуться в город, а Эрик вроде бы отвечал, что переиграть уже ничего нельзя. И все, конечно, случилось из-за этого дылды, который слишком задержался в городе, и вызов теперь не отменить…

Дослушать Гордей не успел – задремал как раз тогда, когда нужно было оправдываться. И вот теперь, разбуженный среди ночи, он сел и оглянулся, пытаясь хоть что-то разглядеть в кромешной темноте.

В тусклом свете луны, едва пробивавшемся сквозь крону старого дуба, охотник увидел серую тень, метавшуюся по узловатым корням. Это гибберлинг бесшумно, как кот, собирал вещи в знакомый уже мешок. Винсента не было видно – эльф растворился в темноте, отправившись к кустам у окраины поляны.

– Что, – пробормотал Гордей, пытаясь нащупать лук, лежавший рядом. – Что происходит?

Гибберлинг серой тенью метнулся к охотнику, схватил за руку и притянул к себе.

– Тихо, – яростно зашипел он, – враги близко.

Гордей подтянул под себя ноги, встал на колени и потряс головой.

– Враги? – пробубнил он. – Какие враги?

– Которых ты за собой привел, болван, – зло прошипел гибберлинг и пихнул в руки сонному Гордею огромный мешок с остатками снеди. – Быстрей.

Охотник медленно приподнялся, подтянул к себе большой черный лук, полный колчан стрел и стал озираться в поисках остального вооружения. Его старый охотничий лук нашелся быстро – им вооружился Эрик, которому это оружие было

немного великовато. Гордей хотел спросить, куда делся еще один колчан, но в этот момент из темноты бесшумно выпорхнул Винсент и в пару скачков оказался рядом с охотником. В руках он сжимал лук второго наемника, а за его спиной виднелся пропавший колчан стрел.

– Быстрее, – выдохнул эльф. – Они уже рядом. Идут медленно, но уверенно.

– Сколько? – быстро спросил гибберлинг, бросая косой взгляд в темноту.

– Много, – отозвался Винсент. – Я услышал шестерых, но их там точно больше.

– Кого? – улучив момент, спросил Гордей. – Что происходит?

Эрик тихо зашипел себе под нос, а Винсент присел на одно колено и повернулся к охотнику. Лунный свет упал на его белое лицо и отразился в глазах желтыми огоньками.

– За тобой следили, – тихо сказал эльф. – Видимо, твои расспросы привлекли внимание хадаганцев, следивших за домом, где останавливались гибберлинги. Они пустили по твоему следу ищейку, а пока он разыскивал следы, собрали большой отряд.

– Я никого не видел, – запротестовал Гордей. – Никто за мной не шел, я бы заметил!

– Тихо, – зашипел гибберлинг. – Поднимайтесь! Может, еще успеем уйти.

Винсент рывком поднялся на ноги и, ухватив Гордея за руку, помог ему подняться. Гибберлинг тенью скользнул к дальнему краю поляны, и эльф подтолкнул охотника, предлагая последовать за мохнатым проводником.

– Я никого не видел, – едва слышно произнес на ходу обиженный Гордей. – Может, это просто путники?

Из зарослей лещины донесся тихий смешок гибберлинга.

– Увы, – шепнул в ответ эльф. – Это агенты хадаганцев. Они очень торопятся, хотят замести следы, прежде чем стража Новограда догадается, что происходит нечто неладное.

– Откуда ты знаешь? – сердито спросил охотник, стараясь бесшумно протиснуться в темноте сквозь кусты бересклета.

– Мы ожидали этого, – отозвался Винсент. – Я дежурил в лесу и потому услышал их раньше, чем они смогли подкрасться к нам. Но они идут быстро. А мы теряем время.

Гордей сердито засопел носом и зашагал вперед, стараясь обходить стороной сухие ветки на земле. Это было не так уж просто – зыбкий свет огромной луны не столько помогал, сколько мешал. Падая сквозь кроны деревьев, он превращал подлесок в царство теней, обманчивых и призрачных. И было очень непросто в этой темноте отличить настоящую ветку от ее тени – даже

охотнику.

– Да тише ты, – прошипел гибберлинг, когда Гордей в очередной раз вломился в сухие кусты. – Дылда!

– Куда мы идем? – спросил Гордей, решив пропустить мимо ушей оскорбление. – Может, устроим засаду?

– Идем к краю, – сухо отозвался гибберлинг. – Нам нужно дождаться утра.

– Почему? – тут же переспросил охотник. – Что изменится утром?

Эрик в ответ лишь выбранился, но тут же вмешался Винсент.

– Потише, – бросил он, прислушиваясь на ходу к темноте. – Они идут следом, и довольно быстро. Кажется, они добрались до поляны и поняли, что спугнули нас.

Гордей сжал зубы, косо поглядывая в сторону гибберлинга. Он так и не получил ответа на свой вопрос, и это его встревожило. Винсент, похоже, тоже не собирался просветить его на этот счет. Эльф и гибберлинг что-то скрывали и явно не хотели делиться тайной с человеком. Это было обидно.

– Потом, – шепнул Винсент, словно угадав мысли охотника. – Ты все увидишь сам. Сейчас лучше помолчать.

Едва произнеся это, эльф вдруг остановился, обернулся и замер, прислушиваясь к затихшему ночному лесу.

– Проклятье, – выдохнул он. – На землю! Все…

Ночь за спиной Гордея вдруг разродилась громовым треском – там, в темноте, словно лопнула пополам огромная сосна, как бывало в иную зиму. Охотник, предупрежденный эльфом, кинулся на землю, прямо в ворох мокрых листьев, – и не зря. Ночь озарила оранжевая вспышка, и над головой Гордея, завывая как северный ветер, пролетел огненный шар. Он был невелик, размером с кулак, но его яркий свет на мгновенье озарил ночной лес, и охотник ясно увидел гибберлинга, укрывшегося под кустом лещины. В ту же секунду огненный шар ударился в дерево и расплескался по мокрой коре. Огонь зашипел, испаряя влагу, в воздухе запахло костром. Гордей приподнял голову и с изумлением уставился на горящее пятно.

– С ними маг, – рявкнул с земли гибберлинг, уже не скрываясь. – Маг!

Гордей резко обернулся и увидел как, Винсент, сорвав с плеча черный лук, натягивает тетиву, целясь в темноту, туда, откуда прилетел огненный шар.

– Бегите, – крикнул эльф, выпуская стрелу. – Эрик, уведи детеныша!

– За мной, – бросил гибберлинг, поднимаясь на ноги. – Быстрее, сопляк!

Гордея не надо было уговаривать – он вскочил на ноги и опрометью бросился в темноту следом за Эриком, натыкаясь на ходу на ветки кустов. За спиной снова затрещало, и новая вспышка озарила ночной лес. Огненный шар прочертил темноту, но ушел значительно правее и запутался в кроне молодой ели, шипя и разбрасывая искры. На ходу, во время вспышки, Гордей успел увидеть, как гибберлинг метнулся влево, прошмыгнув между кустов лещины, и бросился следом, с треском продираясь сквозь ветви.

За кустами Эрик вдруг остановился, и в наступившей темноте охотник чуть не наступил на него. С ходу перепрыгнув через гибберлинга, Гордей запнулся и ударился плечом о дерево.

– Оружие, – рявкнул гибберлинг, пытаясь натянуть охотничий лук Гордея. – Быстрее!

Ничего не понимающий охотник сорвал с плеча черный лук и выхватил из колчана за спиной стрелу с белым оперением.

– Куда? – спросил он, видя, как Эрик целится в ночной лес. – Куда стрелять?

– По вспышкам, – бросил гибберлинг.

– А Винсент? – поразился Гордей. – Как же он…

– Быстрее, – крикнул Эрик, и в тот же миг темноту снова разорвал сгусток огня, высветив на секунду всю округу.

Гордей успел заметить темную фигуру эльфа, который, пригибаясь, бежал между деревьев к товарищам, и с облегчением пустил стрелу в темноту, туда, откуда вылетел огненный шар.

Стрела канула в темноту, и ничего не произошло. Гордей выпустил еще одну и даже услышал, как она воткнулась в дерево. Потом перед глазами вдруг полыхнуло, огненный шар со свистом пролетел сквозь кусты и впился в дерево рядом с плечом Гордея. Тот не дрогнул – выпустил еще одну стрелу, и еще одну, пытаясь если не поразить мага, то хотя бы напугать.

Новая вспышка озарила лес, и в ее свете Гордей успел увидеть, как эльф пронесся мимо них и растворился в темноте, отправившись дальше. Охотник с изумлением проводил его взглядом, но в этот момент Эрик, справившийся, наконец, с луком, рявкнул:

– Они идут! Стреляй, болван!

Гордей вскинул лук и тут же присел, когда шар огня снова пронесся сквозь ночной лес. Но на этот раз он ушел выше, в кроны деревьев, и запутался в них. Огонь не потух, он вспыхнул еще ярче, с шипением пожирая сухую листву и отбрасывая алые отблески на мокрый лес. В этом неровном свете охотник увидел, что там, откуда прилетел шар, маячат зыбкие тени, и пустил стрелу. Из темноты раздался крик боли, и лес тут же наполнился

тихим шорохом. Десяток стрел разом пробили листву и градом осыпались на человека и гибберлинга. Эрик тут же кинулся на землю, а Гордей успел спрятаться за дерево, на котором еще тлела кора. Одна из стрел воткнулась в землю прямо у ног охотника, а вторая с глухим стуком впилась в дерево на высоте плеча.

Гордей быстро высунулся из своего убежища и, заметив новые тени, маячившие за кустами, быстро пустил стрелу, потом еще одну… И тут же спрятался обратно, когда в ответ из темноты прилетели вражеские.

– Уходим, – хрипло каркнул распластавшийся на земле гибберлинг. – Мы тут как на ладони. За мной!

Подпрыгнув, Эрик опрометью бросился в темноту, раздвигая на ходу ветви кустов старым луком Гордея. Охотник бросился за ним, с ужасом услышав, как за спиной снова раздался шорох стрел, пробивающих насквозь кусты. Ни одна не попала в беглецов – лишь несколько штук вонзились в ближайшие деревья, но этот стук заставил Гордея бежать еще быстрее.

Он сделал рывок, пытаясь догнать гибберлинга, уходящего с освещенного места, и в тот же момент навстречу ему, из темного леса, вылетела еще одна стрела. Прямо в лицо. Гордей даже испугаться не успел – она свистнула у него над головой и ушла в лес за спиной. Через миг за ней последовала вторая, и лес позади Гордея огласил новый крик боли и ярости.

Только тогда охотник сообразил, что это укрывшийся в темноте Винсент прикрывает отход друзей. Он бросился вперед и через миг наткнулся на эльфа, притаившегося у раздвоенного ствола елки. Винсент, натянувший лук для нового выстрела, увидев приближающегося охотника, крикнул ему:

– Дальше! Иди дальше за Эриком!

Гордей на бегу кивнул, прошмыгнул мимо эльфа, выпустившего стрелу, и бросился в темноту. Наугад – потому что давно потерял из виду юркого гибберлинга.

Темнота за его спиной снова взорвалась огненной вспышкой, и в ее отсветах Гордей увидел Эрика – тот успел отбежать левее и теперь сражался с луком, пытаясь натянуть тугую для него тетиву. Подбежав ближе, Гордей, тяжело отдуваясь, привалился плечом к дереву.

– Давай, – прохрипел гибберлинг, поднимая лук. – Еще разок, все так же…

Гордей шумно втянул воздух носом и заученным движением вскинул руку, вытягивая стрелу из колчана. Новая огненная вспышка расцвела в темноте, разлетелась искрами по ночному лесу, и в этом свете охотник увидел, что здесь деревья растут не

так густо. Можно даже сказать – редко. Похоже, они выбрались из чащи и подошли к краю леса. До обрыва недалеко. Но что они будут делать, когда наемники вытеснят их на открытое пространство?

– Стреляй, – с натугой буркнул Эрик, натягивая лук. – Ну!

Гордей вскинул лук и прицелился в кромешную темноту, пытаясь заметить хоть намек на движение. Он рассмотрел долговязую фигуру эльфа, все еще стоявшего у ели, и быстро отвел лук, чтобы не задеть Винсента случайным выстрелом. Эльф, словно прочитав его мысли, развернулся и, пригнувшись, бросился к друзьям. В ту же секунду огненный шар пропорол темноту, и в том месте, где стоял Винсент, по земле расплескался настоящий костер. Языки пламени взметнулись к сухим веткам елки, и в их пляшущем свете Гордей увидел темные силуэты, пробирающиеся сквозь кусты лещины.

Затаив дыхание, он выпустил стрелу, и первая тень, пронзенная насквозь, тут же завалилась набок, в сухой бурелом. Гордей снова натянул лук и тут же выпустил стрелу по второй тени, торопясь поразить ее, пока не погасли остатки костра. На этот раз он промахнулся – тень шарахнулась в кусты, спряталась за дерево, выскочила с другой стороны и тут же получила стрелу в бок от гибберлинга. Стрела была слишком легка, чтобы убить человека на месте, но ее удара вполне хватило, чтобы тот завопил от боли и упал на землю.

Мимо охотника пробежал Винсент, перебираясь на новую позицию, и Гордей наложил на тетиву новую стрелу. Остатки костра угасли, новый огненный шар так и не появился, и охотник затаил дыхание, всматриваясь в ночной лес. Там, в темноте, хрустел валежник, чавкала грязь – целый отряд убийц пробирался сквозь подлесок, пытаясь нагнать своих жертв.

Наверно, раньше, еще месяц назад, Гордей бы испугался до рези в животе. Но сейчас, стоя в этом лесу плечом к плечу с эльфом и гибберлингом, охотник чувствовал лишь досаду и злость. Досаду – от того, что не мог спасти от смерти своих новых друзей, и злость – на себя. Настоящий деревенский дурачок даже не подумал о том, что за ним могут следить. Разинув рот шатался по городу, глазея по сторонам, дав врагам время подготовиться к погоне.

Огненный шар с треском вылетел из кустов и огненным цветком расцвел над головой человека и гибберлинга, подсветив их, как факелом. Воздух наполнился шорохом летящих стрел, но на этот раз Гордей не стал прятаться. Расставив ноги, он вскинул лук и пустил стрелу точно туда, откуда вылетел огненный шар. Потом еще одну, и еще…

Пара вражеских стрел воткнулась в дерево рядом с ним, а одна царапнула бедро, вспоров наконечником новые штаны. Гордей, не обращая внимания на град вражеских стрел, снова спустил тетиву, и ночь огласилась пронзительным визгом боли. Кусты впереди взорвались огненной вспышкой – огненный шар полыхнул над поляной и ушел в темные небеса. Тут же за ним последовал второй, пробивший насквозь куст рядом с Гордеем. И без всякой паузы – третий. Он попал бы точно в грудь охотнику, если бы не гибберлинг, дернувший охотника за ногу.

От неожиданности Гордей упал на спину, в мокрую листву, а смертельный сгусток огня прочертил над ним пылающую полосу и зашипел в мокрых кустах бересклета.

– Дурак, – рявкнул Эрик прямо в ухо охотнику. – Дылда! Ты его задел! Бежим, быстрей, он не сможет гнаться за нами!

Гордей рывком перевернулся на живот и увидел только спину гибберлинга, бросившегося в кусты. Темнота леса вновь наполнилась шорохом вражеских стрел, прорывающихся сквозь развесистые кроны деревьев, и охотник, приподнявшись, рванул следом за Эриком. Пара шальных стрел, пущенных вслепую, воткнулись в землю рядом с ним, но Гордей, охваченный горячкой боя, этого и не заметил.

Пригибаясь, он бежал сквозь кусты, прикрывая свободной рукой лицо от хлестких веток. В зыбком свете луны он видел перед собой мечущуюся у земли тень – гибберлинга, бежавшего сквозь подлесок не разбирая дороги. Гордей старался не отставать, и на этот раз у него получалось. Здесь деревья росли редко, и основное препятствие представляли лишь кусты, сквозь которые молодой охотник продирался с пылом молодого оленя.

Перепрыгивая через поваленные деревья, Гордей слышал за спиной крики и хруст веток – преследователи бросились в погоню. Огненные шары больше не вспарывали ночную темноту, видимо, маг был ранен и не смог преследовать беглецов. Сердце у Гордея колотилось как безумное, кровь била молотом в висках, а перед глазами собиралась алая пелена. Из-за нее он чуть не пропустил тот момент, когда лес кончился.

Выскочив на открытое место, Гордей по инерции сделал пару шагов и лишь потом остановился. Обернувшись, он увидел, что совсем рядом, у последнего ряда деревьев, стоит Винсент. Прямо на глазах охотника он натянул большой черный лук и выпустил стрелу в лес, навстречу преследователям. Из темноты раздался пронзительный предсмертный крик, а эльф, обернувшись к Гордею, отчаянно замахал рукой.

– Сюда, дылда! – раздался из темноты крик Эрика. – Беги сюда, балда!

Гордей с изумлением обернулся, и в этот момент из-за темной тучи выглянула ясная луна. Ее белоснежный мертвенный свет озарил все вокруг, лег серебристой дымкой на траву, и Гордей, наконец, увидел конец своего пути.

Он стоял на берегу, на самом конце аллода. Здесь лес кончался, и до громадного обрыва, уходившего в никуда, оставалась лишь небольшая полоска земли, на которой росла только трава. Отсюда Гордей видел край земли – он был недалеко, шагов двести, не больше. Он походил на берег лесного озера – трава, трава, трава, и вдруг резко, без всякой паузы, – чернота. Но она не была абсолютной, о нет. Там, за краем мира, висела настоящая голодная тьма, расцвеченная искорками далеких звезд. И чем больше Гордей вглядывался в эту бесконечную темноту, тем явственней видел ее оттенки. Там, в глубинах астрала, плясали все оттенки фиолетовой дымки, сменяющиеся едва заметными голубыми спиралями и облаками. Надо было лишь присмотреться, чтобы увидеть их. Эта прекрасная и величественная картина так заворожила охотника, что на миг он забыл, что видит перед собой астрал – смертельную субстанцию, грозящую в любой момент разрушить этот уцелевший кусочек земли, если вдруг ослабнут заклинания Великих Магов.

– Беги, идиот, – надрываясь, заорал гибберлинг. – Беги!

Очнувшись от наваждения, Гордей, ругнувшись, бросился на голос Эрика и только через пару шагов заметил, откуда он шел. Оказалось впереди, недалеко от края земли, лежало пять срубленных деревьев. Кто-то попытался их обтесать и даже обрубил ветки, но потом забросил это занятие. Бревна лежали грудой, друг на друге, и уже успели обрасти травой и мхом, превратившись в не слишком надежное убежище. Именно за ним и скрывался гибберлинг.

В пару прыжков Гордей добрался до бревен, перескочил через них и упал на землю, отчаянно хватая раскрытым ртом холодный ночной воздух.

– Встань, – рявкнул гибберлинг, сжимавший кинжал, казавшийся в его лапах мечом. – Лук!

Гордей, тяжело дыша, приподнялся и кинул тяжелый взгляд на мохнатого коротышку.

– Мой, – выдохнул он. – А где… мой?

– Бросил, – коротко отозвался Эрик, взмахнув кинжалом. – Стрелы кончились, а бежать мешал. Быстрей, дылда! Прикрой Винса!

Гордей помотал головой, встал на одно колено и, вытягивая из колчана за спиной новую стрелу, выглянул из-за груды бревен.

Эльф уже бежал к убежищу. Длинные черные волосы развевались за его спиной, а двигался он длинными скачками – словно перелетал с места на место, но никак не мог взлететь по-настоящему. На том месте, где еще недавно стоял Винсент, у последнего ряда деревьев, охотник заметил серые тени и мгновенно натянул тетиву.

В лунном свете ему хорошо было видно, как из кустов выступил широкоплечий воин с коротким мечом в руках. Он сделал пару шагов по траве, словно подставляясь под выстрел, но Гордей не купился – он сосредоточил все свое внимание на соседних с воином кустах. За ними маячили подозрительные тени, чьи руки поднимались и опускались… Затаив дыхание, Гордей разжал пальцы, и черная стрела с тихим шорохом ушла правее воина, в кусты, насквозь пронзив вражеского лучника. Тот канул в темноту со сдавленным стоном, а второй успел выстрелить. Его стрела свистнула над плечом бегущего эльфа, вонзилась в землю перед ним, и Винсенту пришлось ее перепрыгнуть.

Гордей мгновенно выпустил в куст вторую стрелу, но на этот раз не попал. Воин, выступивший было на траву, бросился обратно, под защиту деревьев, а Гордей шмыгнул обратно за бревна – краем глаза он заметил подозрительное движение в паре метров от лучника.

Он успел – одна стрела вонзилась в бревно над его головой, а вторая скользнула дальше, засыпав Гордея трухой. Охотник тут же высунулся из-за бревна и пустил свою в сторону притаившихся лучников – больше для острастки. На этот раз далеко высовываться не стал, притаился за краем бревна, и, вытягивая следующую, привычно проверил пальцами оперенье стрел в колчане. Мало. Меньше десятка…

Из кустов дружно вылетели три стрелы и с шорохом устремились к завалу из бревен. Но они опоздали – последним прыжком эльф перемахнул через поваленные деревья и рухнул на землю рядом с гибберлингом, так и не выпустив из рук черный длинный лук. Гордей даже не обернулся. Улучив момент, он высунулся чуть дальше и выпустил еще одну стрелу в кусты, туда, где скрывалась пара лучников. Те, судя по звукам, бросились врассыпную, а третий, стоявший подальше, успел выстрелить в Гордея и чуть не пригвоздил к бревну его ухо.

Уворачиваясь от щепок, брызнувших в щеку, охотник присел и бросил взгляд назад, за бревна. Винсент уже стоял на коленях, не решаясь распрямиться во весь рост, и держал в руках новую стрелу. Гибберлинг же протиснулся в щель между поваленными стволами, пытаясь рассмотреть, что происходит там, на краю

леса. Поймав взгляд охотника, он обернулся.

– Нормально, – буркнул он. – Теперь нам нужно только немного подождать.

– Чего? – устало спросил Гордей, уже не надеясь на ответ.

– Чуда, – коротко ответил Эрик и отвернулся.

– Настоящего гибберлингского чуда, – хрипло прошептал эльф, проверяя тетиву на луке.

Гордей бросил взгляд на Винсента. Выглядел он не очень хорошо – бледный, как простыня, дышит часто и глубоко, как загнанный зверь. На левом плече куртки рваная дыра, потемневшая от крови.

– Ты ранен? – быстро спросил Гордей. – Нужна помощь?

– Пустяки, – отмахнулся эльф и нахмурился. – Ты готов?

– Внимание! – рявкнул гибберлинг, всматривавшийся в щель между бревнами.

Гордей отвернулся и приник щекой к шершавой коре, положил стрелу на тетиву, готовясь в любой момент рывком натянуть лук.

– Слева один лучник, справа в кустах двое, – отрывисто бросил Эрик. – Значит, по центру пойдут воины. Нам нужно ударить раньше, смешать их карты… Сейчас!

Гордей приподнялся над бревнами и рывком натянул лук. Одним движением он пустил стрелу в те кусты, где раньше видел лучников, и тут же пустил рядом вторую. Он не видел Винсента, но заметил его стрелы – две штуки друг за другом, почти без перерыва, ушли в кусты левее от вырубки. Гордей успел выпустить еще одну – в самый центр – и высунувшийся из кустов воин шарахнулся обратно. В следующий миг вражеские лучники, оправившись от внезапной атаки, нестройно, вразнобой, выпустили свои стрелы, но опоздали – беглецы спрятались под прикрытие бревен.

Слушая глухой стук вражеских стрел, впивающихся в трухлявые деревья, Гордей обернулся и бросил взгляд на эльфа, шарящего в колчане за спиной.

– Сколько у тебя? – спросил охотник.

– Пять, – сухо откликнулся Винсент. – У тебя?

– Четыре, – так же сухо отозвался охотник.

Эльф буркнул под нос что-то неразборчивое и отвернулся. Гордей медленно вытащил из-за пояса охотничий нож и воткнул в бревна перед собой – чтобы был на виду, когда дело дойдет до рукопашной.

– Эрик, – раздраженно позвал эльф, – что там?

– Собираются с духом, – отозвался гибберлинг, заглядывая в щель. – На этот раз пойдут все разом.

– Я не об этом! – Винсент повысил голос. – Сколько нам нужно продержаться?

– Еще немного, – совершенно спокойным тоном откликнулся гибберлинг. – На этот раз постарайтесь подпустить воинов поближе и выбить хотя бы парочку. От лучников укроемся за бревнами, а когда они подойдут ближе…

Гордей заметил, как напряглись плечи гибберлинга, и машинально потянулся к плечу – за новой стрелой.

– Внимание, – рявкнул гибберлинг. – Ждите, когда я скажу…

Услышав знакомый шорох, Гордей вздрогнул, но не тронулся с места даже тогда, когда вражеские стрелы заколотили по старым бревнам, выбивая из них труху.

– Ждем, – рявкнул Эрик, когда второй залп стрел обрушился на их убежище. – Ждем… Сейчас!

Гордей рывком натянул лук и выглянул из-за бревен. От увиденного у него перехватило дыхание – оказывается, вражеские воины уже выскочили из-под прикрытия деревьев и преодолели половину расстояния до убежища беглецов. Их было семеро! Целых семь плечистых подтянутых воинов в черных плащах, бежавших с мечами наголо к Гордею!

От неожиданности охотник слишком рано отпустил тетиву, и стрела, свистнув над травой, вонзилась в грудь первому воину – но неглубоко, засев в толстом кожаном доспехе. Воин покачнулся, но на ходу смахнул стрелу и бросился вперед – чтобы тут же напороться на выстрел эльфа. Винсент пустил стрелу в полную силу, и стальной наконечник вонзился прямо в лицо наемнику, сбив его с ног и опрокинув на спину.

Из леса вылетели одновременно три стрелы – это вражеские лучники решили поддержать атаку своих товарищей. Но боясь задеть своих, лучники взяли чуть выше и промахнулись.

Гордей поспешно выстрелил в другого воина и попал ему в бок. Мечник заспотыкался, остановился, и его товарищи обогнали его. Еще один из них упал, сраженный стрелой Винсента, а Гордей, рванувший из колчана новую стрелу, чуть замешкался.

Ледяная рука страха сжала его сердце. Он уже мог разобрать лица уцелевших воинов, бегущих по траве прямо к нему с мечами в руках. В воздухе снова запели черные стрелы, выпущенные наемниками, и Гордей вынужден был шарахнуться в сторону, когда одна из них царапнула его плечо.

Со стороны леса вдруг раздался протяжный крик – повелевающий, не терпящий возражений. Бегущие наемники, которым до груды бревен оставалась лишь пара шагов, вдруг дружно бросились на землю, уткнувшись в сырую траву. Гордей, вытащивший, наконец, стрелу, успел наложить ее на тетиву и

замер. Там, у деревьев, кусты расступились и на открытое место, в лунный свет, выступил высокий человек с длинной палкой в руках.

На нем был длинный черный плащ, а остроконечный капюшон скрывал лицо. Человек едва держался на ногах и вынужден был опереться на свой посох, чтобы не упасть. Но когда он вскинул свободную руку, указывая открытой ладонью на убежище беглецов, Гордей понял – сейчас.

Он рывком натянул лук и пустил стрелу – длинную, черную, с белым оперением – прямо в грудь магу, нагнавшему, наконец, своих воинов. Рука мага вспыхнула ослепительным пламенем, с пальцев сорвался сияющий огненный шар и рванулся вперед, навстречу стреле.

Они встретились посредине пути, над головами залегших в траву воинов. Черная стрела, нацеленная в сердце мага, вошла в огненный шар, вспыхнула, словно факел, и осыпалась в траву черным пеплом, а сгусток огня прочертил ночь и с гулом ударил в трухлявые бревна. Языки пламени взметнулись к небу, груда дерева дрогнула, и Гордей, отлетая в сторону, краем глаза заметил, как из-под горящих бревен с визгом выкатился Эрик.

«Вот и конец», – подумал Гордей, приподнимаясь над мокрой землей – почти ослепший, оглушенный, но все еще сжимавший в руке лук.

Ночь взорвалась. Небо вспыхнуло зарницей, словно над головой Гордея взошли разом десяток солнц, осветивших и траву, и воинов на ней, и чародея, застывшего черным силуэтом и все еще не опустившим руку… Гордей открыл рот, чтобы закричать, и в этот момент пылающее небо обрушилось на поляну.

Огненный шар размером с тележное колесо упал на траву, прямо на лежащих в ней мечников, заливая их озером пламени. Земля дрогнула, в воздух взметнулись комья грязи, перемешанные с каплями огня. В лицо приподнявшемуся Гордею ударила горячая волна ветра, а с неба упал еще один огненный шар. Он рухнул на краю поляны, прямо на мага, разметав кусты и подняв в воздух вспыхнувшую палую листву. Ближайшие деревья мгновенно вспыхнули факелами, и сквозь гул пламени раздался отчаянный крик, в котором уже не было ничего человеческого.

Гордей оттолкнулся от земли, пытаясь подняться, а над его головой вновь вспыхнул шар огня, медленно опускающийся на поляну. Охотник не успел ничего сделать, как его вдруг дернули за плечо.

Обернувшись, он увидел Винсента, отчаянно жестикулирующего. Его слова заглушал гул пламени, разлившегося по поляне огненным морем. Гордей хотел сказать,

что ничего не слышит, но потерявший терпение эльф развернул охотника лицом к краю мира и подтолкнул в спину.

По инерции Гордей сделал пару шагов и застыл, не в силах отвести взгляда от небывалого зрелища, открывшегося перед ним.

Там, за краем мира, в пустоте астрала, висел огромный корабль. Он был больше всех кораблей, которые только доводилось видеть Гордею на родном озере. Высокий бак с каютами, острый нос, резные фальшборты, высокие мачты с темными парусами и – крылья! Большие прозрачные крылья по бокам, напоминающие стрекозиные. Прямо на глазах Гордея с борта корабля вылетел еще один огненный шар и начал набирать высоту, чтобы через миг обрушиться в лес, туда, где скрывались остатки отряда наемников.

Ощутимый пинок заставил Гордея вздрогнуть и отвести взгляд от чудесного корабля. Винсент, окончательно озверевший, ухватил охотника за руку и потащил за собой, как маленького ребенка, прямо к самому краю пропасти. Там, впереди, уже приплясывал от нетерпения гибберлинг. У его коротких ног, в траве, мерцал синим загадочный круг света, и Эрик что есть мочи махал руками, подзывая к себе товарищей.

Винсент, тянувший за собой охотника, в пару прыжков оказался около гибберлинга и очертя голову прыгнул в круг синего света. Не успевший запротестовать Гордей влетел в круг следом за ним и тут же ощутил, как невидимая сила ухватила его за бока и подкинула в воздух.

Молодой охотник взлетел над краем пропасти, поднялся, как на крыльях. Он еще успел оглянуться и увидеть, как море пламени, раскинувшееся на берегу, медленно пожирает остатки трухлявых бревен и ползет к обрыву.

А потом Гордей рухнул вниз – прямо на палубу странного корабля – и очутился в кругу синего света, таком же, какой остался на траве. Он не удержался на ногах, упал и тут же откатился в сторону, когда на него сверху обрушился Эрик, пахнущий горелой шерстью.

Откатившись в сторону, ошеломленный Гордей вскочил на ноги, пошатываясь, сделал пару шагов по темной палубе и замер, увидев перед собой команду корабля. Это были гибберлинги. Десяток, а может, и два родственников Эрика, похожих на него как две капли воды. Некоторые из них суетились рядом с лежавшим на спине Винсентом, другие бесцельно, на взгляд Гордея, метались от борта к борту.

Помотав головой, молодой охотник перевел взгляд на берег, объятый пламенем, и только тогда понял, что чудо гибберлингов все-таки случилось. И оно было самым чудесным чудом из тех, о

которых доводилось слышать молодому охотнику.

– Ну вы даете, – пробормотал Гордей, чувствуя, как подкашиваются ноги.

Он зашатался, осел и провалился в темное небытие раньше, чем его голова коснулась деревянной палубы астрального корабля гибберлингов.

Часть вторая
Волшебный корабль

1

Снился Гордею дурной сон – что тонет он в речушке Камушке, что за Длинным Холмом, бултыхается, глотает воду носом, а на ноги встать не может. Вода холодная, щеки горят, волосы намокли, в глаза лезут. А на берегу стоит Веста – высокая, тонкая. Почему-то в доспехах шикарных, в алых сапожках да в алом же плаще. И кричит, заливается, размахивая невесть откуда взявшимся мечом. Мол, какой ты герой, раз в речке тонешь, а девчонка на берегу стоит? Смеется, дразнится, дылда деревенская. Рассердился Гордей, руками взмахнул, встал из воды – и проснулся.

Первое, что он увидел, открыв глаза, – огромную мохнатую морду рыси. Серую, с белыми полосками, с круглыми зелеными глазами.

– Эрик? – нерешительно пробормотал Гордей и тут же понял: нет, не Эрик.

Гибберлинг, склонившийся над охотником, протянул лапу и еще раз провел мокрой тряпкой по лицу Гордея. Тот отмахнулся, заворочался, приподнялся на локтях и, наконец, огляделся.

Оказалось, что он лежит в большой комнате – прямо на деревянном полу. Вверху, под потолком, тускло светилась желтая полоска – то ли фонарь со свечой, то ли светлячки, набившиеся в трубку. В их зыбком свете Гордею было видно, что комната не так уж велика. В ней поместились четыре маленькие, словно детские, кровати да низенький стол. Гордей лежал между кроватями, на шерстяном коврике, потому как и был невелик ростом, но все же больше любого гибберлинга.

– Ты кто? – хрипло спросил Гордей, становясь на колени рядом с маленькой кроваткой. – Где Эрик?

– Я Тон Тростинка, – шепеляво отозвался гибберлинг. – Эрик занят. Много говорит. Ты тут сиди, дылда.

Гордей провел ладонями по лицу, растирая остатки воды и разгоняя кровь в щеках, мотнул головой, прогоняя остатки сна, и с интересом уставился на гибберлинга, стоявшего напротив. Он действительно был похож на Эрика – но вместе с тем и сильно отличался. Его голова была чуть меньше и украшена странной вязаной шапочкой. Шерсть на лице была серой, и лишь вокруг глаз залегли белые круги. Подбородок был полностью скрыт длинной шерстью, закрученной в косички. На самом деле Тон был гораздо меньше похож на кота, чем Эрик. Скорее он напоминал волосатого коротышку, одетого в зеленый кафтан и такие же зеленые штаны.

Тяжело вздохнув, Гордей оперся локтем на скрипнувшую кровать. Он уже понял, что он в гостях на волшебном корабле гибберлингов и, по сути, вынужденный гость этих малышек. Конечно, они спасли его, вытащили из-под носа разъяренных наемников Хадагана, и причем совершенно волшебным и чудесным образом. Но гость он или пленник?

– И долго мне тут сидеть? – спросил Гордей у гибберлинга, мявшего в лапках сырую тряпку.

– Нет, – помотал головой Тон. – Скоро будем есть! Немного подожди.

Гордей с облегчением вздохнул – ну, хорошо хоть на цепь не сажают. Но куда подевались его вещи? И, кстати, где эльф?

Словно отзываясь на его мысли, большая деревянная дверь скрипнула и распахнулась, и в комнату, чуть пригибаясь, заглянул Винсент. Увидев сидящего на полу охотника, он улыбнулся и попытался помахать рукой, но тут же скривился от боли. Гордей, начавший подниматься на ноги, с тревогой заметил, что левая рука эльфа замотана серыми тряпками – от локтя до плеча.

– Ну как ты тут? – спросил Винсент, заходя в комнату и едва не царапая макушкой потолок. – Очнулся?

– Я в порядке, – горячо отозвался охотник, вскакивая на ноги. – А ты как? Как рана?

– Пустяки, – отозвался Винсент, подходя ближе. – Все худшее позади. Главное, что теперь мы в безопасности.

– Еду не пропустите, – изрек вдруг гибберлинг, стоявший посреди комнаты. – Много не разговаривайте. Больше лежите.

Сердито взмахнув мокрой тряпкой, Тон развернулся и почти выбежал из комнаты, хлопнув за собой дверью.

– Стесняется, – засмеялся эльф, очень осторожно присаживаясь на маленькую кровать. – Еще не привык к дылдам! Мы для него такие же чудеса природы, как они для нас.

– Так мы в гостях у гибберлингов? – тихо спросил Гордей, осматривая почти пустую комнату. – У них дома?

– Мы на одном из их кораблей, – серьезно произнес Винсент. – И должны с большим уважением относиться к тем, кто принял нас. В каком-то смысле это корабль Эрика, и мы у него в гостях.

– В каком-то смысле? – удивился Гордей.

– Да, – эльф нахмурился. – Строго говоря, хозяин и капитан корабля Сиг Быстрых, а в команде его бесчисленная родня. Но они приняли Эрика как вожака, они разделяют его идеи и полностью поддерживают. Так что корабль пойдет туда, куда прикажет наш мохнатый друг.

– И куда он идет сейчас? – быстро спросил Гордей, вдруг сообразивший, что он сидит в деревянной скорлупке посреди астрала, способного разрушать целые аллоды.

– Это сложно объяснить, – задумчиво произнес Винсент, потирая раненое плечо. – Конечно, ты имеешь право знать, но… Боюсь это тебе не понравится.

– Думаю, мы не висим рядом с Новоградом? – сухо спросил Гордей.

– Верно, – со смущением отозвался эльф. – Этот корабль уходит все глубже в астрал, спеша на встречу с другими кораблями гибберлингов.

Гордей нахмурился, и его кулаки сами собой сжались. Одно дело помогать гостям, попавшим в беду рядом с твоим домом, и совсем другое – отправиться куда-то за грань самого мира!

– Прости, – быстро сказал Винсент, – прости нас, пожалуйста. Я знаю, это похоже на похищение, но, честное слово, у Эрика не было выбора. Он очень спешит на совет гибберлингов, и тут дорога каждая минута.

– Очень надеюсь, что у него была веская причина забрать меня из Кании, – мрачно отозвался Гордей. – Я вам помог, а вы…

– Прости, – эльф умоляюще приложил ладонь к груди. – Приношу свои извинения от имени дома ди Грандер. Ты нам очень помог, можно сказать, спас наши жизни, и мы у тебя в долгу. Прошу тебя, потерпи еще немного. Мы слетаем на совет гибберлингов, а потом Эрик вернет тебя на родной аллод. Быть может, не в Новоград, но на Кватох, это точно.

– Это действительно так важно? – сердито спросил Гордей, потерявший всякий интерес к приключениям и желавший сейчас только одного – очутиться в родной деревне и забиться поглубже за печку.

– Очень, – проникновенно отозвался Винсент. – Счет идет на часы. Пойми, прямо сейчас решается судьба всех гибберлингов, всей расы. Они должны сделать выбор, который на многие годы определит их судьбу. Возможно, этот выбор приведет их к гибели, а возможно, возвысит до небес.

Гордей, удивленный такой речью, в изумлении уставился на эльфа. В самом деле – ему казалось, что их сражение в лесу просто большая неприятность, которая закончится, как только удастся убежать от наемников. Но эльф был прав – это было всего лишь частью огромного приключения, настоящей жизни, кипящей где-то за пределами родных лесов и полей. И Гордей никак не ожидал, что он станет частью великих событий.

– Я понимаю, – немного растерянно произнес он. – Да, наверно, это важно. Я правда хочу помочь Эрику и всем

гибберлингам.

– Ну и отлично! – Винсент просиял и медленно поднялся с кровати, чуть не воткнувшись макушкой в деревянный потолок. – Пойдем! Я покажу тебе корабль, расскажу, что к чему.

– А можно? – с опаской спросил Гордей, вспоминая чудовищную магическую мощь, которую этот кораблик обрушил на берег аллода.

– Можно, – рассмеялся эльф. – Даже нужно! Гордись – ты будешь первым канийцем, который увидит изнутри самый большой секрет гибберлингов – астральный корабль.

– Постой, – воскликнул Гордей, поднимаясь на ноги. – Так это об этом секрете шла речь? Гибберлинги хотят продать секрет строительства таких кораблей?

Эльф сразу помрачнел, брови его сдвинулись, и он тихо произнес:

– Тут и слепой догадается, да? Все так. Но не стоит об этом кричать. Даже здесь.

– Но как же так, – яростно зашептал Гордей. – Они же хотят продать это хадаганцам! Нашим врагам! Такую мощь… Так нельзя. Винсент, так нельзя! Надо им запретить!

– Это их право, – печально отозвался эльф. – Мы не хадаганцы, чтобы диктовать другому народу, что им делать, а что нет. Мы можем только пытаться их уговорить.

– Я этого не допущу, – твердо сказал Гордей. – Я сделаю все, чтобы такие корабли не попали в руки Хадагана. Это будет конец всей Кании!

– Эрик тоже не хочет отдавать секрет Хадагану, – тихо напомнил ему Винсент. – И никто на этом корабле не хочет договариваться с Империей. Помни об этом и уважай наших хозяев.

– Да, конечно, – пристыженно отозвался Гордей. – Прости. Это так неожиданно. Я просто не понимал, о каких важных вещах идет речь.

– Ничего, – мягко отозвался Винсент. – Ну что, пройдемся по этому чуду света?

– Конечно, – твердо ответил Гордей и первым шагнул к двери. – Об этих кораблях я хочу знать все.

2

В коридоре Гордею пришлось остановиться и подождать Винсента – молодой охотник совсем забыл, что не знает, куда идти. Эльф с легкой улыбкой на губах выбрался в коридор – для чего ему пришлось опять наклонить голову, чтобы протиснуться в дверной проем, и жестом предложил спутнику следовать за собой.

Гордей огляделся. Коридор был самым обыкновенным – длинным, узким, темноватым. В деревянных стенах виднелись самые обыкновенные деревянные двери. Под потолком горели фонарики, напоминающие светящиеся драгоценные камни. Удивил Гордея, пожалуй, потолок. Для него, обычного человека, он был низковат, но все-таки можно было идти свободно, не кланяясь каждой притолоке. А вот для обычного гибберлинга такие потолки были явно высоковаты. Неужели они так любят высокие потолки? Может, раньше они жили на деревьях? Или в норах?

– Откуда они взялись? – вырвалось у Гордея.

Винсент, медленно идущий вперед по коридору, замедлил шаг, обернулся.

– Кто – они? – переспросил он.

– Гибберлинги, – отозвался молодой охотник. – Откуда они пришли?

– Это долгая история, – задумчиво отозвался Винсент. – Впрочем, до обеда еще достаточно времени… Ты знаешь, что раньше наш мир был един? Что все аллоды, плавающие сейчас в астрале, составляли единый мир?

– Ну конечно, знаю, – с обидой отозвался Гордей. – Я же не в пещере вырос. Раньше был единый мир, потом случился Катаклизм, мир распался на много кусков – аллодов. Астрал стал пожирать эти острова, но Великие Маги смогли защитить некоторые из них. С тех пор на каждом аллоде есть Великий Маг, который удерживает свой остров от разрушения.

– Все верно, – отозвался эльф, продолжая медленно идти вперед по коридору. – Так вот. Гибберлинги тоже жили в нашем мире. Но очень далеко от людей, можно сказать – на другом конце света. Так далеко, что люди никогда не встречались с ними. Рядом с ними жили только дикие гоблины да орки, с которыми гибберлинги постоянно воевали. Когда случился Катаклизм, их земля, носившая имя Иса, стала растворяться в астрале. Многие гибберлинги погибли. Очень многие. Можно сказать, почти все.

– Как все? – искренне удивился Гордей. – А Эрик и остальные…

– Уцелели немногие, – тихо произнес Винсент. – Иса, земля гибберлингов, была, по сути, огромным островом в океане. Гибберлинги отличные мореплаватели, рыбаки. Некоторые из них переправились на другой берег океана, на материк людей, и начали обживать самый дальний его краешек. Когда случился Катаклизм и мир распался на куски, уцелела только эта колония гибберлингов. Этот кусочек земли откололся от материка людей, но не растаял в пучине астрала. А вот родина гибберлингов, Иса… Она была потеряна навсегда. Теперь все уцелевшие гибберлинги мечтают найти ее, всем сердцем надеясь, что Иса уцелела и где-то там, далеко, странствует по волнам астрала.

– А она уцелела? – шепотом спросил Гордей.

– Никто не знает, – печально ответил эльф. – Уцелевшие гибберлинги искали ее долгие годы, но так и не нашли. Возможно, на самом деле Исы давно уже нет, но многие сородичи Эрика одержимы ее поисками. В этом, собственно, и заключается самая большая проблема.

– А корабли? – спросил Гордей, озираясь по сторонам. – Откуда у них такие волшебные корабли?

– О, – откликнулся Винсент. – Это и есть самый большой секрет гибберлингов. Те из них, что уцелели, жили на своем клочочке земли, плывущем через астрал. Они и построили первые астральные корабли и отправились на них в путь – конечно, на поиски Исы. С тех пор они и хранят секрет этих кораблей.

– Понятно, – сухо заметил охотник. – Значит, и вам не рассказали?

– Нет, – Винсент криво ухмыльнулся. – И это отдельная проблема. Мой народ тоже хотел бы узнать этот секрет.

– Кругом одни проблемы, – буркнул Гордей, нагибаясь, чтобы протиснуться следом за эльфом в дверь, которая была гораздо ниже потолка. – А что ж они вам не рассказали? Вы вроде союзники.

– Ну как союзники, – задумчиво откликнулся эльф. – Гибберлинги искали в астрале Ису, а наткнулись на нас. Мой род, дом ди Грандер, первым приветствовал гибберлингов, и с тех пор у нас хорошие отношения. Но, как я говорил, эти малыши отдельный народ. Они заботятся о своем благосостоянии как могут и не разбрасываются своими секретами. Научись смотреть на них глазами правды, и ты поймешь.

– Какими глазами? – изумился Гордей, окидывая взглядом очередной коридор, что открылся за дверью.

– Правды, – повторил эльф. – Сейчас ты смотришь на них и

видишь маленьких забавных малышей, возможно, глуповатых и доверчивых. Не заблуждайся. Это народ. Да, у него есть свои весельчаки и дурачки. Но среди них есть и мыслители, и государственные мужи, и знахари-маги, и воины – герои, что без трепета сокрушат врага, а потом насадят его отрубленную голову на кол.

– Видал, как же, – мрачно отозвался Гордей, вспоминая, как Эрик одним взмахом располосовал горло лежащего на спине наемника.

– Отринь заблуждения, – посоветовал Винсент. – Когда смотришь на них, представляй, что они твоего роста. Говори с ним так, как будто это просто жители соседнего города.

– Понял, – коротко отозвался охотник. – Значит, надо присматривать за кошельком и не покупать за золотой то, что стоит один медяк?

– Воистину так. – Винсент обернулся и хмыкнул. – Ты довольно сообразителен для своих лет.

– Умом не обделен, – сухо отозвался Гордей и обиженно насупился. – Пусть и годами пока не вышел.

– Молодость – это недостаток, который, к сожалению, очень быстро проходит, – задумчиво отозвался эльф. – Осторожно, тут ступеньки.

Выглянув из-за плеча Винсента, охотник бросил взгляд вперед и увидел, что коридор уперся в деревянную лестницу с крохотными, на его взгляд, ступеньками. Они вели куда-то вверх, и эльфу, шедшему первым, пришлось нагнуться, чтобы протиснуться в дверной проем.

– Идем, – глухо позвал Винсент. – Пока мы были в жилых помещениях. Тут нет ничего интересного. Все самое занимательное впереди.

Гордей поспешил за спутником, внимательно глядя себе под ноги: на таких ступеньках недолго и споткнуться.

– Значит, – сказал охотник, – гибберлинги сначала подружились с эльфами, а потом уже вы показали их людям?

– Они сами показались, – раздраженно отозвался Винсент, стукнувшийся, наконец, головой о низкую притолоку лестницы. – Конечно, мы, как могли, способствовали контакту, но мы никому ничего не показывали. Гибберлинги самостоятельны. И, надо сказать, весьма непоседливы. Более того, у них почти нет единого правительства, каждый, можно сказать, сам себе голова. Лесная вольница какая-то. Лезут везде, а потом жалуются.

– Это как? – удивился Гордей. – Лесная вольница – это что?

– Это значит, что у них нет единого правителя, – сказал эльф. – Гибберлинги живут семьями, общинами. У каждой есть

свой староста или старейшина. Обычно такая семья занимает целый корабль. Это как отдельная деревня, понимаешь?

– Пока да, – откликнулся Гордей.

– А единого правителя у них нет. Каждый капитан корабля – сам себе командир.

– А как же совет? – удивился охотник. – Ты же говорил, что мы летим на совет гибберлингов?

– В очень серьезных случаях все главы общин собираются на большой совет, – наставительно произнес эльф. – Он называется вече. На таком большом совете обсуждаются важные вопросы. И иногда все общины приходят к какому-то общему решению. Хотя чаще всего они все вусмерть ссорятся, расходятся по своим углам, а потом делают каждый что-то свое – что в голову придет.

– И это третья большая проблема? – догадался Гордей, заслышав в голосе эльфа раздражение.

– Вот именно, – подтвердил Винсент. – С ними очень тяжело договариваться. Осторожней, тут… Вот дрянь!

Эльф снова стукнулся головой о притолоку, приложил ладонь ко лбу и, согнувшись, отступил в сторону. Гордей быстро преодолел последние ступеньки и следом за Винсентом вышел в огромный зал, напомнивший ему дом общих собраний в родной деревне. Ничего особо примечательного тут не было – просто очень большая комната с деревянными стенами и потолком, под которым светился большой желтый кристалл. В стене напротив виднелся большой проем, в нем расположилась лестница, ведущая куда-то вверх. В соседней стене виднелась большая деревянная дверь, перехваченная для надежности полосками железа. В центре была еще одна лестница – винтовая, – она тоже вела вверх.

– Вон там, – эльф, распрямившись, махнул рукой в сторону лестницы в стене, – путь к капитанскому мостику. Оттуда управляют кораблем. Там сейчас Эрик вместе с капитаном.

– Зайдем к ним? – оживился Гордей.

– Нет, – Винсент покачал головой. – Нельзя их тревожить, пока сами не пригласят. Управление астральным кораблем дело сложное, не стоит отвлекать тех, от кого зависят наши жизни.

– Понятно, – протянул расстроившийся Гордей. – А там что?

Он ткнул рукой в дверь, окованную железом, из-за которой раздавались странные звуки. Судя по ним, там либо пилили огромное бревно, либо точили сложный невообразимый инструмент.

– Туда мы тоже не пойдем, – со вздохом произнес эльф. – Нельзя. Там самое сердце корабля, его механизмы. Там скрыты те самые секреты, о которых мы говорили. Так что даже не подходи

к той двери, если не хочешь обидеть наших хозяев. Которые, надо сказать, довольно вспыльчивы и носят при себе большие острые ножи.

– Понял, – коротко отозвался Гордей. – А куда же мы пойдем?

– Наверх, – отозвался эльф, показывая пальцем на винтовую лестницу. – Там помещения для работы команды, выход на верхнюю палубу и, что немаловажно, – кухня.

– Очень правильный путь, – согласился Гордей, чувствуя, как у него подводит желудок от голода. – Неплохо бы перекусить. Так толком и не ел за последние пару дней.

– Тогда молодой человек, ступайте за мной, – бодро отозвался эльф. – Надеюсь, не надо говорить, что, когда сядем за стол с гибберлингами, не стоит показывать на них пальцем, глупо хихикать, строить рожи и все такое прочее?

– Не надо, – коротко отозвался охотник. – Обращению за столом обучены, спасибо. Дикарем выглядеть не буду.

Эльф повернулся, окинул спутника долгим взглядом – с головы до пят – и покачал головой.

– Просто поразительно, – пробормотал он. – Шли по лесу и встретили настоящего воспитанного канийца. Начинаю думать, что удача, пожалуй, поворачивается к нам лицом. Ну-с, охотник Гордей Ветров, прошу за мной. Настала пора представить вас нашему скромному обществу.

Чуть наклонив голову, Винсент сделал здоровой рукой приглашающий жест, и Гордей торжественно вступил на маленькие ступеньки деревянной лестницы.

3

Столовой у гибберлингов оказалась огромная комната, расположенная над трюмом. Она была ярко освещена гроздьями желтых кристаллов, свисавших с потолка. Гордей, шагнувший в этот зал следом за эльфом, в изумлении застыл на пороге – комната была уставлена длинными деревянными столами и стульями, а за ними сидели гибберлинги. Много гибберлингов! Они непрерывно говорили, ругались, некоторые пели, другие бегали от стола к столу с тарелками в руках. Казалось, в комнате отмечают праздник – так шумно и весело было здесь.

– Нам сюда, – сказал Винсент, потянув Гордея за рукав. – За мной.

Двигаясь вдоль стены, спутники добрались до дальнего уголка большого зала. Здесь стоял отдельный пустой стол. Он был самого обычного размера – для гибберлингов. А вот для человека и эльфа был маловат.

Винсент, нисколько не смущаясь, уселся прямо на пол у стола, скрестил ноги и удобно уперся локтем о деревянную столешницу, выглядевшую так, словно ее много лет ковыряли ножами и вилками. Гордей присел рядом – прислонился спиной к стене, вытянул ноги вдоль стола и принялся с интересом наблюдать за гибберлингами, занятыми своими делами.

Они все были разными! Гордею казалось, что все гибберлинги будут походить на Эрика – но не тут-то было. Если сам Эрик обликом немного напоминал рысь, то большинство его родичей в зале походили скорее на собак. На мелких веселеньких и лохматых собачек. Длинные, выдающиеся вперед носы, мелкие зубки, лохматые бакенбарды. Многие походили на лис – те, чья мордочка была больше вытянута вперед, чем у других. Вот только уши у всех больше походили на кошачьи, да глаза круглые. В целом гибберлинги заметно различались друг от друга, и Гордей понял, что уже легко может отличить одного от другого. Это было понятно – люди-то тоже похожи друг на друга, да не сильно. Смуглый раскосый хадаганец похож на канийского северянина, да не слишком.

Про расцветки шерсти гибберлингов и говорить было нечего – кто щеголял с рыже-белой взлохмаченной мордой, кто с черно-бурой лохматой бородой, у кого-то вокруг глаз белые круги, у кого-то черные… Одежда у гибберлингов тоже была самой разнообразной. Некоторые носили легкие кафтанчики без рукавов длиной до самых лохматых колен, другие – настоящий полный комплект кожаной одежды, походившей на людскую. Были здесь

и цветастые халаты с пышными рукавами, и клетчатые юбки, обернутые вокруг пояса, и шапки всевозможных форм. В результате осмотра непрерывно перемещающихся разноцветных гибберлингов у Гордея замерцало перед глазами, и он отвел взгляд.

– Погоди немного, – сказал Винсент. – Сейчас о нас вспомнят. Это они вежливость проявляют, стараются не пялиться на гостей. Хотя многие из них первый раз видят человека так близко.

Гордей скосил глаза на столы гибберлингов и тут же заметил пару быстрых взглядов, брошенных на гостей тайком. Хозяева корабля действительно разглядывали гостей, но так, чтобы не обидеть.

– А почему они ходят все время такими кучами, – спросил Гордей у эльфа, приметив, как сквозь дверь в зал ввалилась очередная шумная группа гибберлингов.

– Это ростки, – медленно произнес Винсент, явно думая о чем-то своем. – Ах, да. Прости. Ты, наверно, уже заметил, что тут почти не встретишь одинокого гибберлинга?

– Как-то не задумывался, – признался охотник. – Они все время мельтешат перед глазами… Туда-сюда.

– Гибберлиги большое значение уделяют родственным связям, – сказал эльф, опираясь локтями на стол. – Чаще всего у них рождаются тройняшки, и они потом всю жизнь проводят вместе, стараясь не расставаться ни на миг. Все делают вместе, а порой даже понимают друг друга без слов. Немного похоже на близнецов у людей, но у гибберлингов такая родственная связь намного сильнее. И такую группу из братьев и сестер они обычно называют ростком. Или еще семейкой. Скажем, у капитана корабля Сига Быстрых есть два брата. Они все втроем – капитан корабля. Семейка Быстрых. Понимаешь?

– Не очень, – признался Гордей. – Эрик же ходит один.

Винсент тут же помрачнел, нахмурился. Он быстро перегнулся через маленький стол и зашептал охотнику:

– Эрик единственный выживший из своего ростка. Это большая трагедия. Пожалуйста, не расспрашивай его об этом и даже не упоминай в разговоре, если только он сам не захочет рассказать.

– Почему? – шепотом удивился Гордей.

– Довольно часто, когда умирает кто-то из ростка гибберлингов, оставшиеся братья и сестры тоже умирают. Кто от тоски, кто-то от болезни. Для них потерять одного из членов своего ростка – это как для человека потерять руку или ногу. Нет, так бывает не всегда. Обычно двое из трех гибберлингов могут продолжать нормально жить. Но если остается только один…

Одиночка – большая редкость среди гибберлингов.

– Эрик же живет, – едва слышно прошептал Гордей.

– И это удивляет многих гибберлингов, – так же ответил Винсент. – Когда погиб росток Эрика, его семейка Резак, многие думали, что и Эрик не протянет долго. Но в нем живет неукротимый дух. Он одержим одной идеей и просто не позволяет себе расклеиваться. Говорит, что просто не может себе позволить умереть, пока не закончит главное дело. Поэтому многие гибберлинги считают его странным, а может, и немного чокнутым. И не спешат его поддерживать.

– А он-то как раз выступает за союз с Канией, – быстро сообразил Гордей. – Да, не очень-то нам повезло. Погоди, а как умерли его братья?

– Я мало об этом знаю, – тихо ответил Винсент. – Эрик не любит об этом говорить. Кажется, их убили хадаганцы. Поэтому Эрик так их ненавидит. И мечтает им отомстить.

– Отомстить! – Гордей невольно повысил голос. – Так вот почему он выступает за союз с Канией? Просто чтобы насолить хадаганцам?

– Что, разочарован? – Эльф тихонько усмехнулся. – А ты думал, Эрик любит канийцев за то, что они белые и пушистые?

– Ну, в общем, да, – растерянно признался Гордей. – Мы же это… Хорошие. В основном.

– По лесу тебя вчера тоже гоняли хорошие канийцы, – заметил эльф. – В основном. Но не печалься. Эрик не хочет союза с хадаганцами, потому что считает их обманщиками и безжалостными убийцами. Несмотря на события последних дней, к канийцам Эрик относится гораздо лучше. И, надо сказать, после встречи с тобой его мнение о канийцах улучшилось.

– Со мной? – удивился Гордей. – Я-то тут при чем?

– Ты каниец, – просто сказал Винсент. – И ты хороший.

– Ну, скажешь тоже. – Молодой охотник шмыгнул носом, хотя такой лестный отзыв о своей персоне был ему приятен. – А где Эрик повстречался с хадаганцами? Здесь, у нас? Его семью убили такие же шпионы, как те, что гонялись за нами.

– Не думаю, – тихо произнес Винсент. – Кажется, это случилось далеко отсюда. Хотя и не очень давно. Умоляю тебя, не вздумай расспрашивать об этом Эрика. После потери родственников он действительно немного не в себе. Хотя и не такой безумец, как о нем говорят другие гибберлинги.

– А их много, других? – спросил Гордей. – Сколько их всего?

– Много, – отозвался Винсент и улыбнулся. – Никому, правда, еще не доводилось их сосчитать. Они не сидят на месте – плавают на своих кораблях по астралу, разыскивают потерянный дом Ису.

– Но мы же летим на совет, – напомнил Гордей. – Разве там не все они соберутся?

– Ну, многие, как мне кажется, – отозвался эльф. – Но не все. Те, что плавают в глубинах астрала, И не знают о том, что состоится вече. О, погоди! Тихо!

Гордей обернулся и увидел, что к столу приближается тройка гибберлингов. Они все были серо-белой расцветки, и хотя прически были у всех разные, как и одежда, они походили друг на друга. Теперь охотник знал, что это росток – целая семейка. Как только они приблизились к столу, вперед выступил средний – самый плечистый.

– Эрик говорит, что занят, – без предисловий бросил он. – Он долго еще не придет. Еду нести?

– Конечно! – обрадованно воскликнул Гордей, у которого давно сводило живот от голода. – Пожалуйста, несите!

Винсент, явно собиравшийся вежливо поблагодарить хозяев за предложение отобедать, бросил на молодого охотника косой взгляд. Но гибберлинг, кажется, не обиделся. Наоборот, он заухмылялся, а его братья одобрительно ухнули.

– Тебе понравится, дылда, – добродушно сказал средний, игриво ткнув пальцем в коленку охотника. – Эрик говорил, ты молодой. Будешь кушать нашу еду, вырастешь еще больше и сильнее. Эй, там, на кухне! Хоп-хоп!

Вся тройка мгновенно развернулась – разом, как по команде – и дружно умчалась в дальний угол комнаты – туда, где виднелась открытая дверь, из которой доносились божественные ароматы жареного мяса и выпечки.

– Ты все же поосторожней с ними, – тихо сказал эльф. – Помни, о чем я говорил. Это не забавные малыши. Это гордый народ. Не вздумай их обидеть, ешь все, что дают.

– Ничего, – отозвался Гордей. – Всякому повару нравится, когда гости нахваливают его стряпню. Так что хвалить буду в два раза сильнее, чтоб не промахнуться.

4

Кривить душой Гордею не пришлось – после полуголодного существования в лесах у Новограда обед гибберлингов показался ему настоящим пиром. Молодой охотник за обе щеки уплетал все, что приносили на маленьких деревянных тарелочках. Здесь были и каши, и сушеные фрукты, и засоленная рыба, и вяленое мясо – все, что может долго храниться на корабле. Конечно, до свежей оленятинки, зажаренной с дымком на вечернем костерке, этому угощению было далеко, но проголодавшийся Гордей не привередничал – жевал то, что дали, да нахваливал.

Его усилия не прошли даром – гибберлинги в зале приметили аппетит охотника и одобрительно гудели, когда Гордей брался за очередную маленькую тарелочку. Эльф, вяло ковырявший ножом в тарелке тушеных овощей, больше напоминавших размазню, лишь криво улыбался.

Завершил трапезу Гордей большой кружкой травяного настоя – теплого и пряного. Он был приятен на вкус – кисловатый, терпкий, и охотник, не удержавшись, заглотил все одним махом. У гибберлингов эта емкость, пожалуй, сошла бы за кувшин, так что команда корабля встретила подвиг Гордея одобрительным гулом.

Сыто отдуваясь, немного осоловевший от еды охотник поблагодарил семейку гибберлингов, таскавших ему еду с кухни, и поклонился всем соседним столам, благодаря за угощение и радушный прием. Винсент к тому времени покончил со своими овощами и, поблагодарив кашеваров, предложил человеку прогуляться на верхнюю палубу. Гордей немедленно согласился, хотя после обильного обеда глаза у него слипались и хотелось где-нибудь прилечь.

Винсент, как и раньше, шел первым, показывая гостю дорогу и что-то рассказывая на ходу. Гордей плелся следом, засыпая, но поддакивая эльфу, чтобы не показаться невежей. Пришел в себя он, только когда они поднялись, обогнули лестницу и вышли в комнату с распахнутыми настежь дверьми. Сквозь них виднелось что-то синее, блестящее, завораживающее…

Разом проснувшийся Гордей быстро сделал оставшиеся пару шагов, выскочил на палубу корабля и замер в изумлении.

Тут было от чего открыть рот. Деревянная палуба размером с деревенскую площадь, резные бортики по краям, приподнятая площадка у самого носа, высокие мачты, раздувшиеся паруса – все это, конечно, производило сильное впечатление, и в другой раз Гордей бросился бы исследовать эти рукотворные чудеса. Но

сейчас его до глубины души поразило иное зрелище – там, за бортами судна, раскинулся астрал.

Корабль гибберлингов, казалось, плыл сквозь толщу воды, переливающуюся всеми оттенками – от фиолетового до розового. Во всяком случае, так сначала показалось Гордею, и лишь потом, позже, пришло осознание – корабль плывет сквозь великую пустоту, смертоносную, разрушительную и невыразимо прекрасную. Сквозь астрал.

За бортом раскинулось звездное небо – сотни тысяч огоньков мерцали в глубинах синих и зеленоватых облаков. Их было так много, что здесь, на палубе, было светло, не так, как днем, а скорее как в сумерках. Искорки прятались в огромных темных облаках, переливающихся то синими, то зелеными зарницами. А за ними, в самых глубинах, угадывались странные фиолетовые столбы. Они выглядели так, словно кто-то натянул в астрале сеть из огромных канатов. До них было далеко, очень далеко, и Гордея даже мороз по коже продрал, когда он понял, что некоторые «канаты» толщиной в целый аллод.

– Впечатляет? – тихо спросил Винсент, становясь рядом с охотником.

– О, да, – тихо отозвался Гордей, не в силах оторвать взгляд от сияющего великолепия. – Это целый мир. Больше, чем мир! Мы… мы такие маленькие на этом фоне. Все мы – люди, Кания, аллоды… Какие удивительные чудеса скрываются там, за этими облаками?

– Вот уж не знал, что канийские лесные охотники склонны к философии, – отозвался эльф. – Но зрелище действительно впечатляет.

– Как они это делают? – с жаром спросил Гордей, оборачиваясь к эльфу.

– Что? – смешался тот. – Что делают?

– Все это! – охотник взмахом руки показал на корабль. – Мы же посреди астрала! Почему он не уничтожает этот корабль, как уничтожал целые аллоды? Почему не трогает этот кусок дерева?

– А это, мой друг, и есть секрет гибберлингов, – тихо отозвался Винсент. – Больше того, заметь, корабль не просто цел и невредим посреди астрала, он еще и движется по нему. А это уже секрет из секретов.

– Просто поразительно, – пробормотал Гордей. – У гибберлингов такие могущественные маги?

– Нет, – отозвался эльф. – Маги у них есть, но слабенькие. Здесь дело не только в магии. В основном секрет в технике, в конструкции. В том, что мы, эльфы, не сочли нужным усиленно изучать.

Гордею послышались горькие нотки в голосе эльфа, и он повернулся. Винсент стоял у деревянных резных перил, ограждавших площадку, около двери, ведущей в недра корабля, и пристально смотрел в глубины астрала.

– Почему не сочли нужным? – тихо спросил Гордей.

– Потому что механизмы не стоят внимания великих магов, бардов и прорицателей, – так же тихо отозвался Винсент.

– Но ты так не считаешь? – осторожно поинтересовался охотник, понимая, что затронул очень личную тему.

– Не важно, что я считаю, – со вздохом сказал Винсент, отводя взгляд от разноцветных созвездий. – Наша жизнь длинна, полна ритуалов, условностей и борьбы за влияние. Иногда мне кажется, что мы многое упускаем. У вас в Кании в таких случаях говорят – за деревьями не видим леса.

– Ага, – глубокомысленно произнес Гордей, внезапно понимая, что понятия не имеет о том, как Винсент ввязался в разборки гибберлингов и зачем. – Потому ты и вызвался сопровождать Эрика?

– Не то чтобы вызвался, – эльф пожал плечами, и его маленькие прозрачные крылышки, что уже почти расправились, дрогнули. – Наш дом поддерживает гибберлингов. И, в целом, политику Эрика о заключении союза с Канией. Но поскольку совет гибберлингов склоняется к другому варианту, в котором фигурирует Хадаган, наши отношения немного охладились. Строго говоря, то, что я один сопровождал посольство гибберлингов в Канию, – это оскорбление. Так наш дом выразил недовольство политикой совета. Но, боюсь, такие тонкости ускользнули от внимания этой веселой братии.

– Почему оскорбление? – поразился Гордей.

– Потому что я слишком незаметная персона, – со вздохом признался Винсент. – Я слишком молод, не имею веса в нашем обществе. Фантазер и прожектер, пятое колесо в телеге, интересующийся странным и ненужным.

– А сколько тебе лет, по вашим меркам? – спросил пораженный Гордей, считавший эльфа весьма знатной персоной.

– По нашим? – Винсент усмехнулся. – По меркам бессмертных? Я молод. Может, немного старше тебя. По нашим меркам.

– Понятно, – протянул Гордей. – А отец тебе, случайно, перед отъездом ничего не говорил?

– Отец. – Эльф печально пожал плечами. – Я был бы счастлив услышать от него хотя бы слово. Думаю, он забыл о моем существовании. Нет, меня послал брат. Оторвал от моих повседневных забот и швырнул к гибберлингам – просто как

ненужную тряпку. Никто не ожидал от этого посольства результатов, никто не хотел связываться с заранее провальным делом. Поэтому послали меня, моей карьере такой провал не повредит. У меня ее просто нет.

– Но я смотрю, вы с Эриком неплохо ладите, – осторожно произнес охотник.

– Эрик! – Винсент широко усмехнулся. – Сумасшедший гибберлинг, последний из ростка, и бездельник эльф – отличная компания. Ну да, мы поладили. Меня впечатлила его страсть, с которой он пытается изменить судьбу целого народа. Это настоящее дело, стоящее. Понимаешь, это не баллада о временах героев, это настоящие герои. Это не проект, который должен занять полсотни лет и в результате привести к незначительному изменению политики. Нет, это резкий поворот, взрыв! Здесь и сейчас. Это – живая история.

– Понимаю, – зачарованно произнес Гордей, чувствуя, как по спине бегут мурашки. – Возможно, кто-то много лет спустя сложит балладу об Эрике Резаке.

– Или не сложит, – сухо отозвался эльф и резко обернулся. – Э, дружище. Да у тебя глаза слипаются. Что-то мы разоткровенничались, а нам пора отдохнуть после приключений. Пойдем-ка в трюм, хватит на сегодня впечатлений.

Гордей уныло кивнул – дружеский тон Винсента его не обманул. Охотник прекрасно понял, что эльф просто обрывает разговор, и, возможно, уже жалеет о том, что разоткровенничался со случайным знакомым. И все же разговор вышел очень познавательным.

– Пойдем, – мягко сказал Винсент и положил руку на плечо охотника. – Сегодня будем отсыпаться как короли древности. Нам выделили целую каморку. Правда, постелили на полу, кроватей и гамаков таких размеров у гибберлингов не водится.

– А тот гибберлинг, Тон, я, кажется, проснулся у него в кающе…

– Тон – лекарь, – устало произнес Винсент. – В некотором смысле. Он просто тебя осматривал. И, кстати, он как раз говорил, что тебе нужно хорошенько выспаться. Ну и мне заодно.

– А вещи? – запоздало спохватился Гордей. – Подожди, я совсем забыл… Мое оружие!

– Все уже там, – сказал эльф, подталкивая охотника к резной двери. – Мои тоже. Наши гостеприимные хозяева позаботились и об этом.

Гордей обернулся и бросил взгляд на глубины астрала, сдержанно переливающиеся всеми цветами радуги. Ему очень не хотелось уходить с палубы. Хотелось постоять здесь еще немного,

поговорить о важных вещах, почувствовать себя частью большой жизни, частью великого приключения, о котором он так мечтал дома.

Но Винсент, к сожалению, был прав. Глаза слипались, ноги подкашивались, набитый желудок намекал на то, что пора бы прилечь. Гордей тяжело вздохнул, отвернулся от чудес астрала и, отчаянно зевая, побрел следом за эльфом в недра волшебного корабля гибберлингов.

5

Проснулся Гордей от того, что кровать под ним заходила ходуном, пытаясь сбросить своего владельца. Охотник спросонья раскинул руки, пытаясь уцепиться за края, и понял – никакой кровати нет. Он лежит на полу в каюте, а пол пляшет под ним, как норовистая лошадка.

– Что за шутки, – пробормотал охотник, спросонья таращась в темноту.

– Тихо! – прошипел невидимый в темноте Винсент, коротавший ночь в соседнем углу каюты. – Что-то случилось.

– Я догадался, – мрачно отозвался Гордей, пытаясь нашарить штаны, брошенные им около импровизированного ложа.

На секунду в каюте стало тихо – и эльф и человек затаили дыхание, вслушиваясь в темноту. Охотник слышал лишь скрип дерева да мерное урчание каких-то механизмов, ну еще и лязг чего-то железного, то ли цепей, то ли колес… Винсент, видимо, услышал больше, чем сосед по комнате.

– Вставай, – отрывисто бросил эльф. – Одевайся. Надо узнать, что случилось.

Гордей не ответил – он возился в темноте, пытаясь натянуть на себя штаны. К тому времени, как он добрался до надевания сапог, Винсент успел распахнуть дверь в коридор и застыл в проеме черной тенью. В каюте стало светло – тусклый свет фонариков из коридора лег на пол желтым квадратом, и в его зыбком свете Гордей в мгновенье ока натянул сапоги и накинул на плечи куртку. Пристроив за голенище сапожный нож и мимолетом пожалев о большом охотничьем, сгинувшем во время сражения на берегу астрала, охотник вскочил на ноги и подошел к двери.

Винсент, раздраженно мнущий в руках охвостье пояса, успел выбраться в пустой коридор и даже пройти несколько шагов к деревянной лестнице, ведущей наверх, к жилым помещениям корабля. Гордей нагнал спутника и стал быстро подниматься следом по мелким деревянным ступенькам. Одолев первый пролет, охотник насторожился – теперь и он услышал пронзительные голоса гибберлингов. Слов он не разобрал, но хорошо расслышал звучащую в голосах тревогу.

Когда эльф и человек взобрались по лестнице в большой зал, из которого расходились двери к капитанскому мостику и в зал управления, корабль вновь содрогнулся – не сильно, но довольно ощутимо. Гордею даже пришлось опереться рукой о стену, чтобы сохранить равновесие. Эльф же легко удержался на ногах и, не

обращая внимания на такие пустяки, бегом бросился к двери капитанского мостика. Гордей, решив, что сейчас не до церемоний, побежал следом и быстро, как только мог, скользнул в приоткрытую дверь следом за Винсентом. И застыл на пороге.

Рубка корабля впечатляла. Это была огромная комната, размером, наверно, со всю хижину Гордея, с высоким, вполне человеческим потолком и – прозрачной стеной. Два огромных круглых окна занимали почти всю поверхность одной из стен, так что все находящиеся в рубке могли смотреть прямо в бездну астрала, туда, куда направлялся корабль. А посмотреть было кому – вся рубка была забита гибберлингами. Тут их собралось не меньше пяти троек, и все одновременно что-то кричали, перебивая друг друга. Спокойствие сохраняли только три рослых гибберлинга, стоявшие у самого окна и напряженно всматривавшиеся в астрал. Позади них стоял Эрик, которого Гордей сразу узнал по рыжему оттенку. Кроме того, рядом стоял, согнувшись пополам, Винсент. Оба друга тихо переговаривались, не обращая внимания на крики остальных семеек.

Гордей, остро почувствовавший себя ненужным, тихонько прикрыл за собой дверь, прислонился к стене и осмотрел рубку более внимательным взглядом. На этот раз он заметил, что рослые гибберлинги – а это, несомненно, была семейка капитана корабля – не просто так глядят в окно. Они стояли у невысоких столов, на которых располагались странные рычажки и деревянные палочки. Средний гибберлинг время от времени прикасался к тем, что торчали прямо перед ним, потом поворачивал голову и что-то тихо говорил соседям. Кажется, они управляли этим огромным кораблем, заставляя его двигаться по своему желанию.

Не в силах усмирить свое любопытство, Гордей отлепился от стены, спустился по деревянным ступенькам и двинулся в сторону огромного окна, осторожно раздвигая раскричавшихся гибберлингов. К его удивлению, на дылду, вторгшегося в святая святых, почти не обращали внимания. Семейки увлеченно кричали друг на друга, обвиняя соседей во всевозможных вещах, а порой просто выкрикивая оскорбления.

Добравшись до Винсента, охотник осторожно коснулся его плеча, и эльф вздрогнул. Обернувшись, он поджал губы, словно не одобряя появления человека, но тут обернулся Эрик и широко улыбнулся, продемонстрировав ряд мелких и острых зубов.

– Гордей, – мягко выговорил он. – Храбрая дылда.

Охотник не обиделся, он уже научился распознавать этот тон – так Эрик добродушно поддразнивал своего нового знакомого, подначивая того начать шутливую перебранку. Но на этот раз

Гордей видел, что происходит нечто серьезное, поэтому он опустился на одно колено, чтобы было удобнее разговаривать с гибберлингом, и спросил:

– Что случилось? На нас напали?

Винсент предупреждающе коснулся плеча охотника, словно призывая его не торопиться с расспросами, но Гордей проигнорировал эльфа. Ему надоели его постоянные вежливые танцы и многозначительные речи. Иногда надо действовать прямо. И быстро.

– Нет, – отозвался Эрик, косясь на спины семейки капитана. – Но происходит что-то странное. Дозорный увидел зеленую вспышку. Это просьба о помощи с другого корабля. Мы направились в этот район. Другого корабля мы не нашли. Но тут странное волнение. Астрал беспокоится…

– Я могу чем-то помочь? – напрямую спросил Гордей, сбрасывая с плеча руку эльфа.

– Не знаю, – мрачно отозвался Эрик, оглядываясь по сторонам. – Не сейчас. Не здесь.

Договорить он не успел. Самый рослый гибберлинг – Гордею подумалось, что это и есть Сиг Быстрых – вдруг вскинул лапу и громко крикнул. В рубке тотчас наступила тишина, как по приказу. Гибберлинги, секунду назад шумевшие как целая стая сорок, мгновенно затихли и даже дыхание затаили. Все как один уставились в большое окно, пытаясь рассмотреть что-то в цветастых разводах астрала. Гордей почувствовал, как палуба под ногами дрогнула – словно корабль начал поворачивать в сторону, и довольно быстро. Картинка за окном стала меняться, облака медленно поползли в сторону, и вдруг, где-то совсем рядом, вспыхнуло желтое сияние, как будто прямо перед кораблем зажгли лампу.

Рубка корабля в мгновенье ока наполнилась нестройным многоголосьем завопивших гибберлингов. Сиг Быстрых начал быстро выкрикивать какие-то команды, почти не слышимые за дружными воплями семеек. Гордей, чувствуя, как палуба под ногами кренится все сильнее, не понял ни слова. Зато команда прекрасно поняла капитана – полтора десятка гибберлингов мгновенно рванули с места к двери, на выход, образовав в проеме пушистую и отчаянно бранящуюся пробку. Гордей с недоумением взглянул на Эрика и чуть не отпрянул – гибберлинг зло оскалился и, кажется, был готов зарычать. Винсент даже отступил на шаг от своего друга.

– Резак, – гулко произнес Сиг Быстрых, не отрываясь от управления кораблем. – Веди команду. Сейчас.

Эрик обернулся, мазнул шальным взглядом по семейке

капитана, а потом решительно бросился в кучу-малу у дверей, щедро раздавая на ходу пинки и затрещины.

– За мной, – взревел Эрик. – Все на палубу! К оружию!

Гордей, впечатленный призывом, невольно подался следом, отчаянно жалея, что его новый лук остался где-то глубоко в трюме корабля. Он не знал, что происходит, но призыв к оружию не оставлял сомнений в том, что всем грозит опасность.

Винсент, наконец, очнулся от спячки и, словно прочитав мысли Гордея, решительно двинулся следом за охотником, грозно хмуря брови. Эрик, протолкавшийся сквозь дверь, обернулся и, заприметив товарищей, крикнул:

– Винс, это демон! Демон!

Эльф остановился в шаге от двери, сквозь которую протискивались последние гибберлинги, и что-то очень певуче прошипел себе под нос. Весьма злым тоном. Гордей, шедший следом, невольно споткнулся – столько злости было в тоне барда.

– Что это? – спросил он эльфа. – Что такое демон?

– Иди за мной, – бросил Винсент, шагая в дверь. – Не лезь вперед и не отставай. Держись рядом.

Эрик и прочие гибберлинги уже исчезли с глаз, и Винсент выбежал в большой зал, из которого расходились лестницы. Гордей бежал следом, едва не наступая эльфу на пятки. Тот без всяких помех свернул к лестнице, ведущей на палубу, и взлетел по ней, кажется, ни разу не коснувшись ногами ступенек. Гордей, не обладавший крыльями эльфа, честно протопал по скрипящему дереву и нагнал Винсента только у двери, выходящей на палубу.

Выскочив наружу, на крохотный пятачок, огражденный резными перилами, где еще недавно они с эльфом вели задушевную беседу, Гордей почувствовал, как у него перехватило дыхание. Остановившись рядом с Винсентом, охотник вцепился обеими руками в перила и уставился за борт – туда, куда с тревогой смотрел эльф.

Там, в пустоте астрала, переливающейся всеми цветами радуги, висело огромное чудище. Размером оно было больше корабля, да что там, больше городского дома! Огромная голова чудовища походила на расколотый кристалл, подсвеченный желтым, плечи, почти человеческие, были покрыты желтоватыми чешуйками кристаллов. Громадные руки, напоминавшие великанские деревья, заканчивались рачьими клешнями, выглядевшими весьма угрожающе. Туловище, все вздувшееся, перекрученное то ли жилами, то ли подгнившими канатами, отливало багрянцем. Ног у чудовища не было – ниже пояса у него болтались длинные отростки, напоминавшие щупальца морских гадов. Они медленно, но непрерывно шевелились, от чего

казалось, что чудовище медленно бредет в пустоте. Бредет вперед, к кораблю гибберлингов, что теперь казался Гордею песчинкой в бесконечном море.

– Демон, – выдохнул Винсент, словно не веря своим глазам. – Астральный демон!

– Это плохо? – быстро спросил Гордей, на глаз прикидывая расстояние до чудовища. – Он опасен?

– Еще как опасен! – с затаенным восторгом выдохнул эльф. – Но я думал, это только легенда, байка, о которой поют самые юные и нетребовательные барды!

– Так он может напасть на нас? – с беспокойством спросил охотник.

– Он уже напал, – бросил эльф, всматриваясь в демона. – Он приближается, но пока еще далеко. А мы идем ему навстречу. Ты только посмотри! Это же ожившая выдумка!

– Выглядит вполне настоящим, – заметил Гордей, машинально пощупав пустой пояс, на котором, увы, не было привычного ножа. – Эх, лук-то я забыл…

– Лук? – рассмеявшись, Винсент обернулся к спутнику. – Он тут не поможет. И моя лютня. И даже десяток канийских магов, будь они тут, вряд ли бы справились с этим чудищем!

– И что теперь делать-то? – спросил Гордей, с опаской поглядывая в сторону демона, плывущего в пустоте навстречу кораблю. – Как его победить?

– Никак, – коротко ответил эльф. – Мы можем только попытаться убежать.

– Попытаться? – ужаснулся Гордей, услышав сомнения в голосе эльфа. – Только попытаться?

– Теперь все зависит от команды корабля, – сказал эльф и вскинул руку, указывая на палубу. – Смотри! Смотри на них!

Гордей обернулся, бросил взгляд на палубу и чуть не присвистнул от удивления. Все пространство между бортами корабля кишело гибберлингами – они метались взад и вперед по черным доскам, таская за собой самые разные вещи. Кто-то тащил канаты, кто-то кувшины… Сразу две семейки тащили огромный ящик к дыре в середине палубы, ведущей, как видно, в грузовой трюм. Гибберлинги действовали быстро и слаженно, не было видно и следа той паники, которую охотник наблюдал в капитанской рубке. Три десятка гибберлингов умудрялись бегать по палубе, не натыкаясь друг на друга, да так быстро, что Гордей не успевал уследить, куда и откуда они бегут.

Заметив, что никто из них и не думает лезть на мачты, Гордей сначала удивился, но потом сообразил: никакого ветра в астрале нет. Мачты, паруса – это все больше для украшения.

Конечно, он мог чего-то не знать об устройстве корабля, возможно, вся оснастка тут не для красоты, но все же…

В этот момент палуба словно взорвалась – гибберлинги дружно, как по команде, одновременно бросились к бортам и ловко провалились в маленькие дыры, ведущие куда-то в глубины корабля. Палуба в единый миг опустела, Гордей в растерянности перевел взгляд на демона и вскрикнул. Он был близко! Намного ближе, чем пару минут назад! Но теперь он не висел прямо по курсу, он сместился левее, словно пытался подойти к кораблю с левого борта. Лишь секунду спустя. Гордей догадался, что сместился не демон, а сам корабль. Сиг Быстрых, стоящий за штурвалом, медленно поворачивал кораблик, оставляя демона по левому борту.

– Он слишком близко! – крикнул Гордей эльфу. – Слишком близко!

Винсент стоял на палубе, широко расставив ноги, крепко ухватившись за поручни одной рукой, а другую вытянув к демону. Глаза его горели, волосы стояли дыбом. Эльф что-то бормотал себе под нос – то ли повторял слова древней баллады, то ли прямо на ходу сочинял новую.

– Винсент! – крикнул Гордей.

Эльф, очнувшись от наваждения, обернулся к спутнику. На его узких губах играла кривая ухмылка.

– Смотри, что он делает, – чуть ли не пропел он. – Он идет навстречу демону, пытаясь обогнуть его стороной, как листок в ручейке огибает камень, встретившийся на пути!

– А может, лучше было просто развернуть корабль и убраться прочь от демона? – спросил Гордей.

– Нет. – Эльф помотал лохматой головой. – Разворот займет слишком много времени, скорость корабля сильно упадет. Демон успеет нас догнать, ему даже не придется снижать скорость. Сиг все делает правильно. Он обойдет чудовище по широкой дуге, не снижая скорости, и уйдет прочь, в глубины астрала!

– А демон? – бросил охотник, не в силах оторвать взгляда от сияющего желтым светом чудовища. – Он же идет нам наперерез!

– Если он сохранит прежнюю скорость, то сможет нас перехватить, – заявил Винсент. – Но, судя по всему, гибберлинги рассчитывают его притормозить. Держись!

– Что?

– Держись за что-нибудь, быстрее!

Гордей, ошеломленно оглянувшись по сторонам, осторожно взялся обеими руками за перила – и вовремя. Палуба под его ногами вдруг содрогнулась, корабль затрясся, и из левого борта, чуть ли не из-под ног Гордея, вылетел огромный огненный шар.

Охотник не успел даже испугаться – он сразу узнал то чудовищное оружие, что превратило берег аллода в пылающее озеро. Огненный шар вспорол астрал и медленно, как показалось Гордею, поплыл сквозь пустоту к демону. Корабль снова содрогнулся, и из его борта выплыл новый огненный шар. А потом – еще один.

Затаив дыхание, Гордей наблюдал за тем, как три огненных шара плывут сквозь пустоту к демону, что постепенно приближался к кораблю. Орудия стреляли не прямой наводкой, оружейники взяли упреждение – Гордей, как лучник, прекрасно это понимал. И все же, даже отсюда, он видел их ошибку – первый выстрел явно должен был уйти в пустоту.

Прикусив губу, охотник смотрел на демона, не в силах оторвать взгляда от чудовища. Ему было прекрасно видно, как первый огненный шар прошел мимо цели – довольно далеко от болтающихся в пустоте щупалец. Второй лег чуть ближе, едва не зацепив бок чудовища, а вот третий ударил точно в цель – попал в живот демону и растекся по нему огненным облачком.

Гордей радостно вскрикнул, но его вопль умер, так и не сорвавшись с губ. Демон словно и не заметил попадания огненного шара. Он даже не дрогнул, не шевельнулся, просто шел дальше сквозь астрал к крохотному деревянному кораблю гибберлингов. Охотник с тревогой взглянул на эльфа – тот стоял на краю площадки, зацепившись ногами за перила. Вытянув к чудовищу обе руки, эльф громко то ли пел, то ли проклинал чудовище. Глаза Винсента пылали желтым светом – как аура астрального демона, на которого он смотрел, а черные волосы стояли дыбом.

Гордей хотел его окликнуть, но не успел – палуба корабля снова затряслась под его ногами, и с борта сорвался еще один шар. За ним – второй и третий, почти одновременно. Охотник быстро прикинул их траекторию и одобрительно кивнул – эти должны были попасть в цель. Но корабль снова затрясся. Еще три огненных шара вылетели из его борта и устремились следом за первым залпом. Гордей привстал на носки, чтобы лучше видеть, и в тот же миг корабль гибберлингов выплюнул еще один залп.

Гордей, приоткрыв рот, смотрел на вереницу огненных шаров, величественно и бесшумно плывших сквозь пустоту астрала к сияющему демону, подошедшему так близко, что охотник уже мог разобрать замысловатые узоры на его чешуе.

Демон, казалось, и не заметил вала огня, устремившегося ему навстречу. Во всяком случае, он даже не попытался уклониться от него или изменить свой курс. О просто вскинул огромные руки – довольно медленно, учитывая их размер, – и так же медленно

опустил – словно пытался хлопнуть себя по отсутствующим бедрам. Желтое сияние вокруг демона вдруг набухло алым облаком и лопнуло, как переспелая ягода. Гордей еще успел заметить, как астрал между демоном и кораблем замерцал подозрительными искорками, а потом астрал вдруг взметнулся и ударил в борт корабля гибберлингов, как порыв штормового ветра ударяет в скалу, стоящую над морем.

Астральный корабль вздрогнул до основания. Затрещало ломающееся дерево, палуба ушла из-под ног Гордея, его самого подкинуло, швырнуло назад, в дверь, ведущую в недра корабля. Последнее, что увидел охотник, это Винсент, вцепившийся руками и ногами в остатки резных перил, и рой огненных шаров, подлетающий к демону.

В следующий миг Гордей спиной влетел в темный коридор, шлепнулся на спину, да так, что у него из глаз брызнули искры. Не в силах вздохнуть, полуоглушенный, он попытался подняться, но в тот же миг корабль гибберлингов получил новый удар. Пол толкнул Гордея в зад, подкинул чуть ли не к потолку. Охотник еще успел вытянуть вперед руки, чтобы не удариться о его черные доски, но потом обрушился вниз, в коридор, и кубарем покатился вниз по лестнице, ведущей в общий зал.

Когда Гордей открыл глаза, то сразу застонал. После падения с лестницы болело все тело – каждая косточка. Особенно болел затылок, которым охотник приложился о пол, уже выкатившись в общий зал. Он знал, что пробыл без сознания недолго, может, пару минут, не больше. Палуба, на которой он лежал, все еще содрогалась, где-то хрустело ломающееся дерево и почему-то резало глаза – до слез.

Приподнявшись, охотник со стоном сел, приложил ладонь к затылку и обернулся, пытаясь оценить повреждения. Перед его глазами еще плавали зеленые и синие круги, но то, что он увидел, заставило Гордея вскочить на ноги и, пошатываясь, отправиться на другой конец зала.

Там располагался та самая секретная дверь, оббитая железом, скрывавшая секреты корабля гибберлингов. Но сейчас она была распахнута настежь, из проема, поверху, струился сизый дымок, от которого так отчаянно и щипало глаза. Но не это заставило Гордея шевелиться, нет. Он просто увидел гибберлинга, лежащего на пороге двери. Его ноги оставались в секретной комнате, словно мохнатый малыш пытался выползли в коридор, но силы оставили его на самом пороге.

Подойдя ближе, охотник опустился на колени и очень осторожно, медленно перевернул гибберлинга на спину. Тот тихо застонал, и Гордей облегченно вздохнул – жив. Он не знал этого

беднягу – серая с белыми полосами мордочка, испачканная черной сажей, была ему незнакома. Да и напоминал он больше не лису или собачку, а скорее медвежонка. Таких охотник на корабле еще не встречал.

Не зная, что делать, Гордей осторожно вытащил гибберлинга в коридор и положил на пол, стараясь устроить его поудобней. И тут же встрепенулся, когда услышал стон из секретной комнаты. Он замешкался только на секунду, а потом, прикусив губу, нырнул в темный проем.

Таинственная комната на первый взгляд оказалась не такой уж таинственной. Это был просто большой зал – не такой, конечно, как столовая, но все-таки довольно приличный. Его освещали десятки кристаллов, прикрепленных к потолку. Многие из них погасли, другие заслоняли клубы черного дыма, плавающие у потолка, так что в зале царила полутьма.

Главный секрет, как догадался Гордей, располагался в центре зала. Это был, несомненно, какой-то важный механизм. Он был похож на большую железную печь, стоящую на каменном диске. От этой печи в пол уходили железные трубы. Большая железная заслонка, напоминавшая дверцу, была распахнута, и судя по тому, что висела она криво, на одной петле, это было не очень хорошо. Из печи исходило тусклое разноцветное сияние. Подойдя ближе, Гордей увидел, что это светятся крохотные кристаллы, похожие на те, что освещали каюты корабля.

Заслышав новый стон, Гордей встрепенулся и быстро обошел стороной странный котел. Прямо за ним, у каменной подставки, лежали два гибберлинга. Одному из них помощь уже была не нужна – это охотник понял сразу, едва завидев вывернутую под немыслимым углом шею. А второй – такой же расцветки, серый с белым, лежал на спине и тихонько постанывал.

Гордей бросился к раненому, упал около него на колени и приподнял бедняге голову. Тот заскрежетал зубами, широко распахнул желтые глаза и тут же попытался вырваться – когда увидел дылду, нависшего над ним.

– Я друг, – быстро сказал Гордей. – Я помогу.

Гибберлинг, лишившись остатков сил, обвис на руках человека и лишь беспомощно зашевелил губами, пытаясь что-то сказать.

– Не бойся, – зашептал охотник. – Я друг Эрика Резака, я друг всем гибберлингам. Меня зовут Гордей.

Раненый малыш с неожиданной силой ухватился пятерней за ворот куртки охотника и потянул на себя, заставив Гордея нагнуться.

– Чинить, – с усилием прошептал гибберлинг. – Сейчас же.

Или смерть.

– Что чинить? – удивился Гордей. – Может, лечить?

Гибберлинг разжал кулачок и махнул рукой в сторону странного котла, стоящего посреди комнаты. Он не успел даже завершить движения – рука его бессильно упала, а глаза закатились. Охотник с тревогой склонился над гибберлингом, но тот все еще дышал – тяжело и часто. В нерешительности Гордей обернулся, бросил взгляд на железную печь, и его жутко болящая голова наконец подкинула ему правильную идею.

– О, срань драконья, – прошептал Гордей, чувствуя, как у него волосы встают дыбом.

Разумеется, гибберлинг был прав. Эта странная печь, стоявшая посреди зала, явно имела отношение к движению корабля. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы это понять. Как и то, что она повреждена. А отсюда следует вывод – корабль стоит, а демон все ближе…

Спохватившись, Гордей не размышляя бросился к железной печке. Оббежав ее по кругу, он заглянул в распахнутую дверцу и тут же шарахнулся в сторону – из нее веяло таким же жаром, как из настоящей печи.

Цедя сквозь зубы ругательства, охотник скинул новую курку, набросил ее на горячую дверцу, отодвинул в сторону и осторожно заглянул в недра устройства. Разноцветные кристаллы, воткнутые в стены печи, горели тусклым светом, но далеко не все. Некоторые из них были темными, другие – разбиты. Поврежденных было не так уж много, но Гордей понятия не имел, что с ними делать. Конечно, он любил мастерить на досуге ловушки и силки, а то и сложные механические капканы. А та пара ходящих игрушек, что он сделал для дочки кузнеца, подняла его авторитет среди деревенской молодежи на недосягаемую высоту. Но там все было просто – рычажок, колесико, веревочка, а тут…

Корабль снова дрогнул, и весьма ощутимо – так, что Гордей чуть не влетел головой в раскрытую дверцу. Он успел шарахнуться в сторону, упал на колени и вскрикнул от боли, когда в ладонь впилась какая-то дрянь, лежащая на полу. Опустив взгляд, Гордей увидел не замеченный раньше ящик – узкий и длинный. Он лежал на боку, рядом с каменным основанием устройства, а из него ручьем тек поток разноцветных кристаллов всевозможных форм и расцветок. Кто-то из гибберлингов, видимо, подтащил сюда ящик, стал в нем копаться, но первый удар демона опрокинул и ящик, и…

Гордей медленно поднял голову, заглянул в недра устройства, а потом так же медленно опустил взгляд на

рассыпавшиеся кристаллы. В следующую секунду охотник выхватил из голенища маленький острый нож, в пару взмахов располосовал новую куртку, выдрал из нее куски и обернул ими руки на манер зимних рукавиц. После подтащил ящик к распахнутой дверце, снова заглянул в недра устройства, а потом в ящик.

Первый разбитый кристалл – длинная ребристая палочка красного цвета – была совсем рядом с дверцей. Гордей сунул руку в ящик и выудил из него целый кристалл – по виду точно такой же, как поврежденный. Затаив дыхание, охотник сунул руку в печь и попытался ухватиться за сломанную красную палочку. Руку обожгло, но не сильно – чем бы ни была эта печь на самом деле, она явно остывала. Пальцы охотника сквозь ткань нащупали поврежденный кристалл. Держать его было неудобно, но Гордею удалось ухватиться за уцелевший остаток. Он потянул его на себя, но разбитая штуковина не поддалась, лишь чуть покачнулась. Гордей потащил сильнее, раскачивая кристалл из стороны в сторону. Тот скрипел и упирался, не желая вылезать из своего гнезда. Тогда охотник дернул сильнее – и чуть не повалился на спину, когда сломанная штуковина легко покинула свое гнездо и выскочила в руку Гордея.

Отшвырнув ее в сторону, охотник другой рукой сунул целый кристалл в котел, на место поврежденного. Тот с большим трудом поместился в гнездо, хотя по виду был точно таким же, как и разбитый. Гордей нажал посильней, и кристалл вдруг с легким щелчком встал на место – и зажегся тусклым красным светом. Медленно выдохнув, Гордей смахнул со лба пот и схватился за следующий – синий.

Он работал быстро, как проклятый раб на рудниках. Охотник понимал, что времени у него совсем нет: корабль вздрагивал все чаще и все сильней, словно волны астрала все чаще били в его борта. Руки Гордея так и мелькали. Он вытаскивал битые кристаллы, разыскивал в ящике похожие и пытался пристроить их на место сломанных. Красные, желтые, синие, зеленые… Цветные пятна так и мелькали перед глазами Гордея. Некоторые кристаллы не подходили по размеру. Другие по форме. Не все с первого раза помещались в гнездо. Некоторые из разбитых приходилось выковыривать ножом – те, что обломились слишком близко к краю. Гордей выл и бранился в голос, бесясь от любой задержки. Но были и добрые вести – некоторые погасшие кристаллы загорались от его прикосновений, стоило их только чуть пошевелить. И таких было много.

Пара минут работы в таком темпе растянулись для Гордея на годы. Он уже не смахивал пот, что стекал на глаза, не обращал

внимания на ожоги и порезы – он вытаскивал и ставил кристаллы как сумасшедший. И через пару минут был вознагражден.

Стоило ему сменить последний из красных кристаллов, как все они дружно мигнули и зажглись поярче. В тот же миг за спиной Гордея раздался низкий гул, и охотник резко обернулся, хватаясь за маленький ножик, лежавший на полу. Опасности не было – гул издавал странный столб, стоявший в дальнем углу. Он был темным, и Гордей поначалу не обратил на него внимания. Но сейчас столб тихо гудел и светился всеми оттенками красного – от розового до багрянца. Кажется, дело пошло на лад.

Усмехнувшись, Гордей потянулся обратно к печи и тут же обернулся, когда из-за плеча раздался тихий возглас. От резкого движения охотник чуть не сел на зад, но чудом удержался, когда увидел, что опасности нет. У него за спиной, оказывается, стоял гибберлинг. Тот самый, что недавно лежал в проеме двери. Судя по всему, малыш успел прийти в себя и теперь широко раскрытыми глазами смотрел на дылду, посмевшего сунуть свой нос в тайны гибберлингов.

– Я чиню, – смущенно пробормотал Гордей. – Тут это… поломалось все…

Гибберлинг коротко рыкнул, заглянул в распахнутую дверцу, быстро окинул взглядом поврежденные кристаллы и перевел взгляд на охотника.

– Чини так же, – сказал он, хлопнув лапой по плечу сидящего Гордея. – Но быстрее.

И тут же, без паузы, засеменил на коротеньких ножках в дальний угол комнаты. Его пошатывало на ходу, но, несмотря на это, гибберлинг умудрился подхватить с пола железную полосу с выемками, напомнившую Гордею кузнечный шаблон. На ходу гибберлинг обернулся и, увидев, что человек смотрит ему вслед, оскалился.

– Чини, – резко пролаял он. – Быстро!

Гордей отвернулся и сунул руки в ящик, нашаривая очередной кристалл. Он весь отдался работе, отключившись от внешнего мира. Не обращая внимания на содрогающийся пол, на пот, боль в сведенных пальцах, он менял кристаллы так быстро, как только мог – не оглядываясь и ни на секунду не отрываясь от работы. Синие. Есть. Зеленые. Есть. Желтые, много разбитых желтых…

Краем уха он слышал, как где-то в глубине зала возится уцелевший гибберлинг. Он чем-то гремел, что-то со скрипом крутил, зло пыхтел и ругался – в общем, тоже зря времени не терял. Гордей старался не обращать на него внимания, хотя ему очень хотелось посмотреть, что именно делает этот парень, что он

чинит и как.

Гордей не знал, сколько прошло времени – казалось, целый день. А может, и месяц. Знал только, что желтых звездочек еще нужно сменить целый десяток, а пальцы свело судорогой, и он никак не может уцепиться за битые края. Тряпки на руках давно набухли от крови, сочившейся из порезов на пальцах – что на правой, что на левой руке. Плечи прострелило, шею переклинило, слезы из глаз, разъеденных дымом, текли ручьем, мешая смотреть. Но Гордей упрямо брал все новые и новые детали из заметно опустевшего ящика и продолжал нырять в остывшие недра печи, забираясь в нее уже с головой.

Когда его ухватили за плечо, он сразу и не почувствовал этого – все тело и так болело, как единый клубок боли. Но потом его схватила вторая маленькая рука, потом третья… И Гордей вдруг понял, что десяток крохотных лап оттаскивают его от железной печи, внутри которой горел ровный свет целых кристаллов.

Подслеповато щурясь, он оглянулся, возвращаясь в реальный мир, и невольно отшатнулся – вокруг него плескалось настоящее мохнатое море из гибберлингов. Их тут было десятка три, и все они вопили, пытаясь дотронуться до дылды, стоявшего на коленях.

– Я только хотел помочь, – пробормотал Гордей, опуская ноющие руки. – Надо чинить…

Пушистые волны вдруг расступились, и прямо на охотника вывалился Эрик – взъерошенный, оскалившийся, со стоящей дыбом шерстью.

– Дылда! – радостно завопил он и бросился к Гордею, пытаясь обнять его за плечи. – Дылда всех спас!

Гордей устало выдохнул. В многоголосом хоре гибберлингов не слышалось злости и ярости – нет, скорее радость, восторг и удивление. Охотник осторожно обнял здоровой рукой Эрика, пытавшегося обхватить своего большого друга.

– Гордей, – взревел Эрик, вскидывая руки. – Гордей Ветров!

Ему ответил дружных хор гибберлингов, повторявших имя охотника. Десятки лап одновременно потянулись к Гордею, ухватились за него, приподняли – и через миг изумленный охотник поплыл на спине через мохнатое море гибберлингов. В голове у него шумело, мысли путались. Мелкие руки толкали его в спину, поддерживая над полом, а сам Гордей, глядя в потолок, думал о том, что он успел. Теперь знал точно – успел. Он справился. Он победил.

И только осознав это, почувствовав победу по-настоящему, он улыбнулся и позволил себе потерять сознание.

6

Очнулся Гордей только на следующий день и первым делом узрел мохнатую улыбающуюся физиономию Тона – лекаря, осматривавшего его в прошлый раз. Не успел молодой охотник и слова сказать, как гибберлинг влил в него огромную чашку невероятно вонючего зелья. Отфыркавшись, Гордей приподнялся на локте и обвел взглядом комнату. Это оказалась та самая каютка, больше похожая на чулан для метелок, выделенная им с эльфом. Сам Винсент обнаружился в углу – прислонившись к стене, он разместил на коленях драный кусок пергамента, явно видавший лучшие годы, и теперь увлеченно скреб его черной палочкой.

– Винс, – хрипло позвал Гордей. – Все целы?

Эльф поднял на соседа по комнате пустой взгляд, но потом, весьма неохотно, вернулся в реальный мир из своих грез.

– Все хорошо, Гордей, – тихо сказал он. – Трое техников скончались, но жертв было бы гораздо больше, если бы ты не вмешался.

Воспользовавшись моментом, Тон мгновенно сунул в открытый для ответа рот Гордея склизкую пакость, напоминавшую кусок заплесневелого сыра. Охотник инстинктивно его проглотил и закашлялся – горло словно огнем обожгло. Он с благодарностью принял от лекаря чашку, чтобы запить лекарство, и чуть не подавился – это оказалась та самая дрянь, которой его уже успели попотчевать.

– Хватит! – взревел Гордей, отплевываясь. – Ну, хватит уже!

Тон, растянувший пасть в улыбке до ушей, ласково похлопал пациента по плечу, но тот уже обернулся к соседу, собравшемуся погрузиться обратно в мир своих грез.

– Винсент, – позвал Гордей. – Что произошло?

Эльф снова поднял взгляд от пергамента, и на этот раз его лицо выражало легкое раздражение, словно его оторвали от очень важного дела.

– Все хорошо, – бросил он. – Перегрев реактора корабля грозил полной остановкой. Демон подбирался все ближе, скорость падала, орудия молчали. Но ты запустил эту штуковину, и дело пошло на лад. Залпами пушек гибберлинги притормозили демона, а Сиг проскользнул мимо него, как и намеревался. Мы удрали и потому все целы.

– Слава небесам, – выдохнул Гордей и обернулся к Тону, чтобы поблагодарить его.

Как оказалось, маленький лекарь успел бесшумно выскочить

из комнаты, оставив за собой лишь приоткрытую дверь и удушливое облако мерзких лекарственных запахов.

– И что теперь? – бросил охотник, обращаясь к эльфу.

– Теперь все хорошо, – раздраженно отозвался тот. – Мы летим на совет и через сутки доберемся до места встречи. А поскольку для гибберлингов ты теперь герой, то, думаю, ты довольно весело проведешь оставшееся время путешествия.

– А ты? – удивился Гордей.

– И я весело проведу время, – с тоской произнес эльф. – Если один маленький настырный человечек перестанет отвлекать меня от самой важной работы в моей жизни.

– Какой? – машинально спросил охотник и прикрыл ладонью рот.

– Баллада, – обреченно отозвался Винсент, укоризненно поглядывая на соседа. – Я пишу самую прекрасную и замечательную балладу в своей жизни. Она будет прославлять отвагу народа, малого ростом, но великого сердцем. И дружбу она будет прославлять, и взаимовыручку, и все что угодно, только не мешай мне, ради неба, хотя бы пару минут.

Гордей собрался извиниться, но в этот момент дверь распахнулась и в каюту ввалилась целая толпа шумных гибберлингов. Вел их за собой Эрик – взлохмаченный, улыбающийся и весьма довольный на вид.

– Гордей! – воскликнул он, хватая лапами руку охотника. – Наш храбрый друг!

Храбрый друг проглотил вопль боли – его пальцы хоть и были замотаны тряпками, пропитанными какой-то медицинской дрянью, но все еще не потеряли чувствительности.

– Мы все тебе благодарны, каниец, – подал голос соседний гибберлинг, в котором Гордей опознал одного из семейки капитана корабля. – Ты желанный гость в этом доме, и так будет впредь, пока жив хоть один из семейки Быстрых.

– Спасибо, – пробормотал Гордей. – Но я не сделал ничего такого…

– Еще как сделал! – вперед протолкался гибберлинг, на лице которого красовалась проплешина, как от ожога. – Разобрался! Быстро действовал, быстро починил!

Гордей узнал в нем того ремонтника, с которым они вместе чинили ту проклятую печку. Охотник улыбнулся, протянул ему руку, и гибберлинг восторженно схватился за нее – за локоть, чтобы не потревожить ожоги.

– Если все канийцы похожи на тебя, мы отлично поладим, – подал голос гибберлинг из Быстрых.

– Вы больше похожи на нас, чем эльфы, – поддержал его

Эрик.

– Эй, – подал голос Винсент, – а чем эльфы-то плохи?

– Вы слишком много думаете, – тут же отозвался Эрик.

– Разве это плохо – много думать? – озадаченно переспросил Винсент.

– Иногда плохо, – ответил Быстрых. – Например, когда надо броситься в бой, прикрывая своих. Тогда не надо думать о себе.

– Ну, знаете, – обиженно буркнул Винсент, – вот уж не ожидал от вас.

Эрик коротко засмеялся, повернулся к эльфу и махнул рукой.

– Не обижайся, – сказал он. – Быстрых хотел сказать… Сейчас, погоди, подберу слова. Вот! Он хотел сказать, что люди более импульсивны и подвержены порывам чувств. Гибберлинги тоже такие. Вот и все.

– Люди – что? – переспросил Гордей. – Эрик, это ты что сейчас сказал?

Быстрых тоже засмеялся. Он хлопнул охотника по плечу и чуть наклонился к нему.

– Не обращай внимания, – сказал он. – Эрик мастер говорить. Он знает много умных слов. Специально учит по ночам, когда никто не видит.

Остальные гибберлинги дружно заржали, словно их капитан отмочил невесть какую хохму.

– Я потом объясню, – сказал Эрик, – если захочешь. А сейчас скажи нам, как ты себя чувствуешь?

Гордей осторожно сел, пошевелил плечами, осмотрел аккуратно забинтованные руки. Наружу торчали лишь кончики пальцев.

– Вроде все в порядке, – объявил он, – только руки немного затекли. И в голове туман, словно я еще не проснулся.

– Это от лекарств, – возвестил Тон, стоявший в дверях. – Пройдет.

– Прекрасно! – воскликнул Эрик. – Тогда, мой друг Гордей Ветров, вставай и познакомься с гостеприимством гибберлингов!

Мохнатая толпа одобрительно взревела. Десяток маленьких лап уцепились за Гордея, помогая ему подняться на ноги. Под одобрительные крики шумных гибберлингов охотник встал и, качнувшись, оперся рукой о стену.

– Пойдем! – крикнул Эрик, перекрикивая шум сородичей. – Мы покажем тебе корабль. Весь!

Гордей отлепился от стены, улыбнулся и сделал пару шагов к двери, стараясь не наступить никому на лапы.

– Не утомляйте его, – крикнул им вслед Винсент, не собиравшийся вылезать из своего угла. – Эрик, помни, он

ударился головой!

– Голова – это кость, там нечему болеть! – радостно отозвался лекарь Тон. – Пошли, пошли!

Эльф закатил глаза, тяжело вздохнул и вновь склонился над своим пергаментом. А шумная толпа гибберлингов чуть ли не на руках вытащила Гордея в коридор.

7

Гордей даже не подозревал, что его ждало. Демонстрация корабля затянулась на целый день и стала для охотника, все еще чувствовавшего себя словно мешком пришибленным, настоящим испытанием.

Прежде всего непрестанно галдящие гибберлинги отвели его в столовую. Там дорогого гостя ожидал праздничный обед, превзошедший все его ожидания. Там было и сладкое питье, и сушеные фрукты, и даже свежее мясо с ледника. Количество всяческих трав и кореньев вообще не поддавалось подсчету. Гордей добросовестно ел все, что ставили перед ним на стол, и только после пятой перемены блюд запросил пощады. Гибберлинги, надо сказать, не отставали от гостя и, набившись толпой за тот же стол, отважно помогали Гордею в битве с пирогами и салатами. Все они непрерывно говорили, пытаясь обсуждать текущие дела, притом ничуть не стесняясь гостя, словно он уже стал одним из них. Да и на самого Гордея сыпался такой шквал вопросов, что он не успевал отвечать на них.

Мохнатый народец интересовался всем. Что такое Кания? Насколько она большая? Что едят утром, а что вечером? Почем в этом году капуста и не подорожала ли она с прошлого года? И насколько подорожала? Каково это вообще – жить в лесу и самому добывать себе еду? Как канийские маги делают такой пшик, чтобы зажегся костер?

Сыто отдуваясь, Гордей по мере сил отвечал на вопросы. Он заметил, что Быстрых и Эрик особо ни о чем не расспрашивали, а порой и одергивали самых настойчивых сородичей. Но вместе с тем и не мешали потоку вопросов. Под конец обеда у Гордея сложилось впечатление, что это не он знакомится с жизнью малого народца, а малый народец знакомится с жизнью канийцев – на примере одного молодого и растерянного деревенского детины. А Быстрых и Эрик следят за этим процессом.

После еды дружная компания гибберлингов, чьих имен затуманенный лекарствами разум Гордея был не в силах запомнить, повела гостя знакомиться с кораблем. Прогулка вышла довольно сумбурной и познавательной – на этот раз Гордей решил, что настала его очередь, и засыпал вопросами всех очутившихся рядом гибберлингов. Ему отвечали хором и вразнобой и ни разу ничего не утаили. Лишь одну тайну ему не открыли – как корабль защищен от сил астрала. Об этом запретил говорить Эрик, после чего с весьма виноватым видом добавил, что это секрет всего народа гибберлингов. Но на любые другие

вопросы ответ следовал немедленно.

Так Гордей узнал, что корабль носит имя «Бесстрашный», что семейка Быстрых владеет им много поколений, и некоторые из гибберлингов родились и выросли на этом корабле за время путешествия к Исе. Охотнику рассказали, что свой уцелевший дом, ту самую колонию на материке людей, гибберлинги покинули довольно давно – чуть ли не после самого Катаклизма. И с тех пор флот гибберлингов рыскал по астралу в поисках потерянного континента Иса, останавливаясь на уцелевших островах для пополнения припасов. Бесконечный поиск своего потерянного дома гибберлинги были готовы обсуждать до потери пульса, и Гордею приходилось даже порой обрывать очередную лекцию, чтобы разговор вернулся к более интересным, на его взгляд, вещам.

Передвигался «Бесстрашный» благодаря двигателю, получавшему энергию от того самого реактора, который Гордей починил. Поломка, как оказалась, была не такая страшная, устранить ее было довольно легко. Но тот факт, что Гордей, ничего не знающий о секретах семейки ремонтников, смог сам так быстро разобраться, что нужно делать, произвел на гибберлингов неизгладимое впечатление.

Улучив момент, когда ему показывали самый глубокий трюм со льдом, набитый съестными припасами и выполнявший роль холодильной ямы, Гордей подобрался ближе к Эрику, державшемуся позади остальных, и прошептал:

– Мне ужасно неудобно!

– Почему? – обеспокоенно спросил Эрик, оглядываясь по сторонам. – Что тебе мешает?

– Я не сделал ничего важного, – пробормотал Гордей. – А они ведут себя так, словно я совершил великий подвиг!

– Ты совершил подвиг, – уверенно отозвался Эрик. – Ты спас корабль и всех нас.

– Но я же и себя спасал, – взвился Гордей. – Я делал то, что сделал бы любой!

– Ты не понимаешь, – тихо прошептал Эрик и с грустью взглянул на охотника. – Для многих из нас ты первый человек. И ты, не задумываясь, бросился помогать нам, хотя ничем не был обязан этому кораблю и его семье.

– Да любой бы так сделал! – горячо возразил Гордей.

– Нет, – сухо отозвался Эрик. – Эльф на твоем месте, например, ждал бы, пока специально обученная ремонту команда приступит к работе. Винсент, например, помог бы раненому, конечно, но он не сунулся бы в реактор. А уж его папаша и вовсе бы пальцем не шевельнул.

– Ну, не знаю, – пробормотал Гордей. – Мне казалось, что эльфы не такие плохие, а?

– Они не плохие, – устало произнес Эрик. – Они просто другие. Нам бывает тяжело с ними. Они живут долго, намного дольше нас. И дорожат своей жизнью. Они не будут рисковать собой без крайней необходимости. Мой народ считает их высокомерными и заносчивыми, и поэтому нам бывает трудно общаться с ними.

– Я не думаю, что все эльфы такие, – вежливо заметил Гордей. – Наверно, знатные особы такие и есть, но всякие важные персоны везде одинаковы.

– Не важно, – отмахнулся Эрик. – Главное, что ты простой человек, обычный каниец, а не важная персона. И ты показал нам, какие бывают люди. Ты помог мне и Винсу, хотя не обязан был этого делать. Ты мог десять раз сбежать от нас в минуту опасности, но остался, потому что обещал. Ты был с нами до конца и смело сражался даже перед лицом смерти. А на корабле так же смело встретил опасность и не спасовал перед ней. Ты – хороший пример для гибберлингов. И они хотят узнать о тебе больше.

– Глупости какие, – пробормотал Гордей, чувствуя, как у него от смущения начинают гореть уши. – Я просто… Я просто мальчишка, чего уж там. Какой из меня пример для подражания?

– Хороший, – совершенно серьезно, без тени улыбки отозвался Эрик. – И я очень рад, что встретил тебя там, в лесу.

Гордей хотел ответить, но в этот момент толпа гибберлингов заметила отсутствие важного гостя и поспешила исправить свое упущение. Охотника снова увлек за собой водоворот вопросов и восторженных воплей.

На этот раз его провели наверх корабля. Он побывал в уже знакомой ему капитанской рубке, где сам Сиг Быстрых, стоявший у штурвала, показал ему, как управлять кораблем. Гордей, конечно, не запомнил всех тонкостей, но понял, что ручки перед капитаном отвечают за движение и скорость, а большие рычаги – за мощность. Показали ему и орудия корабля – они прятались в узких коридорах, скрытых прямо в бортах. Это были длинные железные трубы, очень прочные на вид, которые можно было высунуть за борт в специальные квадратные окошечки. Принцип их работы для Гордея остался тайной – гибберлинги, отвечавшие за оружие, пытались объяснить гостю, как это все работает, но охотник так ничего и не понял, поэтому про себя решил считать эти штуки просто магическими.

Когда толпа отвела его в зал управления, где находился тот самый реактор, Гордей почувствовал себя неловко. Он помнил,

что накануне тут погибли трое гибберлингов, и не чувствовал никакой радости от этих воспоминаний. Команда ремонтников принялась радостно описывать, как энергия от котла-реактора поступает по трубам к угловым столбам, распределявшим ее по всему кораблю. Но Гордей, хоть ему и было жутко интересно, улучил момент и наклонился к тому самому ремонтнику, с которым они вместе чинили реактор. Он не принимал участия в общем веселье, шел позади остальных и ни разу не задал ни одного вопроса гостю.

– Мне очень жаль, – тихо сказал Гордей. – Твои братья погибли при аварии?

– Один, – тихо отозвался гибберлинг. – Остались я и моя сестра.

– Я печалюсь вместе с тобой, – тихо сказал охотник, припоминая слова отца.

– Меня зовут Эрл из семьи Шустрых, – торжественно произнес гибберлинг. – Я принимаю твою печаль.

– Спасибо, – отозвался охотник, пожимая маленькую мохнатую лапу.

– Но не стоит печалиться долго, – отозвался Эрл. – Ветви великого дерева присмотрят за моим братом. Может, он вернется на Ису раньше нас и обретет покой. Если мы найдем Ису, то сядем под Великим Деревом и предадимся печали. А сейчас пойдем со мной! Я покажу, что ты делал неправильно.

Гордей, тронутый словами гибберлинга, без возражений последовал за ним и с удовольствием выслушал его лекцию о работе котла. Волшебные разноцветные кристаллы, оказывается, надо было ставить в строго определенном порядке, чтобы добиться от них максимальной производительности. Гордей все делал наспех, наугад. Хотя это и принесло свои плоды, но можно было все сделать гораздо лучше.

Они с Эрлом копались в котле не меньше часа, пока остальные гибберлинги не решили, что хватит уж ремонтникам безраздельно владеть гостем. После этого Гордея вывели из комнаты ремонтников и повели на корму, как они называли окончание корабля, чтобы показать моторы и рули.

По дороге охотник заметил, что состав толпы, сопровождающей его, меняется на ходу. Одни гибберлинги уходили, другие, наоборот, присоединялись к его свите, словно каждый из команды Бесстрашного хотел получить свою толику общения с дылдой. Это было разумно – корабль находился в полете, и кто-то должен был следить за ним. Вся команда одновременно не могла сопровождать Гордея, да и не поместились бы они все разом в узких коридорах. Неизменным

оставалось лишь присутствие Эрика, что приглядывал за гостем, да одного из семейки Быстрых, следившего за своими сородичами.

В итоге Гордея провели на корму и показали все, что попалось на глаза: и двигатели, и винты, и рули. Но охотник уже так пресытился новой информацией, что почти ничего не понимал – лишь одобрительно качал головой, когда к нему обращались. Заметив, что гость утомился, Эрик дал новый приказ, и вся компания двинулась обратно в столовую.

Вот там начался настоящий пир. Повара расстарались: тут было и жареное мясо, и свежие овощи, и пироги, и сладкие трясущиеся штуки из желе, и даже какой-то хмельной напиток, напомнивший Гордею крепкий квас. Сам охотник, засыпавший на ходу, почти не принимал участия в общем веселье, а вот гибберлинги разгулялись вовсю. Они шумели, кричали, пели, обнимались, танцевали на столах и всячески радовались жизни. В конце концов они и про гостя позабыли, целиком отдавшись веселой пирушке.

В самый разгар пиршества, когда началось хоровое пение, Гордей почувствовал, что проваливается в темную яму. Он начал бормотать извинения, но веселящиеся гибберлинги лишь подливали ему хмельной квасок. Спас его Тон – лекарь. Появившись из развеселой толпы, он быстро пощупал руки высокого пациента, заглянул ему в левый глаз, предварительно оттянув веко, и объявил, что Гордею пора в постель.

Десяток гибберлингов тут же выразили желание помочь гостю добраться до подушки, и возвращение в каюту превратилось в очередную экскурсию по кораблю. У спящего на ходу Гордея остались силы только на то, чтобы время от времени улыбаться. И еще никогда он так не радовался виду самой простенькой подушки, лежащей на одеяле.

Уложив Гордея, Тон повысил голос и выгнал из каюты всех сопровождающих гостя гибберлингов. Они, надо признать, не слишком огорчились – судя по крикам в коридоре, они собирались вернуться к празднику в столовой и хорошенько повеселиться.

В каюте, в конце концов, остались только лекарь и Эрик, внимательно следивший за тем, как Тон пичкает Гордея очередной мерзкой на вкус пилюлей. Винсент, давно дремавший в углу и прижимавший к груди свой сокровенный свиток, лишь пару раз недовольно шикнул, призывая погасить свет.

Когда Тон сменил повязки на руках Гордея, Эрик решил, что пора оставить гостя в покое. Наклонившись к нему, он прошептал:

– Отдыхай, мой друг. Завтра будет важный день.

– А что завтра? – сонным голосом поинтересовался охотник.

– Завтра мы прибудем на совет. Выспись как следует, Гордей. Хороших снов.

Ответить Гордей не успел – окончательно измотанный, он уснул даже раньше, чем Тон успел забинтовать его руки.

Лекарь, строго поглядывая на Эрика, закончил свою работу, поднялся, выгнал Резака из каюты и тихо закрыл за собой дверь.

К этому моменту Гордей уже крепко спал.

8

Без привычного солнышка на небе Гордей плохо ориентировался во времени. На корабле царил вечный полумрак, и определить, день сейчас или ночь, было непросто. Гибберлингов, кажется, это не слишком тревожило – они исправно по очереди несли свои вахты, отдыхая тогда, когда им было удобно. А вот Гордею, потерявшемуся во времени, было не по себе.

Проснувшись, молодой охотник обнаружил, что остался в кающе в одиночестве. Одевшись и выглянув в коридор, Гордей понял, что, похоже, провалялся в постели весь корабельный «день», а то и больше. Жизнь на «Бесстрашном» кипела – по коридорам бегали озабоченные семейки гибберлингов, подгоняя друг друга бодрыми криками. Часть таскала странные ящики с чем-то тяжелым, а другие бодро мыли полы длинными швабрами. Поначалу, заслышав крики, охотник встревожился, но потом понял, что опасности нет. «Бесстрашный» просто прибывал к месту назначения.

Почесываясь, Гордей направился в столовую, надеясь застать там кого-нибудь из знакомых, но по дороге, уже у лестницы, встретил лекаря Тона. Он быстро загнал пациента обратно в каюту, снял повязки, полюбовался на зажившие как по волшебству порезы и ожоги и, цокнув языком, объявил пациента здоровым.

Гордей, немного смущаясь, намекнул на то, что не прочь ознакомиться с корабельным устройством для поддержания гигиены. Тон поначалу не мог взять в толк, о чем идет речь, – ведь гальюн был в полном распоряжении любого нуждающегося члена экипажа. Но когда охотник растолковал ему, что гладкокожим порой надо обдать себя теплой водицей, сильно призадумался, осмысливая новую концепцию. В конце концов он вывел Гордея в коридор и призвал на помощь двух своих братьев, судя по окраске – таких же неразговорчивых, как и он сам. После краткого обмена мнениями, что в другой семейке сошел бы за бурную дискуссию, гибберлинги отвели Гордея в глубину подсобных помещений.

Именно таким образом охотник и попал в крохотную комнату, в которой он мог поместиться, только встав на колени. Она плотно закрывалась, имела сток и, судя по сырости и запаху, ее использовали для помывки чего-то. Чего именно, Гордей благоразумно решил не уточнять. Он решил довольствоваться тем, что получил, а именно парой ведер с кипятком и холодной

водой, большим ковшом и полотенцем, явно служившим ранее запасным одеялом гибберлингов.

Выразив своим новым друзьям бесконечную благодарность, Гордей кое-как втиснулся в комнату вместе с ведрами, захлопнул перед любопытными гибберлингскими носами крохотную дверцу и принялся приводить себя в порядок.

Ему было жутко неудобно, но все-таки это было лучше, чем ничего. Гордею удалось кое-как ополоснуться, вымыть голову и даже почистить потрепанную одежку. Закончив, он завернулся в одеяло, и, сжимая одежду в руках, бегом вернулся в свою каморку. Там он занялся одеждой.

Увы, обновки, лишь недавно купленные на Новоградском рынке, превратились в лохмотья. Штаны были прорваны в нескольких местах – на бедрах и коленях. Гордей попытался хоть как-то замаскировать прорехи, но лишь сильнее растрепал края дыр. С досады он взялся за куртку, прожженную и с порванными рукавами. Именно из них Гордей и делал себе обмотки на руки, когда чинил перегревшийся реактор, и это не пошло на пользу рукавам. Рассердившись, охотник, напрочь обрезал их, превратив куртку в странный жилет с карманами.

Помывка и ремонт одежды так увлекли охотника, что он совершенно забыл о времени. И лишь заслышав восторженный многоголосый хор гибберлингов, он понял – «Бесстрашный» прибывает к месту назначения.

Торопливо одевшись, Гордей пробежался по пустым коридорам, скачками поднялся по лестнице и, так никого и не встретив, бросился к выходу, ведущему на палубу. С разбегу выскочив на мостик с перилами, он чуть не сшиб с ног Винсента, что обосновался в том же месте, откуда наблюдал за атакой демона.

Эльф, напряженно всматривающийся в астрал, резко обернулся, но потом, заметив, что это Гордей, улыбнулся и отошел в сторонку, открывая своему другу вид на открытый астрал. Молодой охотник сделал шаг вперед, вцепился в поручни и застыл.

Открывшееся его глазам зрелище поразило Гордея до глубины души. Там, впереди, прямо посреди астрала, висела целая армада кораблей. Большие и маленькие, широкие и узкие, с мачтами и без, с крыльями и без – их там были десятки! Сотни! Прямо в центре переливающейся синим пустоты висел целый флот самых разнообразных кораблей. Они располагались так близко, что почти касались друг друга бортами, и с одного судна легко можно было перебраться на другое. Это был настоящий деревянный остров, плавающий в пустоте, и «Бесстрашный»

направлялся к нему, чтобы влиться в общую массу кораблей и стать частью плавучего острова.

– Смотри, мой друг, – проникновенно сказал Винсент. – Ты видишь перед собой флот гибберлингов. Все корабли астрала собрались сегодня здесь! И ты единственный из людей, кто видит подобное. Оцени оказанное тебе доверие и сохрани в сердце это великолепное зрелище.

– Да, но совет… – пробормотал пораженный Гордей и замолк.

Ему казалось, что совет гибберлингов состоится на одном из уцелевших аллодов. Возможно, на крохотном безжизненном островке, случайно сохранившемся со времен Катаклизма. Но целый флот кораблей посреди астрала – это уже слишком.

Эльф повернулся и снова обратил пылающий желтым светом взор на приближающийся деревянный остров. Его губы тихо шевелились, словно Винсент повторял про себя слова, которые не хотел забыть. Пораженный Гордей, потерявший дар речи, просто стоял рядом, наблюдая за тем, как «Бесстрашный» медленно приближается к остальным кораблям.

Судя по медленным и точным движениям судна, Сиг Быстрых хорошо знал свое дело и правил «Бесстрашным» твердой и умелой рукой. Ему наверняка не раз приходилось подводить свой кораблик к другим судам гибберлингов. Вот и сейчас его корабль медленно, но точно подкатывал к огромному парусному судну, что было раза в два больше самого «Бесстрашного». Судно неподвижно висело в пустоте, а его большие крылья, напоминавшие стрекозиные, были прижаты к бортам. Сейчас именно этот корабль являлся краем деревянного плавучего острова, и к нему и собирался пристать «Бесстрашный».

Сиг Быстрых не подвел – его корабль медленно притерся бортом к длинному боку огромного судна и замер, остановившись словно по волшебству. Команда «Бесстрашного», собравшаяся на палубе, разразилась восторженными криками, – и получила в ответ точно такой же многоголосый вопль от сородичей, собравшихся на палубе соседнего корабля. Обе команды шустро взялись за дело, и вскоре через борта был перекинут большой деревянный пандус, что мог легко сойти за деревянный мост, по которому можно было перебраться с одного корабля на другой.

Гордей, зачарованно следивший за работой гибберлингов, не услышал, как кто-то произнес его имя. И лишь когда его руки коснулась мохнатая лапа гибберлинга, охотник обернулся, с неохотой отрываясь от восхитительного зрелища.

– Надо поговорить, – тихо произнес Эрик, неслышно подошедший к друзьям со спины. – Винсент, Гордей. Пожалуйста, пройдемте со мной.

– Что случилось? – встревожился охотник. – Что-то серьезное?

– Можно сказать и так, – медленно произнес гибберлинг, окидывая неожиданно суровым взглядом своих веселящихся сородичей. – Мы скоро пойдем на совет. Мне нужно объяснить вам пару вещей, прежде чем мы покинем борт «Бесстрашного».

– Эрик? – эльф с легкой тревогой обернулся к другу. – Что-то изменилось?

– Немного, – отозвался тот. – Пойдем в каюту. Пожалуйста. Прямо сейчас.

Гордей с сожалением оглянулся на деревянный остров из кораблей гибберлингов и весьма неохотно последовал за Эриком к лестнице, ведущей в глубины «Бесстрашного». Ему не хотелось уходить, и если бы не просьба Эрика, он ни за что бы не пропустил такое небывалое зрелище. Но Гордей, вопреки опасениям Винсента, помнил, что он всего лишь гость на этом корабле. И потому без возражений отправился следом за мрачным гибберлингом.

Разговор обещал быть не слишком приятным.

9

Совет гибберлингов начался не сразу. Половину обычного дня – по ощущениям Гордея – мохнатый народ дожидался своих задержавшихся сородичей. Строго говоря, Сиг Быстрых последним привел свой корабль на Совет, можно сказать – опоздал. И все же Совет решил подождать еще несколько часов, прежде чем начинать заседание, дав возможность пообщаться корабельным командам – узнать последние новости и перемыть косточки сородичам.

Тем не менее где-то после весьма условного полудня по внутренним часам охотника над деревянным островом взвилась зеленая вспышка, напоминающая магический сгусток огня. Увидев этот сигнал, гибберлинги сразу, как по команде, оставили веселье и приняли весьма серьезный и сосредоточенный вид. Вся команда построилась на борту, у мостика, ведущего на соседний корабль – отсутствовала лишь пара семеек, которым выпало присматривать за «Бесстрашным». Возглавлял шествие Сиг Быстрых с братьями, Эрик держался рядом с ним. Винсент и Гордей держались в самой середине толпы гибберлингов. Конечно, им не грозило затеряться среди команды «Бесстрашного», в которой самая высокая семейка едва доставала Гордею до пояса. И все же их место было обговорено заранее – гостям следовало держаться вместе и среди знакомых. Гости не протестовали.

Гордей стоял прямо и смотрел перед собой, затаив дыхание, разглядывая лес из мачт, возвышавшийся над рукотворным островом. Он выдержал целый час лекций Эрика, наставлявшего гостей, как им следует вести себя на Совете. Винсент, уже бывавший на сборищах гибберлингов, без подсказок понимал тонкие детали общения, а вот Гордею наука вежливого поведения гибберлингов давалась нелегко. В конце концов, когда у молодого охотника, честно пытавшегося запомнить все ритуалы и вежливые обращения, разболелась голова, Эрик отступился. Махнув лапой, он сердито пробурчал нечто вроде «ни с кем не говори и не лезь куда не просят» – и отбыл готовиться к Совету.

Сейчас он стоял рядом с капитаном и тихо переговаривался с членами его семейки. Винсент объяснил Гордею, что гибберлинги составляют план – как убедить Совет в своей правоте, и им сейчас не до развлечения гостей. В провожатые к дылдам, вместо Эрика, записались Эрл-ремонтник и Тон-лекарь с семейкой. Гордей этому только обрадовался – за короткое время он успел сдружиться с печальным Эрлом, потерявшим одного из своих

братьев, и даже привыкнуть к флегматичному и мрачноватому Тону. Поблизости толклись и другие знакомые гибберлинги, но их имен молодой охотник еще не успел запомнить. Кажется – вот стоит Тир-ремонтник… А вот и нет – это Торк, его братец. Семейное сходство сбивало Гордея с толку, но все же он научился отличать членов одной семейки от другой, и это весьма помогало в общении.

Толпа гибберлингов вдруг разом встрепенулась, словно услышала какой-то сигнал. Сиг Быстрых торжественно поднял руку и вступил на деревянные мостки, перекинутые на борт другого корабля. Толпа пришла в движение – команда последовала за своим капитаном, и Гордей понял, что пора выступать. Он покосился на эльфа, но тот не обращал внимания на соседа – он зачарованно смотрел вдаль, на мачты кораблей, и едва заметно шевелил губами, видимо, складывая очередную строку своей баллады. Пожав плечами, Гордей двинулся следом за Эрлом, медленно продвигающимся к борту корабля.

Проходя по деревянным мосткам, перекинутым через бездну, молодой охотник не удержался и глянул вниз, хотя Эрик строго запретил ему это делать. Там, внизу, раскинулась синяя бездна, украшенная искорками звезд. Она сияла и плыла, плыла куда-то вниз и вбок, в сторону зеленой дымки, проглядывающей сквозь фиолетовые облака… Усмехнувшись, Гордей отвел взгляд от пропасти и загашал дальше. Голова у него, вопреки опасениям Эрика, не закружилась. Он не боялся высоты и никогда не упускал возможности глянуть на лес сверху, с макушки самой высокой сосны.

Бездна под ногами, конечно, произвела на Гордея сильное впечатление – она была красива и притягательна. Но самые настоящие чудеса начались после того, как он взошел на борт соседнего корабля.

За время путешествия молодой охотник привык к «Бесстрашному», и больше не удивлялся его размерам. Но этот корабль, второй, был действительно велик. На его палубе можно было построить дом! И не лесную хижину, а настоящий домик с палисадником. Палуба, натертая до блеска, была из белого дерева, борта украшены ловко сплетенными канатами, две мачты уходили ввысь как деревья, а их оснастка казалась настоящей кроной леса. И все это было украшено едва тлеющими разноцветными огоньками.

Чуть приоткрыв рот, Гордей, позабыв все наставления, озирался по сторонам, впитывая новые впечатления, как сухая губка воду. Насладится ими он не успел – отряд с «Бесстрашного» миновал палубу чужого корабля и по мосткам перебрался на

соседний корабль. Тут Гордей и вовсе потерял дар речи.

Соседний корабль был больше похож на бревно, в котором кто-то прогрыз ходы и лабиринты. Палубы как таковой не было – гибберлинги шли прямо сквозь постройки, переходя из одной комнаты в другую и петляя в лабиринтах из черных стен. Гордей, крутивший головой, внезапно понял, что если бы явился сюда в одиночку, то непременно заблудился бы в хитросплетении маленьких комнат. Может, так и было задумано? Чтобы чужаки не шлялись?

Разглядывая деревянные двери со странными круглыми узорами, Гордей немного замешкался и очнулся от наваждения только тогда, когда Эрл взял его за руку и потянул за собой. Едва переставляя ноги, молодой охотник последовал за своим новым другом, и они быстро прошли корабль насквозь. А там Гордея поджидал новый удар.

Следующее судно оказалось воздушным, словно игрушечным, сотканным, казалось, из одних прозрачных парусов. Тонкая резьба на бортах, прозрачные крылья, уложенные на палубу, паруса, сделанные словно из прозрачнейших стружек… Над ним, несомненно, трудился целый полк искуснейших резчиков по дереву, не забывая вставлять цветные камни в белое и темное дерево.

Дальнейший путь Гордей проделал в полном ошеломлении, уже плохо понимая, что он видит перед собой. Чудеса гибберлингских кораблей слились для него в один большой поток. Крылья, палубы, мачты, гибберлинги в разноцветных блистающих одеждах – все смешалось в разноцветный ком.

Очнулся молодой охотник только перед последним кораблем, на котором и должен был состояться совет гибберлингов. О том, что это тот самый корабль Гордей догадался без подсказок – лишь только увидел его. Он отличался от других, и не узнать его было невозможно. Он был круглым – по-настоящему круглым, как блюдце. И напоминал настоящий остров, плывущий в астрале и несущий на себе десятки домов и мачт. Он был застроен практически полностью – в центре высокий блестящий купол, а от него кольцами отходят домишки с крохотными окошками. И именно к этому кораблю и причаливали суда гибберлингов, казавшиеся крохотными лодочками по сравнению с этим островом.

Как следует осмотреться Гордею не дали – ступив на борт острова, команда «Бесстрашного» заторопилась, гибберлинги подтянулись: и весьма бодро пошли по широкому коридору, ведущему внутрь корабельных построек. Гордею, легко выдерживающему быстрый шаг гибберлингов, удалось

рассмотреть только то, что открывалось прямо перед ним, а именно – прямой большой коридор, больше напоминавший улицу с крышей, да окошки в стенах, подозрительно напоминавшие бойницы. Судя по всему, эта улица внутри корабля-острова была сделана только для одного – для прохода толпы гибберлингов, спешащих на Совет.

Когда впереди забрезжили огни, очнувшийся от грез Винсент неожиданно оказался совсем рядом с другом и шепнул ему прямо на ухо:

– Начинается. Помни об уговоре.

Гордей, помрачнев, кивнул и, выполняя обещание, накинул на голову капюшон, скрывший его лицо. Эльф последовал его примеру, и оба превратились в безымянных дылд с закрытыми лицами.

Капюшоны, оказывается, им заранее сшили гибберлинги, но приторочили их к одежде только перед самым советом. Эрик уверял, что это простая формальность, но ее нужно выполнить – на совете чужаки не должны показывать лицо, делая вид, что их на самом деле тут как бы и нет. И откинуть капюшон можно было только по требованию старейшины. Винсент, наблюдая за тем, как его легкий и сохранивший остатки шика сюртук превращается в нечто неописуемое с капюшоном, чуть не воспламенился от злости. Гордей отнесся к этому спокойнее – его изуродованной куртке уже ничто не могло повредить. Рукавов нет, карманы потерты, полы в дырах, ну пусть еще и капюшон будет.

Он и теперь об этом не жалел. Думал лишь об одном: все это поможет ему увидеть, наверное, самое тайное сборище на свете! Уж самое необычное – это точно. Маленькая пушистая раса собирается на совет на борту рукодельного острова, затерянного в глубинах астрала. Рассказать кому в деревне – так на смех поднимут.

Усмехнувшись, Гордей чуть наклонил голову, протискиваясь в большие – для гибберлингов – двери, которыми заканчивался коридор и вошел в зал Совета.

На этот раз он не застыл на месте. Просто машинально сделал пару шагов в сторону, освобождая проход остальным гибберлингам с Бесстрашного, и лишь тогда замер, пытаясь охватить одним взглядом все великолепие, открывшееся ему в зале Совета.

Тот купол, что он видел снаружи, оказался пустым. Он прикрывал собой огромную площадку, на которой могла уместиться целиком главная площадь Новограда. А в ее центре росло дерево – настоящее живое дерево, неизвестно как обходившееся без солнечного света. Именно оно поразило Гордея

до глубины души. Он, с детства ходивший по всем окрестным лесам, прекрасно понимал, как сложно в таких условиях вырастить и сохранить настоящее дерево. Большое, размером с вековой дуб – но не дуб, это точно, – живое, с золотистой тонкой корой, густой кроной зеленых листьев, казавшихся в полутьме черными. В конце концов Гордей решил, что здесь не обошлось без колдовства, и отвел взгляд, рассматривая зал.

Света тут было маловато – большие желтые кристаллы, прикрепленные к куполу, светили довольно тускло, и в зале царила полутьма. Хорошо освещена была только площадка вокруг дерева, а окраины утопали в темноте. Именно поэтому молодой охотник прежде всего заметил круг больших деревянных кресел, установленных вокруг дерева, а потом уже заметил гибберлингов, толпящихся за спинками. Площадь была забита гибберлингами, возившимися и громко перешептывающимися в полутьме. Никаких скамеек или кресел тут не было, и всем приходилось стоять. Команда «Бесстрашного», прибывшая в числе последних, разумеется, осталась на краю, почти у самого выхода. Лишь семейка Сига Быстрых и Эрик пошли вперед, к кругу из деревянных кресел.

Едва команда разместилась в полутьме, у стен, Гордей и Винсент, как и было условленно, тут же уселись на пол, чтобы не торчать из моря гибберлингов подобно жердям. Видно стало хуже, и Гордей поднялся на колени, став лишь чуточку выше обычного гибберлинга. Винсент последовал его примеру, и друзья замерли, напряженно всматриваясь в толпу, над которой висел протяжный гул от сотен голосов.

Светильники над креслами вспыхнули ярче, и Гордей затаил дыхание – как и сотни собравшихся в зале гибберлингов. В зале сразу наступила тишина. Было слышно только, как шепчутся старосты, выходя к своим креслам.

Их было девять – девять семеек, все полные, по три персоны. В том, что это старосты, у Гордея не было никакого сомнения, все гибберлинги, занявшие кресла, носили бороды до пола и были почти абсолютно белыми от седины. Каждый из них представлял свою общину, был голосом иногда десятков, а может, и сотен гибберлингов. И хотя Эрик заранее предупредил его о том, что будет происходить, Гордей вздрогнул, когда над залом внезапно повис тяжелый гул.

Сотни голосов, произносящих одновременно одни и те же тяжелые фразы, слились в одну вибрирующую ноту, давящую на уши и заставляющую прижиматься к земле. Гордей не мог разобраться слова, только слышал, как повторяется знакомое «Иса», и понял, что гибберлинги перед советом взывают к памяти

предков и к давно потерянной родине. Эрик рассказывал о том, что дерево в центре зала совета символизирует собой Великое Древо, росшее когда-то на Исе. Это место, на границе льда и пламени, было святым для всех гибберлингов. Именно под ним молодежь проходила обряд посвящения, официально переходя во взрослую жизнь. Но Иса была потеряна, как и Великое Древо. И с тех пор, строго говоря, гибберлинги, не прошедшие обряд посвящения у святого Великого Древа, не могли считаться взрослыми. Эрик предупреждал, что это очень больной вопрос, и просил ни в коем случае не касаться его. Это вопрос веры гибберлингов, и лучшее, что могут сделать эльфы и люди, – вовсе не вмешиваться в разговоры, касающиеся Исы, Великого Древа и Поиска.

Гордей и не собирался, честно говоря. Он хотел лишь послушать, о чем будут говорить старосты, а особенно о том, что они будут говорить о Кании. Эрик взял с него обещание: что бы ни говорили о Кании и канийцах, Гордей должен молчать. Даже если будут говорить плохое, оскорблять людей – молчать. Долго и настойчиво Эрик вколачивал в голову молодого охотника идею о том, что многие из тех, кто скажет плохие слова, на самом деле так не думают. Они просто хотят оказать давление на своих противников, разрушить их замыслы, переманить на свою сторону новых сторонников. И что большинство разговоров тут могут быть лживы, и все знают об этом. Это как игра, все понарошку. Эрик называл это политикой, и Винсент одобрительно кивал головой, явно понимая, о чем идет речь. А вот у Гордея в голове не укладывалось, как такое может быть и кто по доброй воле будет разбираться в этом коме лжи и полуправды.

Последнее слово, произнесенное хором гибберлингов, было, конечно, «Иса». Продолжения не последовало, и над залом снова нависла тишина, приобретшая оттенок тревожного ожидания. Гордей очнулся от воспоминаний и приободрился, зная, что сейчас последует. И он не ошибся.

Один из девяти старейших семеек – тот, что сидел спиной к Гордею, – поднялся, сделал пару шагов к дереву и остановился, опираясь на короткую суковатую палку. Охотник догадался, что это старейшина – самый уважаемый из старост общин, которому доверили распоряжаться на совете, вести его и принимать решения.

– Откроем же совет, – возвестил старец неожиданно ясным и сильным голосом. – Посольство Кании, выйдите в круг.

Гордей, приготовившийся обратиться в слух, был удивлен. Голос старца был прекрасно слышен, он волной разносился по залу, и каждое слово можно было спокойно разобрать. Было в

этом виновно колдовство или особая конструкция зала, охотник не знал, но зато перестал беспокоиться о том, что пропустит что-то интересное.

Из толпы гибберлингов, стоявших за спинками деревянных кресел, вперед, в ярко освещенный круг у дерева, выбрались девять мрачных гибберлингов. Три тройки – сообразил Гордей. Выглядели они вполне солидно: строгие зеленые кафтаны, причесанные бороды, вязаные шапочки на головах. У одного даже был прицеплен к поясу меч, а еще у парочки в руках были длинные деревянные посохи.

– Расскажите о последних днях в Новограде, – повелел старейшина и тут же без промедления забрался обратно на свой деревянный трон, словно устал стоять.

Посольские гибберлинги, ничуть не напоминавшие веселых и жизнерадостных матросов «Бесстрашного», коротко пошептались, и вперед выступил один из тех, кто сжимал в руке посох.

– Мое почтение совету, старостам и старейшине, – громко заявил он. – Я Тир Ловких. Вот рассказ о нашем последнем посольстве в Новоград.

Рассказ не занял много времени – вопреки опасениям Гордея, гибберлинги не толкли воду в ступе, предпочитая сразу, без околичностей, переходить к делу. Тир быстро рассказал всему залу о том, что он и его друзья отправились, как оказалось, не в первый раз, в Новоград, чтобы завязать знакомство с правителями Кании. Тир признал, что встретили их неплохо, но без особого празднества. Гости – да, послы державы – нет. Общались они, оказывается, со старостой Новограда, пытаясь узнать, чем может торговать Новоград и что у них есть особо ценного для гибберлингов. Переговоры, судя по словам Тира, шли так себе. Канийцы не были особенно заинтересованы в торговле с гибберлингами, явно считая, что малышам нечего предложить Кании. Тир допускал, что это была уловка, но дальнейшие события показали, что канийцы вообще не очень-то любят гибберлингов.

В этом месте Гордей удержался от возмущенного окрика лишь благодаря обещанию, данному Эрику. Он, конечно, не знал, как именно обращались с послами, но точно знал, что большинство канийцев вообще не подозревают о существовании гибберлингов.

Тир продолжил рассказ. Он поведал совету историю о нападении на посольство и о драке на улице Новограда. Из его рассказа получалось так, что гибберлинги противостояли чуть ли не всему городу, а не паре пьяных дураков. Гордей скрежетал зубами, но заставлял себя молчать. В конце концов, он

действительно не видел драку своими глазами. Но на его взгляд седобородый слишком уж перегибал палку.

Старикан тем временем продолжил рассказ под возмущенный гул зала. Каким-то образом он забыл упомянуть о том, что один из людей после драки умер. Зато не забыл рассказать о том, что после драки вокруг гибберлингов стали постоянно появляться стражники. О том, что это охрана, а не тюремщики, он тоже не стал рассказывать. По словам Тира выходило, что канийцы злые, жадные, глупые и не любят гибберлингов. Переговоры были свернуты, старейшина Новограда больше к ним не являлся, а когда посольство собралось вернуться на корабль, болтавшийся в астрале неподалеку от Новограда, двое из посольства пропали. Тогда оставшиеся решили, что ждать больше нечего, и бежали из Новограда прямо посреди ночи.

– Кто пропал-то? – прокряхтел один из старцев со своего кресла. – Вроде все туточки.

Смешавшись, Тир признал, что пропал сопровождавший их эльф и беспокойный ущербный Резак.

– Вы там эльфа бросили? – крикнул со своего кресла старейшина. – Грандера? Ополоумели, что ли?

Тир забормотал какие-то оправдания, что, дескать, была угроза жизни посольским, а эльфа постоянно сбивал с прямой дорожки смутьян и полоумный Эрик Резак.

Из зала донесся дружный гул, из которого Гордей понял, что большинство не одобряет послов, бросивших дружественного эльфа на произвол судьбы. А вот психованному Резаку, баламутившему народ, – туда и дорога.

– Тихо, – воскликнул старейшина, поднимая над головой суковатую палку. – Так чем дело кончилось? Что скажете, послы?

– Нас оскорбили, на нас напали и вынудили бежать, – важно ответил Тир под одобрительные кивки остальных послов. – Двоих из посольства, скорее всего, убили, и кем они были, не важно. С Канией дела вести нельзя, да.

– Чепуха! – раздался громкий крик из зала, и море гибберлингов взволновалось, когда все одновременно повернулись посмотреть – кто это там кричит.

Ближайшие к площадке гибберлинги расступились, и в круг света вышел Эрик Резак. Он шел ровно, прямо, задрав голову, и, казалось, даже стал выше ростом. Большие пальцы он заложил за пояс и с усмешкой глянул на примолкших послов.

– Чепуха! – громко повторил он. – Вы просто трусы, глупцы и слепцы. Вас обвели вокруг пальца, а с Канией дело иметь можно и нужно!

– Резак! – Старейшина потряс палкой. – Опять ты лезешь куда

не просят!

– Меня помянули, вот и я, – твердо отозвался Эрик, поворачиваясь к старику. – Моей почтение, старейшина.

Старикан пожевал губами, покосился на других старост, восседавших в креслах. Он явно не испытывал особой радости от появления Эрика, но вместе с тем на его лице читалось облегчение: пропавший гибберлинг нашелся.

– Погодите, – буркнул староста из другого кресла. – А эльф-то где? Бард вроде, где он?

Старейшина вопросительно глянул на Эрика, и тот махнул рукой в сторону притихшего зала.

– Винсент из семейки Грандер здесь, – объявил он. – Коли охота, совет может его расспросить.

– Ну, слава Древу, – буркнул старейшина под одобрительный гул зала. – Хоть все целы.

– Эй, – подал голос примолкший было посол Тир. – Опять Резак воду баламутит! Зачем на совет влез? Не звали тебя.

– Не было сил терпеть твое вранье, Тир, – прямо отозвался Эрик. – Старейшина, дозволь мне рассказать, как на самом деле все было!

– Ты, Резак, надоел уже всем хуже горькой редьки, – отозвался старикан, сидящий довольно далеко от старейшины. – Уж уцелел, так займись чем полезным, хватит народ баламутить.

– А я послушаю, – гаркнул другой староста, в чьей седой бороде еще оставалось довольно много черных волос. – Куда они девались-то в ту ночь, когда наши храбрецы дали деру от канийцев?

Остальные старосты одобрительно загудели – мол, и они хотят послушать, что там такого стряслось. Зал тоже загудел и примолк, когда старейшина вскинул палку, призывая всех к тишине.

– Ну, добро, – сказал он. – Давай, Резак, рассказывай, если невтерпеж. Остальным молчать! Молчать, я сказал! Тихо, скаженные!

Эрик, все так же держа руки у пояса, подбоченился и начал свой рассказ. Гордей слушай вполуха – эту историю он уже знал, и потому тихонько оглядывался по сторонам, разглядывая гибберлингов, шепчущихся в темноте огромного зала. Большинство, затаив дыхание, слушали рассказ Эрика, но были и такие, что тихонько бурчали, недовольные вмешательством полоумного одиночки.

Тем временем Эрик рассказал о том, что приняли их действительно не слишком дружелюбно, но обвинил в том послов. Дескать, держались они заносчиво, к знакам внимания

канийцев были равнодушны, да и вообще вели себя так, словно давно уже все про себя решили, а переговоры – пустая формальность. Когда Эрик упомянул, что гибберлинги уже высаживались на берегах Кании, Гордей насторожился. Этой истории он не слыхал. Но, к его сожалению, Эрик лишь мимоходом упомянул этот эпизод, сославшись на то, что и тогда отношения не сложились, но нельзя вечно жить прошлым. Только теперь Гордей начал кое-что понимать. Выходит, гибберлинги и канийцы уже встречались, но так и не нашли общего языка. Видно, с тех пор и легла между ними легкая прохладца. Ничего удивительного, что в Новограде послов встретили не слишком радушно.

Зал тем временем взволновался – Эрик добрался до эпизода с дракой на улице. Он рассказал его так, как видел: как пара оборванцев, накачавшихся хмельным, стали дразнить мохнатых чудиков. И что из этого вышло. А вышло то, что гибберлинги убили одного из людей, а вовсе не наоборот. Эрик, под дружный гул зала, заявил, что если бы послы были сдержанней – а особенно сам Тир и его дружок Вага, чья семейка и убила канийца, то дело могло пойти иначе. А уж после убийства местного и речи быть не могло об успешных переговорах.

Тир пытался прервать Эрика, пару раз, кипя от гнева и хватаясь пятерней за бороду, выкрикивал проклятья, но всякий раз его осаживал старейшина, следящий за порядком на вече. Хотя многие гибберлинги недолюбливали Эрика, считали его чокнутым и чрезмерно буйным, но слушали его речи завороженно. Гордей отметил, что Резак и впрямь говорит четко и уверенно, словно заранее приготовил свою речь и выучил ее наизусть. Может, так оно и было.

Эрик тем временем добрался до того места, где они с Винсентом заподозрили, что хадаганские агенты пытаются сорвать переговоры. Тут уж старейшине пришлось пару раз вскакивать со своего трона и махать палкой над головой, утихомиривая толпу. Зал разделился – одним история пришлась по вкусу, другие, надсаживаясь, орали, что Эрик опять хочет свалить все на хадаганцев по своему обычаю, и это уже смешно.

Когда зал более-менее затих, Эрик продолжил свой рассказ – поведал сородичам о том, как они с эльфом отправились искать пострадавших в драке людей и были похищены. Скупыми, но сильными словами Резак описал, как их с Винсентом запихали в мешки и потащили прочь. Он также не стал скрывать своих предположений о том, что похитители собирались использовать их, чтобы подставить канийцев. Эрик был абсолютно уверен, что их с эльфом должны были убить, а дело представить так, словно

это новоградцы отомстили гибберлингам за убийство горожанина.

Тут зал уже не выдержал – заорали дружно все. Маленькие гибберлинги даже подпрыгивали на месте, чтобы выкрикнуть свое мнение над головой товарищей, словно это могло сделать их слова убедительней. Даже старосты не остались в стороне – пара семеек вдрызг разругалась, и дело чуть не дошло до драки. Оружия ни у кого на совете не было, и это было, как понял Гордей, весьма предусмотрительно.

Старейшина и его семейка приложили массу усилий, чтобы восстановить порядок. Парочку старост он даже приложил свои посохом, когда те начали цеплять друг другу за бороду. Невозмутимым оставался только Эрик – он так и стоял в центре, как памятник самому себе, бесстрастно взирая на волнения в зале. Когда старейшина велел ему продолжать, Резак просто и спокойно начал рассказывать дальше, словно его никто и не прерывал.

Он рассказал, что их затащили в лес, и тогда Винсент попытался бежать. Когда его попытка провалилась, на помощь неожиданно пришел молодой каниец, проходивший мимо, и помог пленникам освободиться. Все вместе они бежали в лес.

Гордей невольно усмехнулся. Гладкая и размеренная речь Эрика ничуть не походила на то, что происходило в реальности. В рассказе Гордей представал могучим воином, героем, спешащим на помощь слабым и нуждающимся. Там не было ни слова о его страхах, ошибках и растерянности. Все, что рассказывал Резак, было так красиво и увлекательно, что Гордей невольно заслушался, прикидывая, а насколько правдивы те истории о героях, которые он так любил слушать в детстве?

К этому времени Эрик добрался до первого сражения. Он не стал расписывать все в подробностях, ограничился лишь общими фразами, но из зала раздалась пара протестующих криков – гибберлинги не меньше других любили истории про героев и сражения. Старейшина и то, кажется, заслушался, одобрительно кивая в такт емким и веским фразам рассказчика. Эрик добавил несколько красочных подробностей, упомянул стрельбу лучников, и зал одобрительно загудел.

Эрик, не давая аудитории опомниться, быстро рассказал о том, что каниец сходил в город и узнал, что посольство покинуло Новоград ночью – отправившись прямо на край обрыва, где их ожидал притаившийся корабль посольства. В зале снова поднялся гул – гибберлинги явно не одобряли бегства послов, бросивших в беде своего сородича, пусть и такого беспокойного, как полоумный Резак.

Старейшина снова гаркнул, пытаясь утихомирить гибберлингов, и на этот раз подействовало. Зал притих, а Эрик продолжил рассказ. Он в красках описал последний бой на краю пропасти, когда трое странников вступили в безнадежное сражение с превосходящими силами противника. Гордей уже знал, в чем тут дело, и сразу заметил, что Эрик как-то мимоходом забыл упомянуть, что он сам, пока охотник ходил в город, подал сигнал «Бесстрашному», плавающему в астрале недалеко от берегов Новограда. Гордей уже успел расспросить Сига Быстрых об этом и знал, что капитан по договоренности с Эриком на всякий случай кружил неподалеку от Новограда. Сигнал – зеленую вспышку света – команда заметила сразу, но подойти быстро к берегу не смогла – Сиг не знал, где именно будет подан сигнал, и «Бесстрашный» оказался слишком далеко.

Эрик, судя по всему, забыл упомянуть об этом сигнале специально, и не прогадал. Спасители в лице Сига Быстрых, явившиеся в последний момент, доставили массу восторга гибберлингам. Услышав о спасении героев в последний момент, весь зал радостно завопил, прославляя капитана «Бесстрашного». Взбешенный старейшина, перегнувшись через спинку своего трона, снова пустил в ход свой посох, отчаянно колотя по головам тех гибберлингов, до которых мог дотянуться. Остальные старосты поддержали усилия своего лидера, и в зале вновь установилась тишина.

– Так, значит, все спаслись, – тяжело отдуваясь, выдохнул старейшина, опускаясь обратно на свой трон. – Что за притча! Погоди! Так вы притащили на совет окромя эльфа еще и канийца?

Зал затаил дыхание, предчувствуя новый виток скандала.

– Ну не бросать же его там, – немного развязно ответил Эрик. – Дылда-герой сражался рядом с нами, помогал, чем мог. Хороший человек.

– Может, и хороший, – протянул старейшина, зыр-кая по сторонам в поисках означенного дылды. – Да только непорядок это.

– Кроме того, по дороге на совет нам пришлось сразиться с астральным демоном, – как бы между прочим ввернул Эрик. – И каниец всех нас спас.

По первым рядам зала прошел сладостный вздох – гибберлинги предвкушали еще одну геройскую историю, да еще какую – про сражение с демоном.

– Хватит! – внезапно рявкнул Тир, выходя вперед и становясь напротив Эрика. – Хватит этих сказочек!

Братья Тира придвинулись к нему, поддерживая родича, да и остальные послы подошли ближе, и веселыми они вовсе не

выглядели.

– Ты опять превращаешь совет в балаган, Резак, – сердито сказал Тир, тряся бородой, заплетенной косичками. – Мы зачем здесь собрались? Твои сказки слушать? Нет! Мы решаем, что делать с Канией! Старейшина, хватит слушать эту чушь!

В зале недовольно загудели гибберлинги, лишившиеся истории о сражении с астральным демоном, но старейшина нахмурился. Двое старост, сидевшие дальше всех от него, поднялись с мест и подошли ближе – все семейки. Старейшина тоже встал, перекинулся парой слов с обитателями соседнего трона. В зале тем временем нарастал недовольный гул. Он становился все громче, пока староста снова не рявкнул.

– Хватит! Хватит! – прокричал он, возвращаясь на свое место. – Дело есть дело! Все верно, байки потом будем рассказывать, после совета.

Зал немного успокоился, а Гордей, скосив глаза, заметил, что вся команда «Бесстрашного» как сидела спокойно, так и сидит. Внезапно охотнику пришла в голову мысль, что все эти гибберлинги, окружившие его и Винсента плотным кольцом, не просто слушают речи Эрика. Нет, они хранят спокойствие, немного настороже и, похоже, готовы к любой неприятности. Они ведь охраняют своих гостей! Это не просто почетный караул, это охрана!

От такого открытия у Гордея закружилась голова. Он снова оглянулся по сторонам, но уже с опаской, прикидывая, какие неприятности могут явиться к нему из этого темного зала. Совершенно ясно, что далеко не все гибберлинги будут рады присутствию на совете человека – тем более канийца. Если случится беда, пойдут ли гибберлинги с «Бесстрашного» против своих сородичей, защищая чужаков?

– Эрик Резак, – громогласно возвестил старейшина. – Так какое твое будет слово? К чему ты рассказал нам все это?

– К тому, старейшина и уважаемый совет, что хадаганцы нарочно нас ссорят с Канией. Не хотят нашего союза. И в драке, и в холодности канийцев виноваты хадаганцы. В подтверждение сего я и затеял свой рассказ.

– Ерунда, – воскликнул Тир, шагая вперед. – Да с чего ты взял, что это хадаганцы?

– Драчунам заплатили денег, – веско уронил Эрик. – Кому еще это было выгодно – рассорить нас?

– Да самим новоградцам, которые хотели поскорее от нас избавиться! – воскликнул Тир.

– Похищение, – веско напомнил Резак. – Нас с эльфом похитили…

– Те же самые канийцы, – рявкнул Тир. – Тупые дылды хотели за вас выкуп взять! Так вам и надо, нечего в одиночку шататься по дурным местам!

– Да, там были канийцы, – не стал отпираться Эрик. – Наемники, местные, которых наняли за деньги. Но командовали ими хадаганцы, двое в плащах. Я видел их своими глазами.

– Да с чего ты взял что это хадаганцы!

– Они смуглы, как все южане, и говорили с акцентом, – невозмутимо отозвался Эрик. – Я уверен в этом.

– А я уверен, что ты кусок…

– Хватит! – рявкнул старейшина, поднимая посох. – Уймись, Тир! Помолчи немного, ты уже свое слово сказал. Резак, это все?

– Все, – спокойно сказал Эрик, отступая на шаг. – Если совет захочет меня расспросить, я готов ответить.

– Так. – Старейшина насупил седые брови, почти полностью прикрывавшие круглые черные глаза, отчего сделался совершенно похож на лохматого медвежонка. – Я вижу там, за твоей спиной, вроде Сиг Быстрых стоит, а?

Капитан «Бесстрашного» вместе с братьями сделали шаг вперед, выбираясь из толпы на открытое место около кресла старейшины.

– Так и есть, – буркнул тот. – Ну, Сиг Быстрых, что скажешь ты? Правдив ли рассказ Резака?

– Я и половины не видел, – признался капитан «Бесстрашного». – Знаю только, что, перед тем как пойти с послами в Новоград, Резак попросил меня подежурить у Новограда. Так, чтобы не попадаться на глаза канийцам. Ну, мы и болтались там. Пришли на помощь Резаку, разогнали выстрелами большой вооруженный отряд с магом, взяли на борт троих и отправились на совет.

Из зала кто-то заорал, требуя истории про демона, но Сиг и ухом не повел – смотрел он только на старейшину и был совершенно спокоен.

– Ладно, – буркнул седой гибберлинг. – Все слыхали Сига Быстрых? Ага. Ну, ступай пока. Где там эльф? Позовите его. И человека зовите, пусть сюда идут!

Гордей почувствовал, как маленький кулачок Тона-лекаря толкнулся ему в спину. Как и было условлено, он без промедления встал и, как и Винсент, тихонько двинулся вперед, к освещенной площадке. Перед ним шли десяток гибберлингов с «Бесстрашного», расталкивая своих сородичей и освобождая путь гостям. Возглавлял процессию Эрл-ремонтник, а замыкал Тон.

У самого края толпы гибберлинги разошлись в стороны, и Гордей с Винсентом в одиночестве выступили на освещенное

место, остановившись под суровым взглядом старейшины.

– Покажитесь, – потребовал он, хмуря седые брови.

Человек и эльф одновременно откинули свои нелепые капюшоны, открывая лица совету гибберлингов. Предупрежденные Эриком, они оба молчали.

– Так, – протянул старейшина, тыча посохом в сторону эльфа. – Тебя я знаю, Винсент из дома Грандер. Странно, что здесь ты, а не твой брат, но пусть так. Что скажешь, эльф, о своем визите в Новоград?

– Я подтверждаю все, что говорил Эрик Резак, – ясным и твердым голосом ответил Винсент. – Все было именно так, как он рассказал, и в том даю я слово дома Грандер.

Старейшина удивленно вскинул брови, явно ожидая продолжения, но эльф умолк, спокойно глядя в лицо старого гибберлинга. Тот пошамкал узкими бесцветными губами, пошевелил бородой и, не дождавшись продолжения рассказа, сердито засопел.

– Ладно, – изрек он наконец, – оно и к лучшему. Меньше болтовни, больше дела. Я понял твои слова, эльф.

Обернувшись к Гордею, гибберлинг пронзил его испытывающим взором, но охотник не дрогнул – смело встретил взгляд почтенного старца. Может, по гибберлинским меркам этот взгляд и внушал страх, но по меркам самого Гордея он был не страшнее взгляда престарелой собачки, выпрашивающей очередную косточку.

– Каниец, значит, – буркнул старейшина. – Назовись.

– Гордей из семьи Ветровых, – спокойно произнес Гордей. – Из рода охотников, с деревни Травушки.

– Как ты попал в эту историю, каниец? – строго спросил старейшина.

Гордей, памятуя о наставлениях Эрика, постарался отвечать как можно короче и яснее.

– Шел в Новоград, – ответил он. – Увидел пленников. Увидел, как бьют одного из них, связанного. Решил помочь.

– Помочь. – Старейшина снова нахмурился. – Ты воин?

– Охотник, добываю зверя, – ответил Гордей.

– А по виду и не скажешь, – бросил старейшина. – Хлипковат ты.

– Я молод, – спокойно отозвался Гордей. – По меркам нашего рода я только вступил во взрослую жизнь.

– О! Молодость! – подал голос староста из соседнего кресла. – Молодость и приключения, вот помню я те времена, когда…

Старейшина грозно зыркнул в сторону говорливого старца, и тот затих под свирепым взором.

– Не воин, хлипковат, молод, так чего ж ты в драку полез?

– Ну не бросать же их в лесу, – не удержался Гордей, вернув Эрику его собственную фразу, тут же оцененную, судя по смешкам в зале, другими гибберлингами. – А полез, потому что не люблю, когда слабых бьют. Отец учил меня помогать слабым.

– Отец учил, – буркнул гибберлинг из соседнего кресла. – Люди-человеки.

– Ладно, – закряхтел старейшина. – Этак мы тут до завтра просидим. Ну, человек Гордей, что скажешь о рассказе Эрика Резака? Каково твое слово?

– Все правильно рассказано, – твердо отозвался Гордей. – Добавить мне нечего.

– А хадаганцы? – подал голос один из старост. – Что, тоже хадаганских шпионов видал?

– Видал людей я странных, – отозвался Гордей. – Смуглых и говорящих странно. Командовали они бандитами. Не канийцы они точно, а хадаганцы они или нет, мне то неведомо.

– Зато мне ведомо! – раздался гулкий голос, и в круг света с другой стороны вышла странная семейка.

Первый из них ростом был выше прочих – до локтя Гордея. Остальные, может, чуть меньше, но все одно рослые по гибберлингской мерке. Выглядели они одинаково: черный мех, густая шерсть на лицах, похожих на собачьи – нет, на волчьи – морды. Одеты в кожаные жилеты с заклепками, на головах – кожаные шлемы. Оружия на широких поясах не было, но Гордей с первого взгляда опознал в них настоящих воинов гибберлингского рода. Он знал из рассказов Эрика, что тут их кличут Вояками. Это они составляют войско гибберлингов, они охраняют своих собратьев и первыми пускаются в бой.

– Не звали мы тебя, Глок Ползунов, – сердито произнес старейшина. – Почто в круг вылез незванный?

– Не могу молчать, когда вижу неправду да ущерб для дела, – рявкнул громила. – Все, что нес тут этот полоумный и ущербный Резак, – ложь и напраслина! Хадаган нам друг, в отличие от заносчивой Кании. Империя предлагает нам союз и свою помощь. И Хадаган готов помочь нам в поисках Исы!

Гордей невольно глянул в сторону Эрика. Тот потерял свою невозмутимость – хоть и стоял по-прежнему ровно, но сжал лапы в кулаки и не отрывал злого взгляда от вновь прибывшего. У него даже шерсть на плечах и затылке встала дыбом – как у кота перед дракой. Охотник невольно поежился и быстро огляделся. В зале царила зловещая тишина, но над освещенной площадкой явно собирались тучи. Обстановка накалялась.

– Ответишь за свои слова, Глок? – рявкнул вдруг Эрик.

– Отвечу, – мгновенно прорычал в ответ громила. – И свидетельства предоставлю!

Он взмахнул рукой, и из темноты за его спиной в круг вышла высокая фигура в черном капюшоне. Гордей, чье сердце пропустило один удар, понял, что он увидит, даже раньше, чем фигура скинула капюшон.

Смуглая кожа, чуть раскосые глаза. Хадаганец!

Зал совета взорвался ревом. Орали все. И гибберлинги в зале, и старосты, и послы, и сам старейшина. Гордей невольно отступил на шаг, шаря взглядом по сторонам. Он увидел то, что его обеспокоило, – а именно высоких гибберлингов с оружием в руках. Эрик говорил, что только охранникам старост положено иметь оружие на совете – чтобы обеспечивать безопасность. Но кто из них охранник, а кто просто притащил с собой меч?

– Хадаганец, – ревел старейшина. – Ты привел с собой хадаганца?

– С моего разрешения, – вопил староста из самого дальнего кресла, рядом с которым и появился Глок. – Я пригласил его, я, как староста общины!

– Да вы ума лишились, – рычал старейшина. – Эльф, люди, канийцы, хадаганцы! Что за бардак?!

Гордей бросил взгляд в сторону и увидел, как Винсент чуть придвинулся к Эрику, готовясь перехватить друга, если тот бросится на Глока. А до этого, судя по всему, рукой было подать – шерсть у Резака стояла дыбом, а пальцы судорожно сжимались и разжимались. Охотник скользнул взглядом по залу – там, в паре мест, уже началась драка. Гибберлинги пихались и отчаянно вопили. К ним спешили охранники старост, но судя по всему, драки грозили перерасти в массовое побоище. Старейшина пытался восстановить порядок, размахивая своим посохом, но это было то же самое, что вычерпывать море руками.

Гордей чуть сдвинулся левее, готовясь, в случае чего, стать спиной к спине с Винсентом и держать оборону до последнего. Его маневр не укрылся от взора старейшины, сразу понявшего, откуда дует ветер.

– Позор! – взревел он еще громче, чем раньше, и Гордей подумал – не за луженую ли глотку его выбрали вести совет. – Позор всем нам! В доме, у Древа, гости! А вы бранитесь и цепляетесь, как дикари!

Его слова чудесным образом отрезвили толпу. Гостеприимные гибберлинги, конечно, не хотели выглядеть плохими хозяевами. Причем настолько не хотели, что большинство из них мгновенно успокоились. Гордея это удивило, но на всякий случай он не стал отходить от эльфа.

– В связи с беспорядками объявляю перерыв, – взревел старейшина. – Надо отдохнуть!

– Пожрать надо! – взревел кто-то в толпе, судя по громкости голоса, будущий кандидат в распорядители совета.

Толпа откликнулась радостными криками, что да, давно сидим, пора бы и перекусить.

– Перерыв! – заревел старейшина и заколотил посохом в пол. – Все расходимся! Расходимся!

Винсент быстро обернулся к Гордею и едва слышно прошипел:

– Помоги мне. Осторожно.

После чего он схватил Эрика за плечо и потянул на себя. Гибберлинг зарычал – утробно, по-звериному, но не тронулся с места. Тогда Гордей взял его за второе плечо, и они вдвоем с эльфом чуть ли не волоком вытащили Резака из освещенного круга в темноту зала.

Море гибберлингов перед ними расступилось, уступая натиску слаженной команды «Бесстрашного». Их вел, как и прежде, Эрл, не стеснявшийся распихивать сородичей, чтобы обеспечить отход своим гостям. Гибберлинги расступались неохотно, провожали задумчивыми взглядами эльфа и человека. Некоторые пытались что-то сказать гостям, протиснуться к ним, коснуться – все такие попытки вежливо, но решительно пресекались гибберлингами с «Бесстрашного». Последним в компании шел Сиг Быстрых с братьями – они прикрывали отход, и за их спинами толпа гибберлингов смыкалась, как воды моря. Об отходе тоже договорились заранее – так что действовали все быстро и уверенно, пока не добрались до края зала и ворот в нем. После этого вся компания в мгновенье ока растворилась в темноте, оставив за спиной гудящий зал.

Поняв, что на сегодня развлечений больше не предвидится, гибберлинги, шумно обсуждая случившееся, начали медленно расходиться из зала.

10

Комната, в которую отвели гостей после совета, была большой – но по гибберлингским меркам. Гордею и Винсенту опять пришлось сесть на пол, чтобы не царапать головою потолки, и отодвинуться подальше в угол, чтобы к ним втиснулся Эрик и вся семейка капитана корабля.

Гордей не был удивлен – его заранее предупредили, что, возможно, им придется остаться на корабле совета надолго. Неожиданностью для него стало то, что совет закончился так рано. И, конечно, появление хадаганца.

Это стало сюрпризом и для Эрика с Сигом – оба не могли успокоиться и не находили себе места. Втиснувшись в комнату следом за высокими гостями, гибберлинги заняли место у открытых дверей. К ним то и дело подходили сородичи и шепотом сообщали последние новости и слухи. Большинство вестников были с «Бесстрашного», но, бывало, подходили гибберлинги и с других кораблей.

Гордей и Винсент не вмешивались в разговоры – сидели в уголке и внимательно наблюдали за происходящим. Сиг Быстрых предупредил их, что в ближайшее время гостям придется посидеть в тишине, потому что надо было срочно оценить ситуацию и выработать новый план. Кроме того, он предупредил, что комнату могут прослушивать и потому лучше воздержаться от болтовни.

Наблюдая за тем, как мрачный и осунувшийся Эрик треплет пуговицы на своем клетчатом жилете, Гордей с трудом удерживался от расспросов. Чтобы немного отвлечься, он попытался припомнить дорогу, которой гостей вели в это не слишком гостеприимное убежище. Все оказалось просто – выйдя из зала совета, друзья сначала прошли по той большой улице, что вела наружу, к борту огромного корабля. Но где-то посередине они свернули вбок, попав в своеобразный переулок, и двинулись мимо ряда деревянных дверей. Потом вроде бы свернули еще раз, направо. И, наконец, попали в коридор к комнатам, отведенным для гостей совета. Гордею было немного не по себе – порой ему казалось, что он попал в странный муравейник. Низкие потолки, маленькие комнатки без окон заметно усиливали это впечатление. Ему не хотелось здесь находиться. Охотник, с детства приученный к лесным просторам, чувствовал себя в этой комнатке так, словно попал в капкан.

А вот эльф, похоже, не особо расстроился. Забившись в свой уголок, он перебирал где-то раздобытые обрывки бумаг и делал в

них пометки своей черной палочкой. Он опять работал над своим творением, и весьма увлеченно. Гордей не сомневался – Винсент в этот момент как раз пытается втиснуть то, что происходило на совете, в стихотворный размер.

От окончательного уныния молодого охотника спас Эрл – ввалившись в комнату, он бесцеремонно распихал семейку Быстрых и протиснулся к гостям. В лапах он сжимал две большие корзины, довольно тяжелые на вид. Почуяв аромат свежей выпечки, Гордей оживился. Через мгновение в его руке оказался пирожок с капустой, а рядом на полу – деревянный кувшин с травяным настоем.

Быстро проглотив первый пирожок, Гордей вытащил из корзины второй и обернулся к Эрлу. Тот безуспешно пытался всучить пирог Винсенту. Эльф нудел и упирался, не желая отрываться от своих драгоценных бумажек ради простого набивания брюха.

– Как дела? – тихо спросил Гордей, наклонившись к мохнатому плечу ремонтника. – Что слышно?

Эрл обернулся и бросил взгляд на Эрика и Сига. Те стояли у самых дверей и шептались с очередным визитером.

– Все очень встревожены, – шепотом отозвался Эрл. – Просто на ушах стоят. Много шума, очень много шума.

– А что говорят-то? – жадно спросил Гордей. – Чего наши так беспокоятся?

– Некоторые не хотят видеть здесь тебя и Винсента, – тихо отозвался ремонтник. – Говорят, что эльфы предали нас, а канийцы оскорбили.

Гордей медленно оглянулся, а его рука непроизвольно тронула пояс – то место, где должен был висеть охотничий нож.

– Не бойся, – Эрл хмыкнул. – Там за стеной – мы. Ремонтники. А за той стеной Тон и наши вояки. Ничего плохого не будет. Не здесь. Не сейчас.

– Ладно, – пробормотал Гордей. – А что насчет хадаганца?

– Ох. – Эрл покачал головой. – Некоторые против него, но многие и за. Пошли слухи. Хадаган обещает большую помощь, очень большую. Жадные и глупые кричат: скорее идем в Империю вместе с Глоком.

– И что, поддерживают его? – искренне изумился Гордей.

– Не все гибберлинги жадные и глупые, – отозвался Эрл. – Многие против. Но больше всего тех, кто ничего не знает, а просто шумит.

– Понимаю, – сдержанно отозвался Гордей, припоминая общий деревенский сбор, где пустых крикунов тоже хватало. – Что делать будем?

– Ждать совета. – Ремонтник пожал маленькими плечами. – Больше делать нечего.

Краем глаза Гордей заметил, как к ним с весьма мрачным видом приближается Эрик. Охотник успел выпрямиться прежде, чем подошедший Резак сурово на него зыркнул и напустился на Эрла.

– Ты чего тут делаешь?

– Еду принес, – сдержанно ответил тот. – Возьми пирожок.

Эрик с сомнением оглядел пирог, от которого отказался эльф, но потом взял его из рук ремонтника и быстро отхватил знатный кусок своими острыми зубами.

– Иди, – с набитым ртом сказал он Эрлу. – Ступай к нашим. Неси еду. Давай-давай.

Эрл попятился и весьма неохотно вышел. Сиг Быстрых тут же закрыл за ним дверь, и вся его семейка прислонилась к ней, словно гибберлинги ожидали, что ее попытаются выбить. Гордей встревожился – но напрасно. Оказалось, что Эрик просто хочет поговорить.

– Винс, – зашипел он. – Сюда. Двигай, ну.

Эльф, уловив важность момента, придвинулся ближе и наклонился так, чтобы его голова очутилась рядом с головами гибберлинга и человека.

– Значит, так, – сказал Эрик, торопливо дожевывая пирог. – Следуем плану. Сидим здесь. Тихо, очень тихо. Никуда не выходим. Если очень надо по нужде – только со всеми, в компании. Поодиночке не ходим. Ясно?

– Ясно, – шепотом отозвался Гордей. – А почему?

Эрик глянул на человека строго, но без осуждения.

– Потому что я так сказал, – тихо произнес он. – Тут может быть опасно. Здесь Глок. От него можно ожидать любой гадости.

– А кто это? – тут же полюбопытствовал Гордей, – тот, в черном?

Глаза Эрика сузились, а верхняя губа вздернулась, обнажив мелкие зубы.

– Враг, – без околичностей процедил он. – Плохой гибберлинг. Он любит Хадаган. Дружит с ними.

– Правда? – изумился Гордей. – Но почему?

– Глок любит силу, – сквозь зубы процедил Эрик. – Он думает, Хадаган даст ему силу. Он хочет стать старостой. Старейшиной! Хочет быть главным гибберлингом. Он думает, у гибберлингов должен быть главный! Ха! Он погубит всех нас, проклятый дурак.

Гордей хотел спросить, откуда взялся этот Глок, но Эрик ожег друга злым взглядом и быстро сказал:

– Он может опять сделать гадость. Сидите тут. Гордей, ты понял?

– Понял, – кивнул охотник и тут же спохватился. – А какую уже сделал?

Эрик сердито засопел – отвечать ему явно не хотелось. Но Винсент придвинулся ближе и вопросительно поднял бровь – ему тоже хотелось знать, что такого учудил тот самый Ползунов.

– Сигнал, – неохотно пробормотал Эрик под вопросительными взглядами друзей. – Сигнал о помощи, на который мы пошли. Это было ловушкой.

– Что? – изумился Винсент. – Что ты такое говоришь, Эрик?

– Нас просто заманили поближе к демону, – сухо отозвался Резак. – Сигнал был. Но никаких обломков, никаких признаков нападения. Кто-то пустил сигнал и быстро удрал. А мы пошли на сигнал и напоролись на демона.

– Ты думаешь, это был Глок? – сипло спросил Гордей.

– Больше некому, – мрачно отозвался Эрик. – Корабли есть только у гибберлингов, и про сигнал бедствия знаем только мы. Ну кто еще? Только он.

– Это многое меняет, – многозначительно произнес Винсент. – Ты понимаешь, о чем идет речь?

– Да, – отозвался гибберлинг. – Но я не смогу его обвинить перед советом, Винс. Никаких доказательств. Только то, что его корабль пришел в гавань незадолго до нас. Но тогда же пришло еще несколько кораблей.

– Понятно, – отозвался Винсент. – Жаль, что так получилось.

– Этот негодяй способен на все, – произнес Эрик. – Сидите тихо. Ясно?

– Да ясно, – буркнул Гордей. – Уже поняли.

Резак еще раз бросил на него сердитый взгляд и удалился к двери. Она была уже приоткрыта, и Сиг сквозь щелочку общался с очередным визитером. Когда Эрик подошел к двери, ее распахнули пошире, и Резак включился в тихий разговор.

Гордей, проводив взглядом своего мохнатого друга, обернулся к Винсенту, задумчиво смотрящему в стену.

– Ты знаешь, кто такой Глок? – напрямую спросил он.

– Слышал о нем, – отозвался эльф. – Они с Эриком давно враждуют.

– Почему? – спросил охотник. – Ты знаешь?

– Далеко не все, – со вздохом признался Винсент. – Эрик вроде вел с ним какие-то дела, но потом перестал, когда понял, что Глок Ползунов и его сторонники рвутся к власти. Они всячески поддерживают на словах идею поиска Исы. Говорят, что нужно идти дальше и ни в коем случае не следует дружить с

людьми и эльфами. Говорят, что гибберлинги избранный народ, и его жизнь – вечный поиск райского места рождения. Этими речами он завоевал много сторонников, гибберлинги очень трепетно относятся к идее поиска Исы. Можно сказать, с религиозным пылом. Понимаешь?

– Вроде того, – осторожно ответил Гордей, который на самом деле мало что понимал. – А хадаганцы тут при чем?

– Глок, как я понимаю, установил с ними контакт, – задумчиво пробормотал Винсент. – Кажется, он стал послом к хадаганцам, а Тир – к канийцам. Еще мой отец предостерегал совет от опрометчивых поступков, но его не послушали. Собственно, после этого наши отношения с гибберлингами и стали прохладными.

– Да уж, наверное, – буркнул Гордей. – Эльфы же против Империи, да?

– Дело не только в Империи, – терпеливо произнес Винсент. – Пойми, гибберлинги сейчас строят новое общество. И если в лидеры выбьются такие, как Глок, ничего хорошего не будет. Он просто хочет стать вождем гибберлингов и готовит для этого почву. Этого не получится. Гибберлинги слишком свободолюбивы и не примут единого властителя, как это сделали бы люди. Или эльфы.

– А он что, не понимает? – возмутился Гордей. – Даже мне ясно, что такой шебутной кодлой нельзя управлять!

– Не хочет понимать, – буркнул эльф. – Его ослепляет жажда власти. Он вояка, драчун, он действительно верит, что кто сильнее, тот и прав. Хадаган для него – образец для подражания. Он не сможет удержать власть над гибберлингами, даже если ее получит. Он все развалит. Это будет трагедия. Этот народ может погибнуть.

– Вот подлец, – возмутился Гордей. – Но ведь не все же за него?

– Не все, – согласился Винсент. – Многие поддерживают Эрика. Но опять же не все. Эрик – смутьян и баламут. И то, что он остался жить, когда его братья погибли, не добавляет ему популярности. Многие гибберлинги считают его сумасшедшим. Чокнутым. И не пойдут за ним.

– Так что же делать? – Гордей расстроился. – Просто ждать?

– Надо убедить совет, – сказал Винсент. – Этим сейчас мы все и занимаемся. Пока большинство старост не видят выгоды в союзе с Канией. Но они пока и не склоняются к союзу с Хадаганом. Мнение совета будет решающим, большинство гибберлингов примет его. Но каким будет это мнение…

Гордей сглотнул и бросил взгляд в сторону Эрика, все еще

беседующего в дверях с очередным гонцом. Сколько они будут так сидеть? Час, два? День?

– Мой отец не хотел вмешиваться в судьбу другого народа, – пробормотал Винсент. – Говорил, что это их выбор и мы не можем решать за них.

– Да ну, – отмахнулся Гордей. – Я бы вмешался. Эрику надо помочь!

– Я тоже хотел помочь, – еще тише сказал Винсент. – Наверно, в глазах моих братьев и я – безумец вроде Эрика.

– Как-то сложно все у вас, – охотник насупился. – Тут все ясно: друзьям надо помогать, а врагов гонять.

– Устами младенца, – пробормотал эльф. – Ладно. Будем ждать.

Винсент отодвинулся в сторону и тут же склонился над своими бумагами, давая понять, что разговор окончен. Гордей с сожалением глянул на него, но ничего не сказал. Он уже знал, что когда Винсент в таком мрачном настроении, то разговорить его невозможно.

Бросив взгляд на дверь, охотник увидел, что в комнате остались только братья Сига Быстрых. Сам капитан и Эрик вышли в коридор. Все при деле, все заняты, одному ему делать нечего.

Обиженный Гордей обхватил колени руками, вжался спиной в теплую деревянную стену и стал вспоминать родной лес. Чтобы он делал там сейчас? Шел бы по следу оленя? Тащил бы с отцом кабана в деревню? А может, там уже вечер, и можно походить у колодца, послушать, какие глупости говорят девчонки о соседских парнях? А там, может, зацепился бы языком с Вестой. Похвалил бы ее новое платье, а она бы в ответ высмеяла его взлохмаченные волосы. Или еще какую гадость бы сказала, она такая. А может, дома уже поздняя ночь. Тогда можно забраться на чердак, через него выбраться на крышу, лечь на теплую после летнего дня солому и смотреть на бесконечно далекие звезды…

Гордей и сам не заметил, как задремал.

11

Проснулся Гордей от странного стука в коридоре. Вскинувшись, он заозирался по сторонам, пытаясь спросонья сообразить, куда его занесло на этот раз. Темная комнатка с едва тлеющим кристаллом под потолком не оставляла сомнений – он по-прежнему в гостях у гибберлингов, на огромном корабле совета.

Оглянувшись, охотник изумленно засопел. Комната была пуста – хоть шаром покати. В дальнем углу, где сидел Винсент, виднелось только одеяло, брошенное на пол. У дверей тоже никого не было – ни Сига, ни Эрика. Медленно отлепившись от стены, Гордей вытянул вперед застывшие после сна ноги, попробовал их растереть. Что за притча? Что тут происходит? Эрик же ясно сказал – никуда не выходить. Но все вышли – да еще и бросили его тут одного, спящего.

В коридоре что-то гулко ухнуло, и Гордею послышались далекие голоса. Вскинув голову, охотник прислушался, а потом мягким движением поднялся на ноги, ощупывая толстый кожаный ремень, чья увесистая медная пряжка могла послужить оружием. Медленно, крохотными шажками, охотник подошел к закрытой двери и замер в нерешительности. Указания Эрика были абсолютно ясны – никогда, ни при каких условиях не выходить из комнаты в одиночку. И все же что-то происходило там, за дверью…

Из коридора раздался многоголосый хор проклятий, грохот, и Гордей, больше не размышляя, рванул на себя дверь. Гори все оно огнем! Может, друзьям сейчас нужна помощь!

Вылетев в темный коридор, охотник сразу повернул налево – туда, откуда раздавался шум. Он и шага не успел ступить, как увидел его источник – там, на перекрестке коридоров, начиналась драка. Десяток гибберлингов отчаянно пихались и толкались, постепенно повышая голоса. Прямо на глазах Гордея из соседнего коридора вывалился еще десяток гибберлингов. Они с разбега врезались в шумевшую на перекрестке толпу, и начинавшаяся драка мгновенно переросла в настоящее побоище. Гибберлинги принялись отчаянно лупцевать друг друга всем, что подвернулось под руку, – кулаками, ногами, поясами, шапками, подхваченными где-то табуретками…

В темноте Гордей не мог разобрать – участвуют ли в драке его друзья. Кажется, мелькнул знакомый окрас кого-то из семейки ремонтников, но что-то разглядеть в такой темнотище… Он и не разглядел – услышал. Тихий сдавленный хрип, пришедший из-за

спины, с другой стороны коридора, уходящего вглубь корабля-острова. Не размышляя, Гордей развернулся, в пару прыжков пролетел сквозь пустой коридор, свернул за угол.

Там, в середине нового ответвления с закрытыми деревянными дверями, он увидел, что один крепкий на вид гибберлинг навис над гибберлингом поменьше, лежащим на спине. Здоровяк держал свою жертву за горло, вжимая ее в пол, а другая его рука, с зажатым кинжалом, уже поднималась к потолку, грозя смертельным ударом.

Гордей бросился вперед, чувствуя, как отчаянно колотится в груди сердце. Он узнал мелкого гибберлинга, лежащего на полу, узнал по ожогам, по паленой шерсти и по клетчатой жилетке. Это был Эрик. Кем был нападавший, Гордей не знал и знать не хотел – в долю секунды он промчался по коридору, и, не снижая скорости, с разгона пнул злодея в бок своим крепким разношенным сапогом, – так же сильно, как пинал в деревне мяч из бычьего пузыря, набитый тряпками.

Нападавший был крепким гибберлингом, но по сравнению с человеком легким. Удар Гордея, от которого у охотника тут же заныли подъем и голень, смел злодея с Эрика. Длинный кинжал с грохотом заскакал по полу, а его бывший обладатель со сдавленным хрипом отлетел в сторону, хлопнулся о стену и осел на пол. Гордей, зашипев от боли в ноге, опустился на одно колено и склонился над Эриком, тот со стоном приподнялся на локтях. Краем глаза охотник заметил, как черный гибберлинг приподнялся. Гордей резко обернулся, но злодей что было сил, прямо с пола, рванул прочь – за очередной темный поворот.

– Эрик, – позвал Гордей, оборачиваясь к другу. – Ты цел?

Ответа он не получил – гибберлинг, что-то злобно бормоча, отпихнул протянутую руку, вскочил на ноги, подхватил с пола оброненный злодеем кинжал и бросился следом за беглецом. Все это Резак проделал в мгновенье ока, так быстро, что Гордей успел только рот открыть от изумления.

Со стоном поднявшись на ноги, сыпля черной бранью направо и налево, Гордей, прихрамывая, поспешил следом за другом. Он не знал, что и думать о произошедшем. Ясно было только одно – сейчас Эрика следовало поймать и запереть в какой-нибудь комнате, пока ситуация не прояснится.

А она и не собиралась проясняться – едва добрался до угла, за которым скрылись оба гибберлинга, как услышал сдавленный вопль и громкую брань. Закипая от гнева, охотник рванул за угол.

Сначала ему показалось, что прямо перед ним, в полутьме, стоит Винсент, который схватил Эрика за шиворот и приподнял над землей. Гордей даже успел вздохнуть с облегчением, но в

следующий миг подавился своим приветствием. Это был не эльф. Это был тот самый хадаганец – высокий, щуплый, косоглазый… И он держал на вытянутой руке беснующегося Эрика, пытавшегося дотянуться до своего пленителя кинжалом.

– Хадаган, – рычал взбешенный Эрик. – Хадаган!

Косоглазый на глазах Гордея швырнул Эрика на пол – да так, что из досок пыль выбил. Потянувшись к поясу, хадаганец поднял ногу, чтобы придавить оглушенного гибберлинга, но в этот момент в дело вступил Гордей.

Он не стал бить в спину, как наемный убийца, нет. Схватив левой рукой хадаганца за плечо, Гордей рывком развернул его к себе и с размаху, со всей силы, засадил ему правым кулаком чуть пониже грудины. Хадаганец сдавленно ухнул и согнулся пополам, словно пытаясь обмотаться вокруг жилистой руки лучника. Свободной левой Гордей ударил противника сбоку, в скулу – чтобы оттолкнуть его от себя. Голова хадаганца мотнулась, он отступил на шаг, и тогда охотник сделал шаг к нему, размахиваясь освободившейся правой. Кулак Гордея описал широкую дугу и с размаха, словно молот, ударил косоглазому в челюсть. Голова хадаганца откинулась назад, он сдавленно хрюкнул и с грохотом упал навзничь, на спину.

Гордей с проклятьями заплясал рядом, тряся отчаянно болевшей рукой с разбитыми костяшками. Только поэтому он и не уследил за Эриком – упрямый гибберлинг и не думал отступать. Едва поднявшись с пола, он подхватил уроненный кинжал и в мгновенье ока оказался на груди упавшего хадаганца, упираясь тому коленями в ребра.

Гордей уже видел такое раньше, в лесу, и потому не раздумывая кинулся вперед. Обхватив Эрика сзади обеими руками, охотник просто поднял его, как мешок с мукой, и отступил назад, подальше от стонущего хадаганца. Эрик успел взмахнуть кинжалом, но промахнулся – клинок, вместо того чтобы располосовать горло узкоглазого, лишь беспомощно рассек воздух. Гибберлинг заорал во все горло, проклиная и хадаганцев, и охотника, засучил ножками, но Гордей держал его крепко. Хадаганец, немного пришедший в себя, сверкнул глазами, приподнялся, сунул руку себе за пазуху, и тогда Гордей шагнул вперед.

Верные сапоги не подвели и на этот раз – охотник с силой пнул каблуком пытавшегося подняться хадаганца в грудь и отшвырнул обратно. Косоглазый с размаху хлопнулся об пол, приложился затылком о ближайшую стенку и застонал.

Эрик, перемежая ругательства угрозами, завертелся в объятьях Гордея как детский волчок, пытаясь вывернуться из

захвата, и разозленный охотник отступил подальше, прижимаясь спиной к стене, чтобы не упасть. На мгновенье им овладела паника – он не знал, что делать дальше. Как быть? Бежать прочь с извивающимся гибберлингом в руках? Звать на помощь?

Звать не пришлось – помощь явилась сама. Гибберлинги шумною волной прошлись по узкому коридорчику и выкатились к месту драки – сразу с двух сторон. Гордей заметил, что справа, оттуда, куда убежал таинственный гибберлинг, подступает мрачная толпа, и попятился. Бросив взгляд налево, туда, откуда он пришел сам, охотник с громадным облегчением узнал среди орущей толпы парочку знакомых из семеек «Бесстрашного». И всхлипнул, увидев за их спинами долговязую фигуру эльфа.

– Винсент! – заорал Гордей, отступая к своим. – Винс! Помоги!

Эльф рванулся вперед, растолкал гибберлингов, подскочил к человеку и ухватил Эрика за руки, дернул. Кинжал упал на пол и загрохотал по доскам, а Винсент ловко принял гибберлинга из объятий охотника и опустил на пол. Гордей и эльф одновременно ухватили злобно сопящего Эрика за плечи – каждый за свое – и притиснули к стене.

Нейтрализовав взбешенного Резака, Гордей осмелился оглянуться – и то, что он увидел, очень ему не понравилось. Гибберлинги накатили с обеих сторон, и теперь обе толпы медленно сближались, обмениваясь угрозами. До встречи им оставалась пара шагов, и как раз на этом оставшемся свободным пятачке и стояли друзья.

– Держите его! – прогремел звучный голос, и из толпы справа выступил огромный гибберлинг в кожаном жилете. – Хватайте Резака! Он убил нашего гостя! Он убийца!

Гордей бросил злобный взгляд на Глока Ползуна – а это был именно он, – но ответить не успел. Хадаганец застонал, приподнялся, ухватился рукой за затылок, и его невнятные стоны тут же сменились отчетливыми проклятиями в адрес всего гибберлингского рода.

Опешивший Глок сделал пару шагов вперед, к хадаганцу, всматриваясь в его искаженное лицо, а из толпы гибберлингов с «Бесстрашного» раздался громкий хохот.

– Слишком он живой для мертвеца, – крикнул Сиг Быстрых, выступая вперед. – Отойди от него, Глок.

Черно-бурый гибберлинг злобно оскалился, но не отступил, сделал шаг вперед, навис над невысоким капитаном «Бесстрашного». Тот спокойно глянул на громилу снизу вверх, даже не собираясь отступать. За его спиной уже стояли братья, Эрл и Тон с семейкой. За спиной Глока начали собираться его

сторонники, и Гордей понял, что сейчас опять начнется. Он почувствовал, как напрягся Эрик, готовясь броситься в бой, но тут раздался громкий голос.

– Расступись! Расступись, братва!

Гибберлинги заволновались, закрутили головами, но потом послушно попытались расступиться. Гордей медленно выдохнул, поднял голову и увидел, как одновременно с двух сторон к месту боя подходят старые седые гибберлинги. Слева – сам старейшина с братьями, справа – тот староста, что позвал на совет хадаганца. За обеими стариками тянулись отряды крепких гибберлингов с длинными палками в руках, одетые в кожаные доспехи. Охрана старейшин.

– Что тут происходит? – заорал староста, подходя к Глоку. – Опять Резак? Опять! Спятивший огрызок!

– А ну тихо, – загремел старейшина, подходя ближе. – Заткнитесь все! Все, я сказал! Закрыли хавальники!

Охранники старейшины многозначительно побряцали оружием, окидывая толпу суровым взглядом, и в коридоре воцарилось зыбкое молчание, нарушаемое только невнятным бормотанием хадаганца, успевшего сесть и прислониться спиной к стене.

– Так, – произнес старейшина, игнорирую вызывающий взгляд Глока Ползуна, сложившего руки на груди. – Первое. Что за свара в коридоре? Быстрых, это ты? Твой коридор?

– Старейшина, – Сиг протиснулся вперед. – Полчаса назад мы мирно спали, но в коридоре раздался шум. Мы вышли из комнат посмотреть, что происходит. Один из Лапкиных, что жили по соседству, ругался с нашим ремонтником. Сцепились, значит, и давай толкаться.

– Лапкины, – зычно позвал Старейшина, – есть кто из Лапкиных?

Откуда-то из-за спины Сига Быстрых раздался слабый отклик, и к старейшине протолкался маленький взъерошенный гибберлинг.

– Я из Лапкиных, значит, – сказал он, хлюпая разбитым носом. – Прости, старейшина.

– Что там стряслось у вас, бузотеры? – спросил старикан.

– Поругались, значит, с командой «Бесстрашного», – сказал тот. – У нас вона комнаты в соседях.

– Из-за чего?

– Ну так, – замялся Лапкин. – Кто, значится, лучше, наши али ихние. Кто больше выпьет, кто сильнее, значит.

– И чего?

– Ну толкаться стали, слово за слово. Наши подбежали, потом

с «Бесстрашного». Ну и эта… Подрались, значится.

– А кто начал-то? – грозно спросил старейшина.

– Ай, не помню уже, – сокрушенно признался гибберлинг. – Там, значит, и мои были, и Шустрые, и кто-то еще, плохо видел. Толкаться стали, кто-то по голове Быстрых стукнул, ну и понеслось.

– Быстрых? – старец грозно глянул на капитана «Бесстрашного».

– Было дело, – отозвался тот, почесывая затылок. – Пытался я их удержать, старейшина, да разве всех удержишь.

– Ладно, – старикан насупился и стукнул своей палкой в пол. – Есть кровь на руках?

– Нету, старейшина, – дружно откликнулись драчуны, разглядывая пол под ногами.

– Значит, все, – отрезал тот. – Побузили, и хватит. Только попробуйте опять, шелупонь мохнатая! Метелкой с совета вымету!

Гибберлинги дружно загудели, давая знать, что, мол, все поняли, просто немного подрались, с кем не бывает. Но старейшина уже обернулся к Глоку, стоявшему напротив него и злобно поглядывавшему на Эрика, отвечавшего врагу таким же злым взглядом.

– Староста Ползунов, – медленно произнес старейшина, сверля взглядом старикана, стоящего напротив него. – Ты как сюда попал?

– Прислали за мной, – сказал тот, поглядывая по сторонам. – Кричат – смертоубийство в коридоре. А я недалече был, побежал, значит, разнимать.

– Ясно, – буркнул старикан, поворачиваясь к Глоку.

– Старейшина, – позвал Эрик, – я хочу…

– Молчи, Резак, – вдруг рявкнул старейшина. – Твое слово последнее! Хватит! Как заваруха, так ты всегда рядом. Молчи, пока не спросят!

Эрик замолчал, но засверкал глазами так, что, казалось, прожжет старикана насквозь. Гордей почувствовал, как под его рукой напряглись плечи гибберлинга, и тихонько сжал пальцы, призывая друга не делать глупостей. Эрик вздохнул, расслабился и сложил руки на груди.

– Глок Ползунов, – медленно произнес старейшина, глядя на черного гибберлинга, что стоял напротив и с вызовом смотрел на старца. – Ты как очутился тут?

– Я был у себя, – спокойно ответил тот. – Ко мне прибежал Римм из Прыгунов и сказал, что Резак убил хадаганца в коридоре «Бесстрашного». Я тут же побежал сюда. На подходе встретил

старосту. Все.

Хадаганец что-то сдавленно булькнул, и старейшина обратил свой взгляд на него.

– Знахарь есть? – буркнул он.

Из-за спины Сига высунулся Тон – лекарь, но хадаганец, злобно щурясь, отмахнулся. Он медленно поднялся на ноги и, опираясь о стену, повернулся к старейшине.

– Мои извинения, гость, – сказал старец, хмуря белые брови. – Просим прощения. Скажи нам, что случилось?

– Я шел в коридор, – проскрежетал тот. – Ходил по нужде. Заблудился. Увидел гибберлинга, пошел за ним спросить дорогу. Свернул за угол. И тут на меня набросился с ножом еще один.

– Кто? – резко спросил старейшина.

Хадаганец ткнул пальцем в Эрика, что сверлил противника суровым взглядом. Седой старикан тяжело вздохнул, но потом снова обратился к хадаганцу.

– Что случилось дальше?

– Мы дрались, – неразборчиво произнес он, бросив злобный взгляд на Гордея. – Потом пришел каниец, сбил меня с ног.

– Понятно, – сухо отозвался старейшина и цыкнул на Гордея, пытавшегося сказать, что он спас жизнь хадаганцу.

– Так, – старец повернулся к троим друзьям, так и стоявшим у стенки между двух армий гибберлингов. – Эльф. Винсент из дома Грандер. Твой рот не произносит ложь. Что видел ты?

– Я, – эльф замялся, оглянулся по сторонам, – я ничего не видел, старейшина. Меня здесь не было, когда все случилось.

– Не было? – изумился старикан. – А где же ты был?

– Ну… – Красноречивый Винсент вдруг потерял дар речи и шумно откашлялся. – Я ходил в коридоры Жадин, Старейшина. Это далеко отсюда. Когда я вернулся, все уже бежали сюда. И я побежал со всеми.

– Да что тебя ночью понесло-то к Жадинам? – изумился Старейшина. – Не юли! Отвечай!

– Передали мне слух, что есть у них одна вещь, – медленно произнес эльф, а потом махнул рукой. – А, ну ладно.

Распахнув полу своего камзола, Винсент вытащил наружу странный инструмент – вроде большой деревянной подковы с натянутыми струнами. Гордей без труда опознал в нем лиру. Выходит, эльф все же смог раздобыть себе оружие?

– Лира? – прогромыхал Старейшина. – У эльфа? На совете? Дай сюда, немедленно.

Эльф, понурившись, протянул старику музыкальный инструмент. Старец выдернул его из рук Винсента и, все еще хмурясь, зыркнул на хадаганца.

– Это не оружие, старейшина, – подал голос Винсент. – Я просто пишу музыку, великую балладу, песнь о гибберлингах…

– Потом допишешь, – отрезал старейшина. – Всякий знает, каким оружием это может стать в руках барда.

– О, мудрейший…

– Нет, – рявкнул тот. – И не проси. Но хоть понятно, чего ради тебя понесло ночью к Жадинам. Торгаши, хвостом собачим их в душу! Маму родную продадут. Ободрали, поди?

Эльф печально кивнул.

– Отдам опосля совета, – пообещал старец, оборачиваясь к Гордею. – Ну, а ты что скажешь, охотник на демонов? Что ты видел? Ответствуй.

– Я просто охотник, – мрачно отозвался Гордей и мотнул головой, поймав суровый взгляд Сига Быстрых. – Я спал. Проснулся от шума в коридоре. Вышел, а там драка.

– Где? – быстро спросил старец.

– Там, – Гордей махнул рукой. – Большая драка, там все дрались, десятка два ваших.

– Это он про нас, – подал голос Сиг.

– Да понял, – бросил старикан. – Дальше давай.

– Ну, я было к ним пошел, – сказал Гордей. – А потом услышал – дерутся с другой стороны. Я туда побежал. А там Эрик лежит на полу, а его держит, значит, здоровенный гибберлинг и пытается заколоть кинжалом.

Брови старейшины белыми бабочками взлетели вверх. Он резко обернулся и ткнул посохом в Глока.

– Этот?

– Нет, – Гордей покачал головой. – Тоже черный такой, но не этот.

– Тут он есть?

Гордей медленно окинул взглядом толпу гибберлингов, пришедших вместе с Глоком. И по злобным взглядам понял, что обзавелся десятком новых врагов.

– Не вижу его, – сокрушенно сказал он. – Темно было, уважаемый. И, не обижайтесь, плохо я еще узнаю гибберлингов.

– Ладно, – произнес старейшина, догадавшись, что хотел сказать человек. – Похожи мы для тебя, да. Дальше что?

– Кинулся я к ним, – описывал Гордей. – Сбил драчуна с ног. Он за угол, бежать. Эрик за ним. Ну и я следом.

– Нож, – напомнил Старейшина. – Куда нож делся?

– Выбил я нож у того злодея, – медленно произнес Гордей. – Да только его Эрик прихватил, когда побежал.

– Ну, дальше, – подбодрил его старейшина.

– А за углом хадаганец, – продолжил Гордей. – Швырнул

Эрика на пол, хотел его топтать. Ну я ему, значит…

– А первый гибберлинг где был? – перебил его старейшина.

– Не видел его больше, – признался охотник. – Убежал, наверное.

Старейшина бросил косой взгляд на хадаганца, с ненавистью смотревшего на Гордея, но тот лишь покачал головой – мол, никого не видел.

– Потом что?

– Хадаганец упал, Эрик на него кинулся, а я его оттащил от греха подальше, а потом все вы заявились. Ну и все, – закончил Гордей.

– Ясно, – медленно произнес старейшина. – Резак!

Эрик кинул хмурый взгляд на старика и шагнул вперед.

– Ну, теперь говори, твой черед.

– А что говорить, – буркнул Эрик. – Все сказали уже. В коридоре была драка. Вышел посмотреть. Тот чернявый оказался рядом, стукнул по уху меня и бежать. Я за ним. А он за углом ждал. Повалил меня, достал нож. Стали бороться, а тут и Гордей подоспел. А дальше – все как он рассказал.

– Кто тебя ударил-то?

– Не знаю я его, – хмуро сказал Эрик. – Не видал раньше. Похож на Ползунов, да только знаю, что скажете. Мол, опять напраслину на них возвожу.

– Скажу, – рявкнул Глок, – еще как скажу!

Старейшина махнул на него рукой, и тот, сделав над собой усилие, замолчал. Старик с заметным усилием нагнулся, подобрал с пола уроненный кинжал, поднес к носу и медленно, с шумом, втянул воздух. Бросил взгляд на Эрика, потом на хадаганца. Потом медленно обвел тяжелым взглядом толпу гибберлингов за спиной Ползуна. Некоторые аж назад подались, явно не желая оказаться на виду.

– Ладно, – медленно произнес старикан. – Я еще узнаю, кто это был. Резак! Ты почто на гостя кинулся?

– В запале я был, уважаемый, – медленно произнес успокоившийся Эрик. – Думал, вдвоем они с тем чернявым за мной пришли. Думал, засада.

– Засада, – Старейшина обвел всех гибберлингов строгим взглядом и возвысил голос: – Есть кровь на руках?

Ему не ответили, лишь шепоток пронесся по рядам гибберлингов. Не дождавшись ответа, старейшина покачал головой, и Гордей вдруг понял, что перед ним действительно старик – уставший, невыспавшийся, недовольный.

– Значит, нет, – тихо подвел он итог. – Слушайте меня! Сейчас немедленно расходитесь по комнатам. До завтрашнего

совета чтобы и носу в коридор не казали. Резак! Тебя особо касается. То мое слово!

Эрик сердито засопел, но ничего не ответил.

– Расходитесь! – громко потребовал старейшина. – Давайте, ступайте, мохнатые! А мы с тобой, уважаемый староста Ползунов, пойдем ко мне, поговорим.

Толпа гибберлингов начала медленно рассасываться. Сиг и Эрл подошли ближе и повели троих друзей за собой, словно прикрывая их от возможной атаки. Гордей на ходу оглянулся и, окинув взглядом быстро пустевший коридор, отметил интересную вещь. Охрана старейшины осталась. Вооруженные палками гибберлинги медленно разошлись в стороны и прислонились к стенам – видимо, собираясь нести тут караул до утра. Чтобы не допустить новых драк.

– Нам нужно поговорить, – сухо сказал Эрик, когда подошел к двери комнаты. – Не всем. Сиг, дылды. Остальные после.

Что удивило Гордея – никто и слова ему поперек не сказал. Гибберлинги расступились, пропуская друзей в комнату, и это заставило охотника тяжело вздохнуть. Возбуждение от боя прошло, болела рука, да и нога ныла. Хотелось спать. А вместо этого ему, вероятно, придется выслушать очередную лекцию от Эрика.

«Такова цена дружбы», – вздохнул Гордей и решительно шагнул в темную комнату.

12

Вступив в зал совета, команда «Бесстрашного» не стала прятаться в углу – на этот раз Сиг Быстрых провел все свое мрачное воинство к самому краю толпы, вплотную к тронам старост. Никто не пытался их остановить, наоборот, гибберлинги в зале расступались перед Сигом, признавая его право быть ближе к кругу. Многие перешептывались, провожали двух дылд взглядами, чуть ли не пальцами показывали. Судя по всему, новости о ночной драке успели обойти весь флот гибберлингов, и теперь только ленивый не обсуждал самые мельчайшие подробности схватки.

Гордей, предупрежденный Эриком, сохранял спокойствие и медленно шел рядом с молчаливым и мрачным Винсентом. Оба смотрели прямо перед собой, не обращая внимания на шум толпы и выкрики гибберлингов. Строго говоря, больше внимания обращали на Эрика, что шел рядом с Сигом Быстрых. Именно сумасшедший Резак, как обычно, стал поводом для пересудов. Еще бы – чуть не убил гостя совета. Даже когда вся команда остановилась неподалеку от трона старейшины, шум за их спинами не стихал. И в нем не было ничего одобрительного.

На этот раз совет начался намного быстрее, чем в прошлый раз. Старосты расселись по своим тронам, старейшина без долгих предисловий стукнул посохом в пол, и – началось.

Первым вышла в круг семейка крепких гибберлингов, опоясанных толстыми ремнями, на которых висели короткие мечи. Судя по всему, это были охранники совета. Они быстро и без лишних подробностей рассказали старостам о ночном происшествии. Старейшина подробно расспросил их, есть ли жертвы. Жертв не было. А вот недовольных, с помятыми ребрами да разбитыми носами было хоть отбавляй.

Старейшина, мрачный как ворон на погосте, продолжал расспрашивать стражников, но Гордей уже не слушал. Он заметил на противоположной стороне круга Глока – того черного крепкого гибберлинга. И маячившего за ним хадаганца. Охотник невольно сделал шаг вперед и стал за спиной Эрика. Он тоже заприметил врага, и было видно, как напряглись его плечи. Несмотря на все планы, Гордей опасался, как бы Резак не кинулся на своего врага прямо через круг совета. Этого нельзя было допустить – ни в коем случае. Винсент, судя по всему, рассуждал так же – через мгновение он оказался рядом и даже положил ладонь на лохматое плечо Эрика. Охотник его понимал – ни в коем случае нельзя было, чтобы Резак поддался на провокацию.

Что такое провокация, Гордею объяснили ночью, прямо после схватки. Эрик, все еще взбешенный, ходил из угла в угол, не зная, чем себя занять, а Винсент бросал ему упрек за упреком. Охотник сначала не понимал, в чем тут дело и в чем виноват Эрик, пока эльф не растолковал молодому человеку, что произошло на самом деле.

На самом деле все это было подстроено. Драку в коридоре затеяли специально, чтобы отвлечь команду «Бесстрашного». И про арфу эльфу рассказали тоже специально – чтобы он тайком ночью пошел на другой конец корабля совета за нелегальным товаром. И Эрика нарочно выманили из каюты. Сиг, оказывается, запретил ему выходить – поэтому Резак и остался в одиночестве у дверей и должен был приглядывать за Гордеем. А вышло наоборот – это Гордей бросился на помощь другу, попавшему в ловушку.

То, что это была ловушка, Винсент не сомневался. Кто бы это ни затеял, он надеялся как следует раздразнить Эрика, а потом столкнуть его с хадаганцем. Который, скорее всего, был тоже всего лишь пешкой в этой игре. Эрику полагалось убить хадаганца. Все знали, что он их ненавидит, и никто бы не удивился такому исходу дела. Эрика бы заключили в узилище, все его идеи были бы отвергнуты, и совет гибберлингов попытался бы придумать, какую виру выплатить Хадагану за убитого посланца. Вот только про молодого охотника все забыли.

Гордей смешал все планы – сначала стал нежелательным свидетелем, а потом еще и удержал друга от бессмысленного убийства. Эрик признался – он бы убил хадаганца, если бы смог, потому что был в настоящем бешенстве. И еще признался, что если бы с ним оказался кто-то из друзей-гибберлингов, то от убийства бы его никто не стал удерживать. Гордей был слишком добрый – это и погубило план врага.

Когда охотник с ужасом осведомился, кто мог придумать такую мерзость, Эрик лишь горько рассмеялся. Винсент, все еще сокрушавшейся из-за своей наивности и жадности, тоже усмехнулся. Глок Ползунов – вот, конечно, кто стоял за всем этим. Он вертел и своими дружками гибберлингами, и простыми матросами с корабля, и даже хадаганцем. Он и старосте своей общины голову задурил – и сотням своих приверженцев. Да и простые гибберлинги после этой ночи убедились в том, что Эрик Резак – полный псих, готовый броситься с ножом на гостя совета. Пусть план врага и провалился, но вред он все же причинил – все больше гибберлингов отворачивались от Эрика.

Именно поэтому сейчас, на совете, нужно было соблюдать крайнюю осторожность. Любое неосторожное слово,

опрометчивая фраза или поступок могли отвратить от Эрика тех последних гибберлингов, что видели в нем не обезумевшего от потери семьи одиночку, а разумного лидера.

Старейшина тем временем, разобравшись со стра-ж-ником, отмел все претензии пострадавших гибберлингов. Он возвестил, что раз нет крови на руках, нет убитых, то более мелкими делами пусть занимаются старосты общин. Разбитые носы и выдранные бороды – это дела помельче. А совету надлежит заняться прямыми обязанностями – устройством судьбы всех гибберлингов.

– Начинается, – шепнул Винсент охотнику и расправил плечи.

Гордей стал рядом, гордо вскинув голову. Они словно стражи стояли по бокам маленького гибберлинга Эрика, готовясь поддержать его в любой момент.

– Сегодня вызываем Глока Ползунова! – гулко возвестил старейшина, стукнул палкой в пол. – Расскажи о своем посольстве в Хадаган. И только об этом, Глок! Ни слова про ночную драку.

– Так и будет, старейшина, – пообещал черный гибберлинг, выходя в освещенный круг.

Его братья остались позади, в тени, словно охраняя прятавшегося за троном старосты хадаганца. Выглядел Глок весьма уверенно: черная лоснящаяся шерсть, горящие глаза, кожаные доспехи. Он был воином – это было сразу видно, и Гордей даже забыл о том, что, собственно, ростом этот воин невелик. От него исходила такая сила и уверенность в себе, что про его рост можно было просто забыть.

– Я вернулся из Хадагана, – громко произнес Глок, – с добрыми вестями! Империя встретила нас пирами и подарками. Они признали нас как новую расу и горят желанием оказать нам всевозможную помощь!

По притихшему залу пронесся гул – одобрительный, как с сожалением заметил Гордей.

– Мы были гостями при дворе Императора, – уверенно продолжал Глок. – И хотя не видели его самого, с нами обращались как с дорогими гостями. Нам показывали все, что мы хотели. Нам показывали и быт Империи, и ее военные тайны. Все, о чем мы просили, – исполняли немедленно.

– С кем вы там трепались, ежели не с амператором? – подал голос один из самых дряхлых старост. – А?

– Говорили мы с личным представителем Императора, которого звали Мардей Таха, – отозвался Глок. – Он уверил нас в расположении своего господина.

– А чож не с главным-то, а? – снова перебил староста.

– Император – глава огромного государства, – сдержанно

ответил Глок, хотя глаза его зло блеснули. – К нему не так просто попасть на прием. А мы, хоть и представляли всех гибберлингов, но мы не официальные посланники. Мы гости. Которых очень внимательно выслушали.

– Хорошо, – бросил старейшина, хмуря седые брови. – Значит, приняли вас хорошо. Это приятно. Поняли хадаганцы, о чем идет речь?

– Сразу же, уважаемый, – бодро отозвался Глок. – Наш секрет вызвал у Империи большой интерес. Переговоры прошли успешно, и нам обещаны были щедрые дары в обмен на него.

– Какие же дары? – осведомился Старейшина, цыкнув на древнего старосту, что хотел снова перебить Глока.

– Пусть об этом расскажет наш гость, – многозначительно произнес Глок. – Услышьте о щедром предложении из его уст, чтобы никто не сомневался – это не мои выдумки.

Повернувшись, он грозно зыркнул на Эрика, но тот бестрепетно встретил взгляд врага. За ночь Резак успел успокоиться и теперь твердо держал себя в руках.

– Пусть будет так, – изрек старейшина. – Представь гостя.

Глок вытянул руку к темноте, и на свет выступил хадаганец. Он был целиком закутан в черный плащ, наружу торчала лишь лысая смуглая голова. Раскосые глаза зло поблескивали. Он одарил Глока неожиданно злобным взглядом и медленно подошел к трону старейшины. Гордей не удивился – хадаганец, разумеется, не был идиотом и догадался о том, как его хотел использовать Глок. Но, судя по всему, у него было важное дело, ради которого хадаганец был готов пожертвовать собой. Неужели он так верен своей Империи?

– Меня зовут Фарид Такир, – представился он.

Голос хадаганца звучал неразборчиво – как будто он одновременно жевал кашу и говорил. Гордей уже слышал такой говор – ночью, в лесу, от похитителей Эрика.

Хадаганец тем временем распахнул плащ. Под ним оказалась зеленая форма – короткий сюртук, грубые тканевые штаны и черные, начищенные до блеска сапоги. На груди хадаганца было множество мелких блестящих украшений. Они, видимо, что-то обозначали, поскольку их обладатель весьма горделиво повернулся к Старейшине, давая полюбоваться на них.

– Я Старший Представитель Заместителя Главного Советника Императора, – продолжал он. – И мои слова – это слова всей великой Империи, о уважаемый старейшина народа гибберлингов.

– Продолжай, Фарид, – благосклонно произнес старейшина. – Что же Хадаган обещает нам взамен великой тайны?

– Помощь! – не замедлил с ответом хадаганец. – Если мы заключим соглашение, вся Империя будет помогать вашему великому поиску!

В зале зашумели гибберлинги – одобрительно и громко. Слова хадаганца явно пришлись по вкусу большинству из них.

– Будут построены корабли, – продолжал Фарид, видя, что старейшина не отводит от него взгляд. – У нас много строителей, много верфей, много ученых! Мы заложим сразу два, может, три десятка астральных кораблей! Больших, мощных, быстрых, способных взять на борт припасы для долгого путешествия. И все они, вся первая партия, будут переданы гибберлингам в дар, чтобы ваш народ смог продолжать свои поиски Исы и Великого Древа!

В зале откровенно закричали в голос – раздались хлопки и свист. Очень многим гибберлингам понравилось предложение хадаганца, и это, похоже, разозлило Эрика. Гордей почувствовал, как его друг напрягся, прожигая гостя злым взглядом.

– И это все? – спросил старейшина. – Пара десятков кораблей…

– Это не все, – поспешил добавить хадаганец. – Три десятка кораблей, оснащенных нашими лучшими учеными. И потом – каждый десятый из всех построенных нами. Но главное – все земли Империи будут помогать вам в поиске! Любой корабль гибберлингов сможет потребовать припасы и продовольствие в любом уголке Империи. Улетайте на поиски, возвращайтесь, просите припасы – никому из вас не будет отказа. Потому что вы станете членом нашей семьи, частью Империи!

– Союз? – старейшина нахмурился и привстал в кресле. – Но у союзников есть свои обязательства.

– С вашей стороны – никаких, – отозвался Фарид. – Ваш секрет станет вкладом в наш союз!

– Но мы уйдем на поиски Исы, – продолжал старец. – Мы не будем частью вашей Империи.

– Пусть так, – сказал хадаганец. – Но мы верим, однажды вы найдете потерянную Ису. И тогда один из ваших кораблей вернется. Мы будем торговать, мы будем изучать астрал, мы станем одной большой семьей.

В зале, уже не скрываясь, восторженно завопили гибберлинги. Гордей было нахмурился, но потом сообразил, что больше кричат с той стороны, которая была скрыта от него за деревом. С той стороны, откуда пришел Глок. Видимо, там собрались его сторонники.

– Есть только одно условие, – произнес хадаганец, и шум в зале мгновенно затих.

– Ну конечно, – буркнул старейшина. – Как же без этого. И какое?

– Больше никому не сообщайте секрет астральных кораблей, – торжественно произнес Фарид. – Этот секрет – только для нас. Для нашей большой семьи.

Старейшина тяжело вздохнул, но возражать не стал – тут и дураку было понятно, что Империя печется о своих интересах. Конечно, им не нужны конкуренты.

– Дозволь и мне сказать, старейшина, – быстро сказал Глок, видя, как старикан нахмурился.

– Говори, – бросил тот, обводя взглядом притихший зал.

– Старейшина и все мои братья! – громко сказал Глок. – Вы слышали предложение Империи! Они понимают нас. Они поддерживают нас! Канийцы обошлись с нами как с приблудившимися собаками! От эльфов мы не дождемся помощи. Они слишком долго думают, они бессмертны и могут позволить себе задуматься на сотню лет. А у нас нет времени, мы не можем так долго ждать. Мы должны продолжать наш путь. Мы должны найти Ису, найти потерянных братьев и вернуться к Великому Древу!

Последние слова Глока утонули в общем реве зала. Винсент дрогнул и обеспокоенно закрутил головой, пытаясь подсчитать сторонников Глока, а Гордей сосредоточил свое внимание на Эрике. Тот стоял неподвижно, даже плечом не дернул, но охотник видел, как все внутри маленького гибберлинга кипит от гнева. Охотник очень осторожно коснулся его лохматого плеча, просто чтобы напомнить о своем присутствии. Эрик вздрогнул, резко обернулся к человеку, оскалился… Но потом взял себя в руки. Звериный оскал превратился в грустную ухмылку. Гибберлинг медленно закрыл глаза, тяжело вздохнул и снова обернулся к совету, ничем не выдав своего волнения.

– Иса! – взревел Глок. – Нас ждут благословенные земли! Великое Древо, под которым мы снова будем едины с нашими предками и вкусим радости забытых дней! И мы…

Старейшина, вовсе не выглядевший вкусившим радости, вскинул руку с посохом, призывая к тишине. Глок Ползунов замолк на полуслове и даже чуть отступил, признавая право старейшины закончить разговор. Старик, необычно мрачный, медленно поднялся на ноги.

– Спасибо тебе, Фарид из семьи Такир, за рассказ, – медленно произнес он. – Мы внимательно выслушали тебя. И тебе спасибо, Глок Ползунов, за добрые вести.

Глок, ощутивший, откуда дует ветер, сделал знак хадаганцу, и они оба, поклонившись старейшине, вернулись обратно в

темноту зала, за трон старосты Ползунов.

– Спасибо всем, кто внимательно слушал! – возвестил старейшина. – Воистину, вести добрые и предложение щедрое. Все это, конечно, надо обсудить в общинах. Поговорите со своими старостами, расскажите им о том, что думаете вы и ваши семьи. А сейчас…

– Дозволь и мне слово молвить, уважаемый! – громко и четко произнес Эрик.

Плечи старика опустились. Он тяжело вздохнул, глянул на нарушителя спокойствия и пробормотал – едва слышно, себе под нос:

– Ну конечно. Как же без тебя-то…

– Дозволь мне сказать, старейшина! – настойчиво произнес Эрик. – Мне есть что рассказать совету.

– О чем рассказать? – с раздражением откликнулся старейшина. – Опять о том, что надо не старый дом искать, а новый строить? Слышали мы тебя уже, Резак!

– Вовсе нет, – отозвался Эрик. – Хочу я рассказать о предательстве хадаганцев, о том, как они собираются сделать из нас рабов, рассказать об их лжи и злости!

Зал удивленно притих, а потом взревел сотней голосов. Большинство костерили Резака на все лады, призывая убрать сумасшедшего из зала совета. Но были и такие, кто кричал, что хочет услышать голос против Империи.

– Ты зашел слишком далеко, Эрик Резак! – рявкнул старейшина. – Ты, безумец, оскорбляешь гостей!

Эрик гордо вскинул голову, сделал шаг вперед и заревел во всю глотку:

– Вы хотите знать, почему я ненавижу Хадаган? Хотите знать, почему я стал таким, почему я стал безумным Эриком? Хотите узнать, как погибли мои братья?

Зал мгновенно утих, словно все гибберлинги одновременно захлопнули рты. В наступившей тишине было слышно только тяжелое сопение старейшины, что стоял напротив Эрика, вглядываясь в его лицо своими старческими подслеповатыми глазами.

– Это слово о крови, старейшина, – громко и отчетливо произнес Эрик.

Старик выпрямился и оглядел притихший зал. Никто не посмел ничего крикнуть – даже с того места, где стоял Глок со своими приверженцами, не доносилось ни звука.

– Есть ли кровь на руках? – медленно и с неохотой спросил, наконец, старейшина у Эрика.

– Много крови, старейшина, – отозвался Эрик. – Много крови

моих братьев.

Старик поджал губы, с трудом вскабкался обратно на свой деревянный трон. Утвердившись на нем, старейшина расправил плечи, вздернул подбородок, расправил свою седую бороду и громко стукнул посохом в пол.

– Говори все, что должен, Эрик из семьи Резак, – громко и властно произнес он. – Твое слово.

13

Маленький гибберлинг с проплешинами на мехе от ожогов сделал шаг вперед и стал ровно перед старейшиной. Он выглядел не так внушительно, как его противник Глок. Ожоги, мятый жилет, невзрачный вид… Но глаза Эрика горели огнем, яростным, неугасимым, способным превратиться в мировой пожар.

– Совет гибберлингов! – медленно и твердо произнес Эрик, и его голос громом разнесся над притихшим залом. – Здесь, пред вами, я хочу рассказать историю боли и предательства. Некоторые из вас уже слышали ее от меня. До других доходили слухи. Третьи выдумывали про меня небылицы… Но еще никто не слышал ее полностью. Я ждал, когда соберется этот совет, долго ждал и терпел – чтобы вы все услышали правду от меня, а не из чужих уст.

Отступив назад, Эрик сложил руки на груди, горделиво вскинул лохматую голову и окинул толпу долгим взглядом, словно ожидая, что кто-то ему возразит. Никто не возразил.

– Вы знаете, что не так давно часть гибберлингов наткнулась на большой континент в астрале, – гулко продолжал Эрик, не сводя глаз с толпы. – Многие из нас, устав от блужданий, решили высадиться на сушу, чтобы наконец почувствовать землю под ногами. Я был одним из них, и мой корабль, «Мышелов», был одним из первых, кто встал на стоянку у Крутых Скал.

Эрик снова окинул толпу суровым взглядом – кто-то в темноте начал перешептываться, припоминая, что там стряслось.

– Мы пополнили припасы, – продолжал Эрик, – немного обжились, запаслись деревом и углем. Это был чудесный уголок. Но оказалось – он населен отвратительными орками, что звали свой аллод Изун. Это была их земля и их территория. Некоторое время мы присматривались друг к другу, а потом орки попытались поработить нас, приняв гибберлингов за новое племя гоблинов.

В зале раздался гневный шепот, потом еще один, и вскоре над толпой повисло негодующее гудение. Гибберлинги были довольно воинственны, и мысль о том, что какой-то народ пытался их поработить, им не понравилась.

– Я знаю, – спокойно, с достоинством продолжал Эрик, – что многие из вас в это время находились в пути. Корабли гибберлингов были раскиданы по астралу, и каждый шел к своей цели. Многие не слышали о том, что происходило на Изуне. Или не хотели слышать. Так послушайте сейчас!

Эрик шагнул вперед, вскинул правую руку к потолку и

оскалился. Его глаза сверкали самым настоящим гневом, и казалось, что он обжигающими волнами расходится от маленького гибберлинга.

– Нас было много, пять кораблей, – горячо заговорил он. – Мы давно не видели земли, мы покинули Йул, наш дом, много лет назад, когда вышли в астрал на поиски Исы. И мы страстно желали нового дома. Хотели снова купаться в ручьях, петь деревьям и дать нашим станкам сплести новую нить наших судеб! Мы дали оркам отпор. И они отступили, не в силах одолеть нас.

В зале раздался одобрительный рев, и старейшина вскинул над головой посох, призывая зал к молчанию.

– Но мы не знали, – понизив голос, глухо произнес Эрик, – никто из нас не знал, что орки – союзники Хадагана. Что они часть Империи и сами порабощены жестокими и безжалостными правителями. Потерпев поражение, они воззвали к хозяевам. И их ответный удар был быстрым и сокрушительным.

Опустив руки, Эрик поник, словно тяжесть воспоминаний о трагедии пригнула его к земле.

– Они пришли ночью, – глухо сказал он. – Бесчисленные отряды вооруженных людей. Их вели маги, много боевых магов, мастеров своего дела. Они знали, зачем они идут. Орки хорошо рассмотрели нас и наши корабли. Хадаган знал, что поставлено на карту, и на этот раз нас не принимали за гоблинов.

Эрик помолчал, собираясь с мыслями. В зале было так тихо, что Гордей слышал тихое сопение гибберлингов, окружавших его.

– Они не пытались говорить с нами, – глухо продолжил Эрик. – Не пытались торговаться или говорить. Они атаковали ночью и вырезали почти всех, кто пытался оказать сопротивление. Мы, оставшиеся в живых вояки, стали перед ними живой стеной, стараясь задержать противника, пока остальные укрывались на кораблях. Команды, дежурившие на бортах по ночам, пробовали открыть огонь по врагу. Первому кораблю, «Тростинке», удалось выстрелить два раза и испепелить пару отрядов, дав нам возможность собраться с силами. Но ответный удар магов не заставил себя ждать. «Тростинку» разорвало в клочья вместе с экипажем, и деревянное месиво было пожрано астралом в тот же миг.

Не обращая внимания на гул в зале, Эрик сделал шаг вперед и вскинул голову, вглядываясь в крону странного дерева, высившегося в центре зала совета.

– Мы пытались, – горячо сказал он трепещущим листьям, – пытались скрыть нашу тайну! Мы знали, что умрем. Мы еще дышали и говорили, но знали – мы уже мертвы. Мы не пытались спастись сами. Мы пытались спасти нашу тайну.

Отвернувшись от дерева, Эрик обратил свой горящий взор к залу, в котором, казалось, все перестали дышать.

– Маги Хадагана атаковали снова, – сказал он. – Чарами они захватили корабль «Плывун» и потащили к краю земли, стремясь вытащить его на сушу. Капитан «Плывуна» Иорк Храбрых принял свое решение. Он замкнул реактор, перегрел его. И реактор взорвался в тот самый миг, когда корабль коснулся земли. Выживших не было.

Эрик вновь обернулся к дереву, став спиной к залу, внимавшему маленькому гибберлингу так, как внимают проповеди.

– «Скользкий» и «Пустозвон», наши корабли, забитые семьями, пытались уйти, – глухо продолжал Эрик. – Им удалось отойти со стоянки и направиться вглубь астрала, но… Черная магия хадаганцев настигла их. Объединенные удары магов были так сильны, что оба корабля были разбиты в щепки и медленно погрузились в астрал, уничтоживший и корабли, и их экипаж. Хадаганцы не собирались оставлять свидетелей.

– А ты? – вдруг выкрикнул кто-то из зала. – Что делал ты, Резак?

Старейшина грозно взревел, грозя нарушителю тишины страшными карами, но Эрик вскинул руки, призывая всех к спокойствию.

– Я с моими братьями защищал подход к моему «Мышелову», – спокойно ответил он. – Мы стояли насмерть, пытаясь своими телами закрыть проход вражеской пехоте. Они шли по нам, как по сорной траве. Маги больше не открывали огонь по последнему оставшемуся кораблю, опасаясь, что им ничего не достанется. Поэтому вперед шла пехота, захватчики, особые отряды, вооруженные крюками и тупыми стрелами. Они хотели взять нас в плен.

Эрик тяжело вздохнул и обернулся к залу, чудовищным усилием воли пытаясь держать себя в руках.

– Мы пытались дать нашим инженерам несколько минут, чтобы они успели перегреть реактор, как это сделала команда «Плывуна». Но они не успели. Маги Хадагана сотворили злую волшбу, что лишила нас сил и сознания. Удары магии сбивали нас с ног, а хадаганцы хватали нас и вязали. Я видел, как умерли мои братья. Не желая сдаваться в плен, они бросились на солдат Империи, пытаясь прорваться к ближайшему магу. Их проткнули несколько стрел, их секли мечами и били булавами. Но до последнего вздоха мои братья шли вперед, пока оба не рухнули на окровавленную траву берега Изуна.

Эрик вскинул руки к листве дерева, и по его телу прошла

волна дрожи. Шерсть встопорщилась, уши стали торчком.

– Я прорывался к кораблю! – воскликнул Эрик. – Я хотел помочь моим оглушенным ремонтникам взорвать реактор! Я хотел умереть вместе с «Мышеловом»! Но он, уже захваченный чарами хадаганцев, медленно плыл к земле. На корабле еще оставался кто-то в сознании. Не знаю, кто это был. Но он попытался сделать хоть что-то и выстрелил из бортового оружия прямо в берег перед собой, надеясь, что отдача разрушит корабль. Этого не произошло – «Мышелов» лишь помяло, а берег превратился в огненный пруд.

Рывком повернувшись к залу, Эрик протянул руки к примолкшим гибберлингам и продолжил – торопливо, глотая слова и окончания, словно пытаясь из последних сил удержаться от слез:

– Взрыв отшвырнул меня далеко в сторону! Израненный и обожженный, я больше не мог двигаться. Я мог только лежать под горящим кустом, как груда мусора, и беспомощно наблюдать за тем, как хадаганские маги втягивают мой помятый «Мышелов» на берег. Мир угасал вокруг меня, свет уходил. Моя нить истончилась, готовясь исчезнуть из мирового узора. И последнее, что я видел, – как солдаты Хадагана осторожно выносят с корабля тела моих матросов и связывают им, беспамятным, руки.

Гордей почувствовал, как между его лопаток пробежал холодок. Он непроизвольно вздрогнул, представив, что пережил Эрик. Это было… Ужасно. Потому что это была не история про древних героев, а самая настоящая правда.

– Очнулся я на корабле Сига Быстрых, – медленно продолжил Эрик. – «Бесстрашный» шел к нам, надеясь присоединиться к нашему маленькому флоту. Он лишь немного опоздал. Когда «Бесстрашный» появился у Изуна, все было кончено. Сиг прошел вдоль обожженного берега, уже опустевшего, тщательно вычищенного орками, и его наблюдатели каким-то чудом заметили меня в обгорелых кустах. Сиг сам прыгнул за мной с борта корабля, подхватил и прыгнул обратно, прежде чем орки успели поднять тревогу. Хадаганцы, успевшие отойти к порталу, ведущему на их главный аллод, не успели вернуться, а орки ничего не могли поделать с уходящим кораблем. «Бесстрашный», ставший последним свидетелем, успел уйти прочь от берега великой скорби.

Медленно выпрямившись, Эрик расправил плечи и повернулся к примолкшему старейшине. И сам старик, и оба его седых брата не отрываясь смотрели на возмутителя спокойствия.

– Вот мое слово, старейшина, – твердо сказал Эрик. – И о оно о крови гибберлингов на руках Хадагана. Я, Эрик Резак,

утверждаю, что Хадаган напал на наш род. Взял многих в плен. Захватил корабль «Мышелов». А теперь хочет обманом заманить остальных в свои сети. Я все сказал.

Сразу же после этих слов зал словно взорвался – гибберлинги орали так, что, казалось, весь корабль совета ходит под ногами ходуном. И громче всех вопили старосты, требуя себе слова. Старейшина отчаянно колотил посохом по своему деревянному трону, но его усилия были тщетны. Эрик невозмутимо стоял в центре разразившегося урагана, сложив руки на груди и устремив взор на древо, росшее посреди зала.

В дело вмешалась охрана – они разняли пару драк и силой заставили замолчать самых отчаянных крикунов в зале. Теперь кричали лишь старосты и больше всех – староста Ползунов. Не удержавшись, он вскочил на ноги и побежал к старейшине.

– Эта история! – загромыхал он, обращаясь к старцу. – Мы слышали о ней! Мы все знаем, что на Изуне братьев атаковали орки и вынудили наши корабли бежать!

– Это были корабли Сигизмунда! – резко ответил Эрик. – И они ушли раньше, едва начались неприятности с орками. Да, они отправились на земли канийцев, где их встретили тоже не слишком ласково. Но их никто не истреблял!

– А вы остались, глупцы! – взревел староста Ползунов. – Ты! Ты виноват в гибели своего флота! Ты оставил их там, и орки вырезали вас. Не было там никаких хадаганцев, этому нет свидетелей!

– Ты сомневаешься в моем слове, староста? – воскликнул в запале Эрик. – Я готов ответить за него!

– Тихо! – взревел старейшина. – А ну, охолони! Эрик, кто еще видел хадаганцев?

– Никто, – признался Резак. – Я единственный, кто выжил. Сиг Быстрых вырвал меня из лап орков, но к тому времени хадаганцы уже ушли с берега.

– Да он просто умом тронулся! – завопил староста Ползунов. – Неужели вы не видите? Он остался один, без братьев, которых вырезали орки. И просто спятил, как всякий ущербный огрызок! Ему все привиделось, хотя он и честно верит в свои бредни!

Эрик сдавленно вскрикнул и шагнул к старосте, но тот ловко отскочил назад, к своим братьям.

– Назад, – загремел старейшина. – Охрана!

Эрик вскинул руки и отступил на шаг, признавая, что погорячился.

– Резак! – позвал старейшина. – Почему ты раньше не рассказывал об этом? Почему не обратился к совету?

– Я рассказывал! – воскликнул Эрик. – Но никто не верил мне. Я сделал большую ошибку. Сразу после того, как «Бесстрашный» нагнал наш флот, я обратился к самым свирепым воякам гибберлингов. К самым сильным, к самым выносливым! И рассказал им все, надеясь, что они пойдут за мной к берегам Изуна.

– И кому ты это рассказал? – изумился старейшина. – Кто это?

– Это Глок Ползунов, – взревел Эрик, ткнув пальцем в темноту, туда, где прятался черный гибберлинг. – Я открылся ему! И Глок поддержал меня! Обещал помощь и поддержку! Говорил, что готов поднять всех Ползунов, чтобы вызволить из неволи остатки моей команды!

Зал завопил так, что у Гордея заложило уши. Он бросил быстрый взгляд на эльфа, но тот стоял неподвижно, с горящими глазами, впитывая каждое слово, что доносилось из уст гибберлингов.

– Глок Ползунов! – взревел старейшина. – Это правда? Резак говорил с тобой?

Большой черный гибберлинг осторожно выступил в освещенный круг, подошел ближе и стал рядом со своим старостой.

– Он приходил ко мне, – признался Глок. – Эрик Резак – совершенно обезумевший после трагических событий на береге Изуна. Он был явно не в себе, бредил магами, орками, взрывами кораблей. Его ум был затемнен после гибели братьев. Я пытался успокоить его как мог, думал, что если пройдет достаточно времени, то Эрик успокоится. Но этого не произошло! Его безумие только нарастало! И теперь мы видим, к чему это привело!

– К чему? – взревел Эрик, потерявший терпение. – К чему это привело, скажи?

– К тому, что ты хочешь погубить весь наш народ, – зарычал Ползунов. – Разве не видите, к чему он нас толкает? Он хочет объявить войну Империи, напасть на Хадаган! На наших будущих союзников, обещавших нам помощь!

– Это ты погубишь нас! – закричал Резак, и Гордей с Винсентом одновременно шагнули вперед, готовясь ухватить его за плечи. – Ты хочешь продать нас в рабство Хадагану, сделать нас их новыми гоблинами! Стоит только открыть им секрет, как мы станем им не нужны! Мы все попадем на рудники, в цепи, а за остатками нашего флота будет охотиться флот хадаганцев, чтобы убить всех, кто владеет секретом путешествий в астрале!

В зале снова закричали, а старосты вскочили с кресел,

готовясь вцепиться друг в друга. Охрана времени зря не теряла – простых крикунов в зале успокоили ударами дубинок, а старост растащили в разные стороны. На площадке, у старейшины, остались лишь две тройки, стоявшие друг напротив друга и сверлящие противника ненавидящими взорами. Глок и двое его братьев стояле ровно напротив Эрика, за плечами которого высились Гордей и Винсент. Молодой охотник понимал, что сейчас они с эльфом вряд ли сойдут за семью Эрика, и, по-хорошему, не имеют права вмешиваться в дела гибберлингов. Но он знал – если Ползуны шагнут вперед, он, Гордей Ветров, бросится им навстречу, чтобы защитить Эрика, последнего из семьи Резака.

– Тихо! – ревел старейшина. – Всем тихо! Охрана! Палками их, палками! Несите розги!

Крепкие гибберлинги ступили в освещенный круг рядом с креслами старост, и это отрезвило крикунов. Голоса стали потише, а старичье, выдохшись, тяжело расползлось обратно по креслам.

– Эрик, – позвал старейшина. – К чему ты клонишь? Говори покороче.

– Нельзя заключать союз с Хадаганом, – отрезал тот. – Они преступники и желают нам зла.

– Чем ты можешь доказать свои слова? – спросил старейшина. – Подумай Резак. Я знаю, многие поверят тебя на слово, но его маловато, чтобы изменить судьбу всего народа.

– Я знаю, как подтвердить мои слова! – воскликнул Эрик. – Я отправляюсь на Изун! Я знаю, моя команда еще жива! Я больше не надеюсь на вояк наших кланов, я все сделаю сам. Я освобожу их и приведу на совет. И тогда это будут не просто слова безумца, а слова тех, кто может рассказать правду. Все, кто верит мне, – идемте со мной!

– Это безумие! – завопил Глок, делая шаг вперед. – Этот болван хочет напасть на наших союзников! Хадаган никогда не простит нам этого и будет прав! Останови этот кошмар, старейшина!

– Тихо! – крикнул старец, поднимаясь на ноги.

Тяжело дыша, он забрался ногами на деревянное растрескавшееся сиденье трона и возвысился над толпой.

– Хадаганец! – зычно позвал он, обводя взглядом зал. – Позовите его!

Высокий человек неслышно выскользнул из темноты и встал за спиной братьев Ползунов, как длинная тень – темная, бесшумная.

– Хорошо, – сказал старейшина, устремляя взгляд на него. – А

теперь, совет, слушайте мое слово.

Откашлявшись, старик приподнял посох и заревел так, что его было слышно в самом дальнем уголке зала.

– Эрик Резак хочет получить виру за своих братьев! Он в своем праве. Пусть идет и делает то, что велит ему его нить судьбы!

Глок Ползунов запротестовал, но староста Ползунов одернул его – перебивать старейшину было строжайше запрещено.

– Но это только дело между Резаком и Хадаганом, – продолжил старейшина. – Любой другой, кто пойдет за ним, будет изгнан!

Зал недовольно загудел, но старейшина, не обращая внимания на остальных, обратился к хадаганцу.

– Фарид, представитель советника Императора, – прогудел он. – Понял ли ты, что я сказал? Это не дело гибберлингов. Это дело Эрика Резака и Хадагана.

– Я услышал вас, уважаемый, – медленно ответил хадаганец. – И я понимаю, о чем вы говорите.

– Хорошо! – рявкнул старейшина. – Дальше. Никаких доказательств вины Хадагана нет. И пока их нет, мы будем рассматривать предложение Империи о союзе!

Гибберлинги в зале снова завопили, но охрана была наготове и быстро успокоила крикунов. Со словом старейшины не шутят.

– Вот и все! – возвестил старейшина. – Эрик Резак, мы выслушали тебя. Если у тебя будет что добавить – возвращайся. А пока совет не желает тебя видеть. Глок Ползунов! Мы выслушали тебя. Совет обсудит твое предложение о союзе с Империей. Тир Ловких! Мы выслушали твое слово о посольстве в Новограде. И при обсуждении всех дел мы учтем твое мнение. А теперь совет на сегодня закрыт!

Шум в зале поднялся невообразимый, и ему не могли помешать даже охранники совета. Началось несколько драк, старосты бросились к старейшине с воплями и угрозами. Эрик же, бросив многообещающий взгляд на Глока, вопреки опасениям Гордея, просто отвернулся и с мрачным видом двинулся прочь, в толпу.

– И что теперь? – спросил Гордей, нагоняя Резака, которого уже плотной толпой окружила команда «Бесстрашного».

– Здесь у нас больше нет дел, – откликнулся Эрик. – Мы уходим, Гордей. Уходим с совета, уходим из флота гибберлингов. Мы с Сигом идем на Изум. Ты можешь поговорить со старейшиной, может, после совета один из кораблей будет проходить недалеко от Новограда…

– Ты что, чокнутый? – воскликнул Гордей. – О, прости. Ты

что, думаешь, я останусь тут? Брошу тебя и Винса? После всего того, через что мы прошли?

Эрик резко остановился, да так, что идущий за ним эльф чуть не сбил его с ног. Резак медленно обернулся, взглянул в лицо охотника – снизу вверх. Вероятно, он увидел в лице молодого человека что-то такое, что заставило его улыбнуться – криво, через силу, но – улыбнуться. Эрик поднял лапу и ухватил охотника за локоть.

– Добро пожаловать, Гордей Ветров, – тихо сказал он. – Ты самый лучший из людей, которых я только видел. Я горжусь тем, что буду стоять рядом с тобой во время битвы.

Гордей медленно положил ладонь на плечо гибберлинга, улыбнулся в ответ, а потом обернулся. Там, за ними, начиналась очередная драка. А на освещенном пятачке ссорились старейшина и старосты общин.

– Ты прав, – шепнул Гордей гибберлингу. – Тут больше нечего делать. Идем.

И они пошли – все вместе, одной большой дружной семейкой, в которой каждый был готов отдать жизнь за соседа.

Им предстоял долгий путь.

Часть третья
Песнь о гибберлингах

1

На этот раз Гордей подготовился заранее и вышел на палубу «Бесстрашного» задолго до прибытия к цели путешествия. Он так и стоял на крошечном мостике, сжимая руками низкие перильца, пока вдалеке, из сиреневого облака, не показалась земля. Сначала она была похожа на большой ком, спрятавшийся за сиреневым облаком. Потом она стала больше, еще больше, облака вдруг расступились в стороны, и Гордей с восторгом увидел перед собой огромный край земли. Серый, темный, поросший кое-где приземистым лесом, но – край земли. Сжав зубы Гордей до боли в глазах всматривался в новый мир. Даже в самых смелых мечтах он не думал о том, что увидит другой аллод, да еще и враждебный.

– Волнуешься? – раздался из-за спины тихий голос, и охотник чуть не подскочил от неожиданности.

– И не думаю, – проворчал он, косясь на внезапно появившегося на мостике Винсента. – Просто… Красиво.

– Красиво? – эльф встал рядом с другом, ухмыльнулся. – Это кусок камня, покрытый лишайником! Видел бы ты наши воздушные леса и искристые водопады.

– Может, и увижу еще, – отозвался Гордей. – Мне бы хотелось посмотреть на леса эльфов.

– Мне тоже, – отозвался Винсент и помрачнел. – Кто знает, как все сложится.

Гордей развернулся к эльфу и легонько коснулся его плеча, чтобы приободрить друга.

– Все будет хорошо, – уверенно сказал он. – Я чувствую – у нас все получится. Мое чутье охотника еще ни разу не подводило.

Эльф не ответил, лишь дернул плечом и перевел взгляд на берег, вдоль которого тихо скользил «Бесстрашный». Гордей отвернулся, бросил взгляд на чужой берег. Серые камни, низкий лес, темнота, изломанные скалы – серый и унылый мир казался безжизненным. Ни огонька, ни искорки.

Винсент с шумом втянул воздух носом и одернул длинный плащ. Потом запустил руку за отворот и вытащил на свет лиру – ту самую, что раздобыл у гибберлингов-торговцев на корабле совета. Гордей косо глянул на этот инструмент. Изогнутый, словно лук, он больше напоминал деревянную подкову с пятью серебристыми струнами. Когда он увидел лиру первый раз, она больше походила на кусок старой потемневшей деревяшки. Но эльф, сидя в каюте, не терял зря времени – возился с этой штуковиной как с любимой игрушкой. Чистил, полировал,

покрывал затейливой резьбой. В результате сейчас лира напоминала произведение искусства, светившееся изнутри мягким золотистым светом.

Винсент потер пальцем золотистый бочок лиры, стирая видимую лишь ему грязь, и тяжело вздохнул.

– Оставь, – посоветовал Гордей. – Все и так хорошо.

– Нет, – резко ответил эльф. – Не хорошо. Ты не понимаешь, Гордей! Это не настоящий инструмент. То есть он настоящий, но… Это как нож из камня! Сгодится для кое-чего, но это вовсе не меч из волшебной стали, понимаешь? Боюсь, от меня будет немного толку в нашем деле. Мне нужен настоящий инструмент, чтобы я мог полностью контролировать свою силу.

– Понимаю, – произнес охотник. – Я бы тоже неловко чувствовал себя с детским луком.

Эльф чуть отодвинулся и окинул друга долгим взглядом, оценивая, насколько тот готов к бою. Гордей с достоинством встретил этот взгляд – к бою он был готов. Жаль, что у гибберлингов не нашлось доспехов по размеру. Но все же ему удалось пришить к подкладке своей многострадальной куртки несколько кусков толстой кожи – от серьезного удара не спасет, но вполне может отвести нож или стрелу на излете. Рукавов у куртки не было, но Гордей уже успел к этому привыкнуть. И даже больше, это ему понравилось – так было удобно действовать руками, ничего не мешало. Капюшон, прикрывавший его лицо на совете, охотник так и не отодрал – просто откинул за спину. Может, еще и понадобится. Штаны не претерпели никаких изменений, разве что добавилась пара новых дыр. И сапоги – вечные старые, не знающие сноса сапоги из кабаньей кожи.

Все это было хорошо, но главным предметом гордости Гордея оставалось оружие. Свой длинный черный лук он оставил в каюте – для него все равно не было подходящих стрел. Зато взамен хозяева подобрали своему гостю новый лук – свой, гибберлингский. Он был маленьким по человеческим меркам, но по меркам малышей – огромным. Йорл, оружейник «Бесстрашного», сразу сказал, что ни один гибберлинг не попрется в подземелье с боевым луком в своей рост. Там с ним не развернешься. А вот человеческому дылде эта штука будет в самый раз.

Гордей легко мог повесить его на плечо, но пока держал в руках, сняв, конечно, тетиву. Но самым главным приобретением были стрелы – короткие, для гибберлингского лука, аж два колчана, висевшие вперехлест за спиной. Когда старик Йорл выдавал их Гордею, то страшно волновался.

Стрелы были не простые, волшебные. Те, что были с синим

наконечником, по словам Йорла, при попадании разряжались ударом молнии, либо убивая цель, либо заставляя ее биться на месте в корчах. Те, что были с красным, – полыхали огнем, сжигая все на своем пути. Именно с такими стрелами вступали в бой с врагом Проныры – легендарные лучники гибберлингов. Остались эти стрелы с древних времен – сейчас мало кто из гибберлингов ходил с такими длинными луками, но когда-то, по уверению Йорла, Проныры все шатались с такими луками, что были чуть ли не больше их роста. Правда, это было давно, еще во времена войны гоблинов и гибберлингов, и Йорл был не уверен, что все стрелы еще в сохранности, но… Но он с радостью отдал их своему новому другу – человеку. Сам Гордей понятия не имел, как будут работать эти волшебные наконечники, и надеялся на то, что они хотя бы будут вести себя как обычные стрелы. Ему бы хватило и этого.

Ухмыльнувшись, Гордей в свою очередь осмотрел эльфа. Тот выглядел как обычно – высокий, черноволосый, в длинном, до пят, зеленом плаще. Под ним скрывался чистый зеленый камзол, бриджи, черные мягкие сапоги. Вся одежда у эльфа непостижимым для Гордея образом стала чистой, словно только что вышла от портного. Никаким особым оружием Винсент не обзавелся – кроме лиры, конечно. Лишь на поясе его висел меч гибберлингов – что в руках эльфа выглядел лишь длинным кинжалом. Зато с другой стороны на его поясе висела небольшая кожаная сумка.

– Увы, – сказал Винсент, поймав взгляд Гордея. – Боюсь, в этом походе мы будем бесполезным балластом.

– Это еще почему? – удивился охотник.

– Эрик поведет в бой дружину корабля, – отозвался Винсент. – Это слаженный и дружный отряд, выученный сражаться плечом к плечу. Они знают, что делать, как делать и когда делать. И именно сейчас он дает своей дружине последние наставления.

– А как же мы? – возмутился Гордей. – Он что, нас в расчет не берет?

– Судя по тому, что мы здесь, а они там, нет, не берет, – сказал Винсент.

– Ну, это как-то даже обидно, – признался охотник. – Нет, я, конечно, не настоящий воин, я охотник, но…

– Я тоже не воин, – отозвался Винсент, провожая взглядом скалу, скользнувшую совсем рядом с бортом «Бесстрашного».

– Но, – настойчиво продолжил свою мысль Гордей. – Но Эрик мог бы и нам что-нибудь рассказать.

– Что именно? – эльф ухмыльнулся. – Или тебе мало тех пяти

часов?

– О! – Гордей скривился, припомнив, как Эрик долго и нудно рассказывал друзьям о том, что им надо делать в бою и что не надо делать в бою. – Наверно, это какая-то особая гибберлингская тактика, типа – занудеть врага до смерти.

– Боюсь, ты прав, – признал Винсент. – Но пойми, это очень важно для Эрика. Он хочет, чтобы все прошло как надо. Можно сказать – это дело его жизни.

– Все пройдет как надо, – отрезал Гордей, распрямляя плечи. – Надо просто в это верить.

Ответить Винсент не успел – над кораблем пронесся тихий свист, и тут же на палубу высыпала команда. Два десятка гибберлингов заметались от борта к борту, таская канаты и странные деревянные круги. «Бесстрашный» стал замедлять ход, и палуба под ногами Гордея задрожала. Он уже знал, что это значит: машины сбавляли обороты. За время пути у него было время хорошенько покопаться в конструкции корабля – под руководством Эрла, конечно. И каждый раз, слушая очередное объяснение гибберлинга о том, как это все работает, Гордей ужасался своему невежеству. Он так хотел все это понять, но… Для этого, наверно, надо было родиться гибберлингом. Хотя сам Эрл был очень доволен учеником – постоянно хвалил Гордея и грозился взять его в свою ремонтную команду.

– Ну что, дылды, – раздался низкий голос, заставивший Гордея вынырнуть из воспоминаний. – Готовы к бою?

– Готов! – с жаром откликнулся Гордей, оборачиваясь к Эрику, выступившему из черного проема двери на деревянный мостик.

Резак медленно подошел к перилам, бросил взгляд вниз, на палубу, на суетящихся матросов «Бесстрашного». Он привел себя в порядок – вычистил горелую шерсть, подровнял бороду и выглядел теперь не хуже старейшин на Совете. На Эрике был жесткий кожаный колет, похожий на кирасу, и маленький кожаный шлем. На поясе у него висели два коротких – даже для гибберлинга – меча. А за спиной – круглый маленький деревянный щит, делавший его похожим на черепаху.

– Эрик, друг мой, – вкрадчиво сказал Винсент вместо приветствия, – ты не хочешь нам кое-что рассказать?

– О чем? – буркнул Эрик, оглядывая пустынные серые скалы на берегу аллода. – О моей волшебной тактике?

– Вовсе нет, – тихо, но серьезно произнес эльф. – Ты не хочешь рассказать, куда ты нас затащил?

Гордей насторожился. И правда – он представлял, что Изун, на котором жили орки, будет более, ну, живым, что ли. А тут – ни

огонька на берегу, ни искорки.

Эрик сердито засопел и бросил косой взгляд на эльфа. Тот вопросительно вскинул бровь.

– Это что, – спросил он. – Тайна?

– Да какая тайна, – Эрик сдался и тяжело вздохнул. – Ты, конечно, прав, Винс. Это не Изун.

– Как! – воскликнул Гордей. – Ты же говорил, что мы идем на Изун! К месту боя!

– Бой действительно был на том берегу скорби, – тихо ответил Эрик. – Но ни пленников, ни корабля там давно уже нет. Хадаганцы не оставили бы такую добычу оркам. Через магические порталы их переместили в другое место.

– В какое? – потрясенно воскликнул Гордей. – Куда?

– Туда, – Эрик ткнул лапой в серый берег.

– А это вообще что? – вкрадчиво осведомился Винсент. – Что это за аллод?

– Понятия не имею, – честно признался Резак. – Там, дальше, есть пять островов. Их названия мы не знаем, зовем их Безымянными. Они населены дикими орками и гоблинами. И тут, на этом маленьком клочке, они тоже водятся.

– Минуточку, – сказал Винсент. – А с чего ты взял, что пленники тут?

– Это секретное место, здесь хадаганские маги держат свои тайны, – отозвался Эрик. – Никто не знает про него, и никому этот кусок камня не нужен. Но сюда ведет магический портал из их столицы.

– Откуда тебе это известно? – напрямую спросил Гордей. – Эрик!

– Сиг помог мне с расследованием, – сдержанно отозвался Резак. – Пока я был у эльфов и пока ездил в Новоград, Быстрых пытался найти следы пленников. И нашел.

– Как? – требовательно спросил Винсент. – Это верная информация?

– Верная, – Эрик ухмыльнулся. – В Хадагане все покупается и все продается. В том числе информация. Золото и драгоценные камни отпирают замки, с которыми не справится отмычка вора.

– Но ты твердо уверен? – с тревогой спросил Винсент. – Сига могли обмануть…

Эрик запустил руку за пояс и вытащил из-за него желтый кругляшок, похожий на маленькое солнышко.

– Это амулет Аттла, – глухо сказал Эрик. – Он был моим помощником. И амулет был на нем, когда его уводили в плен. Сигу удалось выкупить эту вещь у того мошенника, что выкупил ее у охранника, который бывал на этом секретном острове.

– Да, но… – медленно произнес Винсент. – Это могла быть… лишь часть добычи.

Эрик медленно разжал другую лапу – и на его ладони засверкал желтый магический кристалл из реактора корабля.

– Я не знаю, живы ли они, – мягко сказал Резак. – Но машина там. Я пойду туда, даже если это ловушка, как ты, Винс, подозреваешь. Я не зову вас с собой. В любом случае это самоубийственное дело. Но другого выхода я не вижу.

– Погоди! – воскликнул Гордей. – А почему ты на Совете говорил про Изун? Зачем?

– О, на этот вопрос отвечу я, – Винсент криво улыбнулся. – Наш Эрик просто не хотел открывать всем свою настоящую цель. Он боялся, что кто-то может последовать за ним и попытаться помешать «Бесстрашному».

– Глок, – выдохнул Гордей, сообразивший, наконец, что к чему. – Если он пошел следом, то сейчас торчит у берега Изуна!

– Эрик, – вкрадчиво сказал Винсент. – Ты слишком коварен для такого маленького и пушистого гибберлинга.

– Приятно слышать такое от эльфа, – Резак откровенно ухмыльнулся.

– Но ты не учел одно обстоятельство, – Винсент вдруг помрачнел. – Боюсь, у тебя меньше времени, чем ты предполагаешь.

– В смысле? – Эрик настороженно глянул на эльфа. – Что я не учел?

– Хадаганец, – веско сказал Винсент. – Ему достаточно просто ступить на Изум и передать ближайшему орку, что ты собрался в поход. Хадаганцы знают, где пленники. Они тут же усилят охрану. Вопрос только в том, когда именно хадаганец Фарид поймет, что ты обманул Глока, и сколько времени понадобиться на то, чтобы весть о твоем обмане дошла до умного хадаганского начальника.

Эрик медленно поднял глаза на эльфа, заглянул ему в лицо снизу вверх. Потом сжал кулаки и повернулся.

– Готовьтесь, – сказал он, бросаясь в черный проем двери. – Выступаем немедленно.

Гордей не успел и слова сказать, а Эрик уже скатился вниз по лестнице, в глубины «Бесстрашного», на ходу ревом созывая свою дружину.

– Ты готов? – спросил Винсент охотника.

– Всегда готов, – спокойно ответил Гордей, поворачиваясь к берегу безымянного аллода.

Он не испытывал страха и огорчения. Все начнется немного раньше – только и всего. Бояться нечего. Это всего лишь еще один

бой.

2

Высадка на берег прошла успешно и очень быстро – словно гибберлингам не впервой было заниматься такими делами. Малыши действовали быстро и деловито, шныряя по всему кораблю на огромной скорости. Гордей и опомниться не успел, как «Бесстрашный» замер почти вплотную и на палубу высыпал большой отряд вооруженных гибберлингов. Тотчас на досках перед ними расцвел синий цветок телепортера, и дружинники Эрика начали один за другим нырять в него.

Гордей даже не успел насладиться этим зрелищем – внезапно, как из под земли рядом появился Тон-лекарь с братьями. Гибберлинги, не церемонясь, ухватили человека и эльфа за руки и в мгновенье ока подтащили к кругу, распихав по дороге своих собратьев. Гордей и ахнуть не успел, как волшебная сила подкинула его вверх. На мгновенье закружилась голова, палуба ушла из-под ног, и охотник чуть не закричал от ужаса. Но в следующий миг земля больно ударила по пяткам – прибыл.

Ошеломленный Гордей, пошатываясь, отступил в сторону, освобождая проход следующим за ним гибберлингам, и только тогда, переведя дух, осмотрелся. На каменном берегу аллода было пусто и темно – над землей стелилась зыбкая ночь. Холодный ветер скользил по скалам берега, обходя стороной кривоватые одинокие елки, высившиеся на утесах.

– Гордей!

Охотник обернулся и поспешил на зов – оказывается, пока он любовался на округу, Винсент успел отойти к основному отряду гибберлингов, что собирался под парой чахлых елок, невесть как выросших на камнях. Тут было темно, хоть глаз выколи, и Гордей видел только смутные силуэты суетящихся гибберлингов. Он даже не мог сосчитать, сколько их, и уж тем более разобрать – где кто. Узнал он только Винсента – его темный силуэт возвышался над толпой дружины как указательный столб. К нему Гордей и направился.

– Держитесь рядом, – шепнул кто-то снизу.

Гордей, наклонившись, разобрал в полутьме знакомую мордочку Тона-лекаря. Вот, значит, кому выпала доля приглядывать за дылдами. Эрик, конечно, был занят – он командовал дружиной. Эрл остался на корабле – как Сиг Быстрых, что всем сердцем хотел присоединиться к вылазке, но после серьезного разговора с Эриком все же остался.

Бросив косой взгляд на Винсента, что глазел по сторонам, впитывая мельчайшие подробности, Гордей опустился на одно

колено и зашептал Тону:

– Все идет по плану?

– Пока что да, – отозвался лекарь, озираясь по сторонам. – Но нам надо торопиться. Пошли, пошли!

– Куда? – поднимаясь, спросил Гордей.

– Первые отряды уже выдвинулись, – бросил Тон. – Винсент, Гордей, держитесь за мной. Идите быстро. И постарайтесь не шуметь.

Ответить охотник не успел – Тон нырнул в темноту, и его ведомым пришлось последовать за юрким гибберлингом, чтобы не отстать.

На ходу Гордей заметил, что дружина с «Бесстрашного» действительно уже тронулась в путь – впереди маячили неясные тени. Вытянувшись в длинную цепочку, гибберлинги быстро скользили между скал, напоминая темный ручеек. Гордей с Винсентом оказались в самой середине этого живого потока, и им не оставалось ничего иного, как двигаться вместе со всеми.

Следующие два часа стали для Гордея настоящим испытанием. Не такого он ожидал от лихого налета на дом врага. Безжалостная битва, пылающие дома, крики боли и ярости, а тут… Два часа быстрой ходьбы, от которой зверски начинают ныть ноги и появляются мозоли на пятках.

Идти приходилось быстро – несмотря на маленький рост, гибберлинги передвигались стремительно, и, казалось, совсем не уставали. Темный ручеек дружины бодро тек вперед, обходя встречающиеся на пути скалы и трещины. В темноте были слышны только шорохи и сосредоточенное сопение – тишину соблюдали все. Шаг за шагом, в кромешной тьме, порой на ощупь, стараясь не упустить из виду белую повязку на руке Тона – вот что бесило Гордея все больше и больше.

Легче не стало даже когда отряд вошел в лес. В первые минуты, когда скалы сменились деревьями, Гордей вздохнул с облегчением – ему было приятно очутиться в знакомой обстановке. Но через десяток минут он снова помрачнел – лес был словно неживым, ненастоящим. Деревья невысокие, скрюченные, многие больные, в лишайниках. Кусты, через которые приходилось протискиваться, – в колючках, под ногами ямы и павшие сучья. И запах… Запах мертвечины, гнили. В таком лесу не отдохнешь душой, не расслабишься. Он давит на тебя, заставляет втягивать голову в плечи, пугаться каждого шороха, озираться по сторонам… И в этот момент нисколько не помогает даже осознание того, что находишься в толпе кучи вооруженных до зубов воинственных гибберлингов.

Продираясь сквозь колючие кусты, Гордей успевал

оглядываться по сторонам. Гибберлингов вокруг него действительно было много, и, что удивительно, большинство из них охотник видел в первый раз. Вот, например, впереди маячит семейка из трех бородатых старцев, которых сопровождает огромная белка. Откуда они взялись? Откуда эта белка? Или вон, позади, – шестеро крепких гибберлингов в кожаных доспехах, увешанные оружием. Идут быстро, тихо, деловито – настоящие бойцы. Но такой блестящей черной шерсти без единого белого пятнышка Гордей не видел на «Бесстрашном». Уж не из общины ли Ползунов эти ребята? И откуда взялись трое крепких, хм, воительниц, в кирасах с – давайте говорить прямо – выпуклостями? Гибберлинок на Бесстрашном Гордей раньше не видел, хотя, быть может, они прятались где-то в недрах корабля? Ну, нет, эти воительницы выглядели так сурово, что, пожалуй, это все остальные должны были прятаться.

Улучив момент, Гордей чуть прибавил шаг и вскоре поравнялся с Тоном, решительно ломившимся сквозь кусты.

– Откуда тут столько чужих? – тихо спросил Гордей, надеясь, что лекарь услышит его вопрос, несмотря на хруст веток.

Тон на секунду остановился, бросил взгляд по сторонам и снова двинулся вперед.

– Это наши друзья, – бросил он на ходу через плечо.

– Откуда они взялись? – зашипел Гордей, бросаясь следом.

– Они поднялись на борт «Бесстрашного» после совета, – шепотом откликнулся Винсент, шедший след в след за Гордеем. – Они поддерживают Эрика.

– Но старейшина запретил! – удивился охотник. – Он же сказал…

– Это гибберлинги, – отозвался эльф, пожимая на ходу плечами. – Ты мог уже заметить, что они упрямые и любопытные. Если что в голову пришло – сделают так, хоть гори все вокруг огнем.

– Тише! – подал голос Тон. – Мы подходим.

Гордей вскинул голову, всматриваясь в темноту леса. И впрямь – впереди, на окраине маленькой полянки, он увидел скопление гибберлингов. Основной отряд остановился, и теперь отставшие догоняли его, вливаясь в толпу шумно сопящих бойцов.

Подойдя ближе, Гордей и Винсент остановились – толпа гибберлингов плотным кольцом окружила Эрика, стоявшего в самом центре и шепотом раздающего указания. Повинуясь взмаху его руки, тройка гибберлингов с луками в руках быстро шмыгнула за ближайший куст и растворилась в темноте. Следом за ними последовала еще одна семейка, забирая правее.

– Следопыты пошли, – проворчал Тон. – Нужно будет подождать.

Толпа гибберлингов тем временем тихонько растеклась по полянке. Каждый, похоже, знал свое место. Некоторые бойцы встали у кустов, словно неся дозор, другие шмыгнули в лес, осматривая окрестности. Большинство же сели на пожухлую траву, чтобы дать отдых ногам. Кто-то недовольно заворчал из-за стертых лап, и Тон, расстегивая на ходу сумку, переброшенную через плечо, отправился к пострадавшему.

Гордей решительно направился к Эрику. Тот, раздав ценные указания, просто стоял в траве, уперев руки в бока, и с суровым видом осматривал свое войско. Рядом с ним стояли два незнакомых охотнику гибберлинга – оба серые, тощие, весьма пронырливые на вид. Они о чем-то тихо говорили, поглядывая на своего вождя, и не забывали посматривать по сторонам.

– Эрик, – позвал Гордей, опускаясь на колени рядом с Резаком. – Что случилось? Почему мы остановились.

Гибберлинг тяжело вздохнул и зыркнул на молодого охотника.

– Так надо, – тихо ответил он. – Мы подходим к поселку, расположенному около лаборатории. Нужно оценить обстановку.

– Лаборатории? – переспросил Гордей. – Это как?

– Это место, где маги разбирают на кусочки вещи, – сказал Винсент, подходя к друзьям и усаживаясь на траву. – Чтобы узнать, как они работают.

– Там и пленников держат, – буркнул Эрик, озираясь по сторонам.

– В поселке? – удивился Гордей. – Ты же говорил, что это тюрьма, подземелья…

– Подземелье, – не стал отрицать Эрик. – Это то, что нам известно наверняка. Но сейчас наши ребята узнают больше.

Винсент, воспользовавшись паузой, выудил из-за пазухи пачку своих бумаг и углубился в их изучение, пытаясь хоть что-то рассмотреть в зыбком лунном свете.

– Тише, – шикнул на него Эрик. – Ты можешь хоть пять минут прожить без этих писулек!

– Нет, – отрезал Винсент. – Это важно, очень важно.

– Важнее твоей жизни, болтун? – усмехнулся гибберлинг.

Эльф вскинул голову и прислушался к темноте. Потом дернул плечом и снова вернулся к бумагам.

– В широком смысле – да, важнее, – пробормотал он. – Надеюсь, этот труд переживет меня и войдет в историю.

– И что же это будет? – полюбопытствовал Гордей. – Песня?

– Баллада, – отозвался Винсент. – Это история рода

гибберлингов. Кто они, откуда пошли, что приключилось с ними. Всякий, кто услышит эту балладу, поймет, кто такие гибберлинги. Слышишь, Эрик?

– Слышу, – буркнул тот, – даже слишком хорошо. Иными словами, ты пишешь историческую нудятину, которую никто, находясь в здравой памяти, не дослушает даже до середины?

– Это почему? – сердито спросил Винсент. – Может, она войдет в список наших обучающих баллад по истории мира…

– И ее будут слушать на уроках несчастные молодые эльфики, – буркнул в ответ Эрик. – И при этом будут мысленно называть тебя старым нудным пердуном.

– А может, получится очень интересно, – сказал Гордей, увидев, что эльф помрачнел. – Я бы послушал такую балладу.

– Чтобы интересно получилось, надо, чтобы в балладе были герои и битвы, – рассудительно заметил Эрик. – Она должна быть такой, чтобы ее спьяну орали на пирах при любом удобном случае. Вот тогда ее точно все услышат.

– Ну, знаешь, – в сердцах бросил Винсент. – Это грубо! Не тебе указывать барду, как ему…

– Тихо, – шикнул Эрик, оглядываясь на чернеющие кусты на краю поляны.

– Не затыкай меня! – возмутился Винсент. – Я…

– Тихо! – зашипел Эрик, а Гордей коснулся плеча эльфа.

В наступившей тишине отчетливо прозвучал крик совы, донесшийся из глубины леса. Эрик тут же повернулся к сероватым гибберлингам, стоявшим за его спиной.

– Поднимаемся, – коротко бросил он. – Выступаем. План два. Идем до самой границы.

Оба гибберлинга дружно кивнули и бросились в разные стороны, спеша донести приказание командира дружины до начальников отрядов.

– Пошли, – бросил Эрик, поправляя ремень с двумя мечами.

Винсент со стоном поднялся на ноги, пряча на груди свои драгоценные бумаги, а Гордей нащупал в нагрудном кармашке тетиву для лука. Не пора ли ее натянуть?

– Вот что, – сказал Эрик, окинув друзей суровым взором. – Держитесь рядом. За вами глаз да глаз нужен.

Гордей хотел возразить, что они не собираются мешать командиру дружины, но и сказать ничего не успел. Эрик взмахнул рукой и решительно зашагал к краю поляны. Рядом с ним тут же пристроились три крепких гибберлинга, видимо, командиры отрядов. Гордей вздохнул и поспешил следом за ними.

3

Темный лес с изломанными деревьями вплотную подступал к высокой горе. Но у самого ее подножья, у отвесного склона, он был вырублен на корню. Получившаяся площадка, размером с родную деревню Гордея, была уставлена низкими круглыми хижинами с остроконечными крышами из сухой травы. Рядом с некоторыми горели маленькие костерки, освещая эту нищую деревеньку. Света было немного, но вполне достаточно, чтобы дружина гибберлингов, засевшая в зарослях неподалеку от последней хижины, смогла разглядеть все подробности.

– Кто это? – едва слышно шепнул Гордей, с удивлением рассматривая странных существ, сгрудившихся у костра, расположенного чуть в стороне от домов.

Они были небольшими, не выше гибберлингов. Большие головы, острые уши, у некоторых – бороды. Выглядели они неопрятно, но вовсе не страшно. Они напоминали смертельно уставших малышей, лениво развалившихся около ночного огонька.

– Гоблины, – шепнул в ответ Эрик, проверяя свое оружие. – Это рабы орков. Значит, и эти громилы где-то поблизости.

Гордей не ответил – он таращился в темноту, пытаясь рассмотреть всю деревеньку и то, что лежало за ней.

Меж маленьких домиков вилась дорога с накатанной тележной колеей. Она шла из дальнего уголка леса и, проходя сквозь деревню, заканчивалась у отвесной стены горы. Там же, в полутьме, виднелись и пара тележек – весьма странных, с длинными палками вместо нормальных оглобель, словно их должны были тащить не лошади, а люди. Там же, рядом, высилась груда бревен, привезенных, судя по следам колес, из леса. За телегами, почти у самой скалы, в темноте прятались два длинных дома, напомнивших Гордею коровники.

– Смотри, – эльф толкнул охотника локтем. – Дальше, дальше смотри!

Гордей прищурился и чуть не ахнул. Дорога, оказывается, упиралась в самую гору, но вовсе не кончалась. В стене виднелась огромная дыра, размером с ворота Новограда, в которой и терялся след колес. Эту дыру с окраины было видно только по одной причине – по ее бокам стояли железные треножники, в которых ярко пылали костры. А рядом с этими светильниками высились темные плечистые фигуры с оружием в руках.

– Охрана, – процедил Эрик и сплюнул в траву. – Орки.

– Как-то их маловато, – заметил один из командиров. – Эрик?

– Остальные в бараках, – отозвался тот и сердито засопел. – На ногах только караульные. Их работа – поднять тревогу.

– А гоблины? – спросил Гордей.

– Они просто рабы, – с печалью в голосе отозвался эльф. – Они обеспечивают едой и припасами этот лагерь. Охотятся, таскают воду, строят дома.

– Но они поднимут шум, если заметят нас, – буркнул Эрик. – А этого нам пока не нужно.

– Я думал, тут будет крепость, – с обидой произнес Гордей. – А тут так, деревня.

– Крепость внутри, – отозвался Эрик. – Мы зашли с черного хода. Через него гоблины возят строительный материал и то, что поймают в лесу. У хадаганцев есть другой вход, рядом с порталом, он с другой стороны горы. И туда нам соваться точно не нужно.

Винсент одобрительно хмыкнул и вновь потянулся к сумке, за своими бумагами, рассчитывая записать все, что успел увидеть. Но Эрик успел схватить друга за руку.

– Не надо, – попросил он. – Винс, приготовься. Мы начинаем.

Отвернувшись, Резак быстро зашептал что-то своим подручным. Те, выслушав командира, быстро разошлись в стороны, повторяя команды всей дружине, засевшей в ближайших кустах. Не прошло и минуты, как вся масса гибберлингов дружно пришла в движение.

– Эрик? – шепнул Гордей, прижимая к груди лук с уже натянутой тетивой.

– Не сейчас, – отмахнулся тот. – Иди за нами. Быстро.

Дружина гибберлингов разделилась – одна ее треть осталась на месте, рассыпавшись по зарослям, а оставшиеся быстро заскользили между кустов, окружавших вырубку. Гордей, пригибаясь и стараясь не шуметь, следовал за Эриком и Винсом, стараясь не отставать. Из речей Эрика он знал, что часть дружина останется наверху – прикрывать вход, не дать его закупорить, чтобы отряд не заперли внутри горы. Но охотник не понимал, как все это можно провернуть, не разбудив всех жителей этой деревушки.

Гибберлинги бесшумно пробрались сквозь кусты, окружавшие деревню, почти до самой горы. Здесь уже не было хижин – рядом стояли лишь пара длинных бараков с орками да четверо караульных у провала, ведущего в недра горы. Дружина Эрика расположилась в близлежащих кустах, а человеку и эльфу пришлось лечь на землю, чтобы не привлекать к себе внимания.

Озираясь по сторонам, Гордей попытался в очередной раз сосчитать гибберлингов – и опять ему это не удалось. По всему

выходило, что здесь, в кустах, прячется их десятка два. Но гибберлинги так здорово прятались среди высокой травы, что охотник не исключал, что их тут намного больше. Приподняв голову, Гордей окинул взором площадку у пещеры. Четверо орков с большими мечами в лапах. Черные доспехи, рогатые шлемы, плечи… Да, они выглядят покрупнее людей. Сразу видно – суровые бойцы. Таких с налета не взять, обязательно кто-то поднимет шум.

– Всем приготовиться, – шепнул Эрик, не сводящий взгляда с бараков, до которых оставалось всего десяток шагов. – Будьте готовы начать бой, если дело сорвется.

– Сорвется? – изумленно переспросил Гордей и тут же получил от Тона локтем под ребра.

– Винсент, – тихо позвал Эрик. – Твой выход.

Эльф медленно приподнялся, стал на одно колено. Поднял лицо к небу, словно пытаясь разыскать в черной пустоте узор знакомых звезд. Потом решительным движением откинул длинные черные волосы назад, за плечи, и вытащил из под плаща лиру.

Музыкальный инструмент, казалось, светился изнутри мягким желтым светом, настолько отчетливо, что Гордей забеспокоился – не увидят ли его караульные орки. Но они не увидели. Винсент поставил лиру на колени, сжал деревянную подкову одной рукой, а другой коснулся серебристых струн. Едва-едва, только кончиками пальцев.

Гордей сначала ничего не услышал. Ему показалось, что сияние лиры усилилось, но звука так и не было. Эльф снова коснулся струн – и Гордей увидел, как они задрожали, как тетива на луке. И снова – звука нет. Лишь обычный гомон ночных птиц, треск костров, невнятное бурчание гоблинов, сидящих довольно далеко, да сердитое сопение орков… И тогда он прислушался как следует, как и подобает охотнику в ночном лесу.

Едва слышимая мелодия вдруг овладела Гордеем. У него словно вытащили затычки из ушей – так отчетливо он вдруг услышал то, что играл Винсент. Это была простая и незатейливая мелодия, повторяющаяся, надоедливая. Но она так ловко вплеталась в звуки ночного леса, что ее никто не замечал. Мелодия скользила от треска костра к храпу орков в бараке, от барака – к лесу, к совам, а потом обратно к костру.

Одни и те же ноты, один и тот же звук. Хрустальные колокольчики, напоминающие пение весеннего ручья, играющего с льдинками. Снова и снова, все громче и все прекрасней.

Получив удар локтем в бок, Гордей вскинулся и открыл глаза. Задремал! Заснул на ходу! Тряхнув головой, охотник покосился

на Тона, показавшего человеку мохнатый кулак, и кивнул. Вот, значит, в чем магия. Гордей сердито засопел, слушая назойливый гул серебристых струн, а потом сильно, до крови, прикусил губу.

Винсент вдруг рывком поднялся на ноги. Лира в его руках светилась, струны дрожали от напряжения, повинуясь длинным тонким пальцам, мелькавшим так быстро, что превращались в зыбкое марево. Гордей, зачарованно следивший за их движением, даже не заметил, как Винсент открыл рот и начал петь. В его голосе не было ничего человеческого – это были звуки ночного леса, шорохи и скрипы. Хруст веток, треск костра, крик совы, а потом… Все та же назойливая мелодия, похожая на звон хрустальных колокольчиков.

Гордей мотнул головой, стряхивая наваждение, и отвернулся, жалея о том, что не догадался сделать затычки для ушей. Теперь он смотрел на стражников у черного зева пещеры. Прямо на глазах охотника они начали покачиваться в такт мелодии эльфа. Сначала едва заметно, перетаптываясь с ноги на ногу, потом все сильнее, уже заметно качаясь из стороны в сторону.

Эрик приподнялся и махнул рукой. Тотчас из кустов рядом с ним выкатились шестеро гибберлингов – черные, крепкие, высокие, все как на подбор. Настоящие вояки. Совершенно бесшумно они скользнули к длинному бараку, прокрались вдоль него до самого угла и застыли в десятке шагов от караульных. Гордей от волнения прикусил губу и чуть не вскрикнул от боли – губа оказалась уже прикушенной.

Один из караульных вдруг пошатнулся, начал падать, за ним последовал второй… Рослые гибберлинги метнулись вперед черными молниями. В мгновенье ока они подхватили падающих орков и осторожно уложили их на землю, рядом с горящими треножниками. Остальные гибберлинги так же легко и бесшумно уложили рядом с ними тех, кто еще не успел упасть самостоятельно.

Пораженный Гордей приподнялся и бросил взгляд на деревню гоблинов. Тихо. Никто не кричит, не размахивает оружием… Никто ничего не заметил!

Голос эльфа и звук его лиры все еще путешествовал между домами, забираясь в самые дальние закоулки. Винсент по-прежнему пел и играл, выпрямившись во весь рост и запрокинув лицо к темному небу. Его черные волосы развевались за спиной, хотя никакого ветра и в помине не было.

Кто-то тронул Гордея за руку, и он обернулся – конечно, это оказался Тон. Гибберлинг, скорчив сердитую мину, махнул лапой, и охотник, оглянувшись по сторонам, только сейчас понял, что происходит. Оказывается, как только стражники оказались на

земле, дружина двинулась вперед, к входу в пещеру. Эрик, возглавлявший шествие, был уже у самых треножников и теперь наблюдал за тем, как его войско быстро и бесшумно втягивается в черный зев горы, подобно темному ручейку.

Гордей поднялся на ноги и поспешил следом за лекарем, шедшим одним из последних. Пригибаясь, сжимая в руках короткий лук, охотник короткими перебежками добрался до барака, скользнул вдоль него, быстро пересек отрытое пространство и, прошмыгнув мимо сердитого Эрика, бросился в спасительную темноту пещеры. Здесь, у входа, под его сводами, собралась уже вся дружина гибберлингов. Снаружи остались только Эрик, черные крепкие вояки да Винсент, что все еще выводил свою заунывную мелодию.

Выглянув из-за угла, Гордей сжал зубы. Эльф, оказывается, не стоял на месте – он медленно двигался следом за гибберлингами. Медленно – очень медленно. Это, казалось, сердило Эрика – он аж пританцовывал на месте, не отрывая взгляда от еле плетущегося Винсента. А тот и не торопился. Все так же медленно, крошечными шажками, добрался до барака и двинулся вдоль него. И при этом ни на секунду не переставал петь и играть и даже не сбился. Музыка звучала над притихшей деревней гоблинов, как тугая натянутая тетива.

К тому времени как Винсент добрался до горящих треножников, Эрик успел прийти в такое бешенство, что был готов рвать на себе волосы. И все же он не посмел ни разу окрикнуть эльфа – боялся, что разрушится колдовство.

И лишь когда Винсент вошел под черные своды пещеры, Эрик сердито фыркнул и посторонился, пропуская своего друга внутрь. Потом он загнал в черный проход шестерых вояк и лишь потом, последним, вошел сам.

В тот же миг Винсент перестал петь, опустил лиру и зашатался, словно пьяный. Гордей, оказавшийся рядом, бросился к другу, ухватил его за локоть и удержал от падения. Эльф повернул к охотнику бледное, без единой кровиночки лицо, и в отблеске света треножников Гордей увидел, что Винсент мокрый, словно только что вылез из реки.

– Тяжело, – шепнул эльф, вытирая рукавом пот со лба. – Эта штука меньше, чем нужно.

Гордей не успел ничего сказать – Эрик сердито зашипел, замахал руками и отогнал друзей от входа вглубь, в самую темноту пещеры. Охотник, поддерживая Винсента, сделал несколько шагов в темноту и вскинул голову.

Перед ним раскинулся длинный темный туннель. Здесь, у входа, было еще немного светло – от тех треножников, что стояли

у входа. В их неровном свете были видны следы колес на земле, уходящие в темноту. Дальше никакого света не было, лишь где-то далеко впереди горела то ли свеча, то ли одинокий факел – подобно путеводной звезде. А темнота казалось живой. Гордей невольно положил руку на нож за поясом – когда ему почудилось, что там, в глубине, что-то есть.

Гибберлинги, сгрудившиеся на краю темноты, казалось, тоже почуяли неладное. Зашелестели плащи, зазвенела сталь – и тут же стихла, когда вперед выступил мрачный Эрик. Он поднял руку, и в его ладони блеснул тусклый огонек – один из тех кристаллов, что освещали корабль.

– Вперед, – тихо произнес Резак. – За наших братьев. За наши корабли и по велению сплетенья нитей судьбы. Вперед.

Развернувшись, он решительно зашагал в темноту пещеры. Гибберлинги без единого звука потянулись следом за ним, и даже Винсент, едва державшийся на ногах, двинулся следом.

Оглянувшись, Гордей увидел черных вояк, стоявших за спиной. Один махнул лапой – мол, иди, а мы прикроем. Охотник снял короткий лук с плеча, быстрым движением проверил стрелы в колчанах за спиной и двинулся следом за друзьями.

4

Пещера, ведущая в глубь горы, оказалась поистине исполинских размеров. Сколько ни всматривался Гордей в темноту, но так и не смог разобрать, где кончается тьма и начинаются камни.

Первую сотню метров гибберлинги преодолели чуть ли не прыжками, в мгновенье ока очутившись около масляной лампы, висевшей на цепи, торчащей прямо из скалы. Здесь находилась большая площадка, а прямо под лампой, в круге света, стояли штабелями бочки, как показалось Гордею, с водой. Рядом с ними примостился ворох кривоватых, плохо оструганных досок и маленькая двухколесная тележка. Следы от колес на земле свидетельствовали о том, что ею частенько пользуются. Но самое главное было то, что в стене виднелись два провала – здесь, у лампы, начиналась развилка пути.

У телеги Эрик остановился и перекинулся парой коротких фраз со своими капитанами. Те, едва получив приказ, разошлись в стороны, и несколько гибберлингов шмыгнули дальше, в темноту пещеры. Следопыты – понял Гордей, подтягивая пояс. Неужели снова придется ждать?

Но ждать не пришлось. Эрик без колебаний взмахнул рукой, и оставшаяся дружина гибберлингов двинулась в правый проем, что казался побольше левого. Гордей и Винсент, очутившиеся в самой середине толпы гибберлингов, ускорили шаг, чтобы не отставать от Резака, возглавлявшего свое войско.

Идти им пришлось долго. Гордей, с трепетом ожидавший проникновения в недра вражеской крепости, успел даже заскучать. Вокруг него по-прежнему царила темнота, а длинные и пустые коридоры вились бесконечным лабиринтом, из которого не было выхода.

Гибберлинги шли быстро, дружно, опускаясь все ниже и ниже. Некоторые, повинуясь только им известным сигналам от командиров отрядов, ныряли в ответвления туннелей и вскоре возвращались, нагоняя группу, двигавшуюся обычно по самому большому из проходов. О своих находках разведчики докладывали Эрику. Тот порой на ходу менял свое мнение, и тогда дружина сворачивала в какой-нибудь ничем не примечательный туннель.

От шагов гибберлингов под сводами пещеры стоял легкий шорох. Звуки шагов разлетались по темноте, отражались от стен и возвращались обратно, заставляя Гордея вздрагивать. Иногда под ногами хлюпала вода, и тогда охотнику казалось, что отряд

проходит сквозь темноту под барабанный грохот и что обнаружить его – дело пары минут. Тогда охотник сжимал крепче лук и проверял тетиву. Но шли секунды, складывались в минуты, а никто так и не появлялся из темноты, чтобы остановить нарушителей спокойствия. Гордей расслаблялся, снова начинал дышать и озираться по сторонам.

Винсент, казалось, уже вполне оправился от последствий своей волшбы. Во всяком случае, эльф шел сам, и ходко, бормоча себе под нос нечто не очень лестное о подземельях орков. Лиру, чье сияние заметно померкло, он держал в руках, наготове. Гордей, правда, не совсем понимал, как можно использовать ее в бою – песнь эльфа, конечно, могла усыпить ничего не подозревающего противника, но здесь, в бою…

Грохот и лязг железа, раздавшиеся из темноты, заставили Гордея подпрыгнуть. Забыв про Винсента, охотник бросился вперед по проходу вместе с толпой гибберлингов, рванувших на шум драки.

Когда дружина подбежала к очередной площадке с едва тлеющим факелом, все было уже кончено. На полу лежали трое здоровенных орков в черных доспехах, а над ними возвышались разведчики гибберлингов – шестеро крепких и плечистых ребят. Один из орков еще шевелился и сучил ногами. Эрик, сопровождаемый командирами, подошел ближе, бросил взгляд на поверженных врагов и резко взмахнул лапой. Один из разведчиков обнажил короткий острый клинок и в мгновенье ока вколотил его под шлем трепыхающемуся орку. Тот сдавленно булькнул и затих.

Эрик взмахнул рукой, и дружина двинулась дальше, к очередной развилке туннелей. Первыми в темноту нырнули разведчики, следом за ними цепочкой пошли остальные – быстро, ходко, деловито, даже не думая оборачиваться на убитых орков. Гордей тоже прошел мимо, стараясь не глядеть на черную лужу крови, расползавшуюся по холодным камням пещеры.

Гибберлинги уже почти втянулись в черный проем нового хода, когда позади, оттуда, где остались трупы, раздались приглушенные крики. Эрик остановился, вскинул руку и тут же опустил, когда в пещеру влетел один из разведчиков.

– Сюда! – жарко зашептал он. – Нашли!

Вся дружина гибберлингов дружно развернулась к вестнику. Эрик на секунду замер, размышляя о чем-то, а потом решительно взмахнул рукой. Вестник бросился прочь, а следом за ним дружной волной рванули гибберлинги. Эрик мчался в первых рядах, на ходу придерживая мечи, чтобы они не гремели. Гордей и Винсент неслись следом – их длинные ноги позволили им

обогнать других гибберлингов. Но и оставшиеся не медлили. По просторной пещере, казалось, катила волна черной воды, грозя смести все на своем пути, – это гибберлинги шли за своими сородичами.

Провожатый, мчавшийся первым, свернул в неприметный туннель, ведущий вниз. Проход был заметно уже, чем предыдущий, и гибберлингам пришлось потесниться. Но проход быстро кончился – разогнавшись, Гордей и сам не заметил, как вдруг выскочил в большую комнату, и его шаги гулом отразились от стен. Гибберлинги дружно прыснули в стороны, освобождая проход тем, кто шел следом, а Гордей замедлил шаги, оглядываясь по сторонам.

Это место уже не было похоже на пещеру внутри горы. Нет, тут явно поработали человеческие руки: пол был выстлан каменной плиткой, стены выложены крошащимися камнями, а низкий свод над головой явно долго укрепляли деревянными досками и подпирали колонами. Подземная пещера привела дружину гибберлингов в то, что Гордей рискнул бы назвать подвалами настоящего замка. Тут было все – и каменная кладка, и факелы на колоннах, и даже железные решетки в черных, сырых стенах.

Только когда гибберлинги волной бросились вдоль стен, перебегая от решетки к решетке, Гордей понял, что они нашли то, что искали. Темница! Самая настоящая подземная тюрьма – вот где они оказались.

Растерявшийся Гордей снял с плеча лук и сделал несколько шагов вперед, оглянулся. Винсента рядом не было – он ушел далеко вперед, вместе с гибберлингами проверяя решетки в стенах. Гордей оглянулся на провал в стене – оказывается, около него остались на страже пара семеек гибберлингов. И теперь они всматривались в темноту, дружно вытянув шеи, пытаясь рассмотреть – нашлись пленные сородичи или нет.

Охотник медленно двинулся вперед, прошел мимо каменной колоны с едва тлеющим факелом и постепенно нагнал дружину гибберлингов, заглядывавших за решетки, вделанные в стены. Это были настоящие камеры – выдолбленные прямо в скале, закрытые ржавыми решетками и замурованные. Все они были пусты. Ускорив шаг, Гордей пошел вперед, мимо черных провалов камер, двигаясь к светлому пятну, видневшемуся вдалеке. Гибберлинги остались позади – проверяли все камеры, которые могли. Но Гордей видел, что впереди, в самом конце этого длинного и ужасного коридора, маячат темные фигуры разведчиков. К ним Гордей и направился.

Постепенно коридор стал уже. Простые решетки сменились

железными дверцами с крохотными окошками. Гордей прошел мимо десятка таких, а впереди, насколько глаз хватало, тянулся этот проклятущий коридор, и конца ему не было видно. Разведчики, ушедшие вперед, давно пропали в темноте – видно, решили пройти коридор до самого конца.

Охотник, предоставленный сам себе, шагал по мокрым камням пола, не забывая поглядывать по сторонам. Маленькие решетчатые окошечки в дверях были слишком малы, чтобы рассмотреть в них хоть что-то. Кроме того, большинство из них были закрыты задвижками. Но Гордей зря времени не терял – он слушал. Да, в подземелье стояла гулкая и тяжелая тишина, нарушаемая лишь сердитым сопением гибберлингов, обшаривающих узилище. Поэтому охотник не сомневался – если тут есть кто живой, он услышит его…

Остановился он внезапно, как вкопанный. Одна из дверей, слева, была чуть приоткрыта. Затаив дыхание, Гордей сделал пару шагов к ней, поправил лук на плече, правой вытащил из-за пояса длинный нож, а левой тихонько толкнул дверь.

Тихо скрипнув, дверь распахнулась, и Гордей ступил в темную комнату, освещенную лишь крохотной светящейся пуговкой под потолком, очень напоминавшей светящиеся кристаллы гибберлингов. Но его света вполне хватило, чтобы ошеломленный охотник смог окинуть взглядом большое помещение.

Это была не очередная камера, вовсе нет. Эта комната была размером с охотничью хижину Гордея. В центре стоял большой круглый стол, на который кто-то навалил разного барахла. Вдоль стен тянулись ряды шкафов – резных, деревянных, со стеклянными прозрачными дверцами. Тут же стояли маленькие столы, на каждом – по погасшей масляной лампе.

Обойдя стороной центральный стол, Гордей двинулся дальше, к дальней стене. Она была из гладкой черной плитки, а на ней виднелись белые узоры, оставленные мелом. Кто-то, кто бы это ни был, пытался что-то написать на стене. Здесь были и цифры, и буквы, и непонятные Гордею символы. Простой деревенский охотник так ничего и не понял, но ему было ясно одно – тут не держали пленников. Тут что-то изучали.

Заслышав шум в коридоре, Гордей обернулся, поднимая клинок, но это оказались гибберлинги. Дружина, изучавшая камеры, догнала Гордея и двинулась дальше по коридору. Лишь пара любопытных ребят заглянули в открытую дверь и, увидев охотника, тут же двинулись дальше.

Гордей медленно вложил клинок в ножны и двинулся к выходу. Это все, конечно, очень интересно, но нельзя забывать о

настоящей цели этого налета. Пленные. Они должны найти пленных…

Быстро проходя вдоль ряда шкафов со стеклянными дверцами, Гордей краем глаза заметил знакомый силуэт, резко остановился, сделал шаг назад, повернулся к шкафу и окаменел. Гордей все смотрел и смотрел сквозь стеклянную дверцу, чувствуя, как его ладонь все крепче сжимает рукоять меча. Он стиснул зубы – до боли, так сильно, что прокушенная губа снова начала кровить. Кровь стучала в висках, а кожа на скулах натянулась, превращая мертвенно-бледного Гордея в подобие древней статуи. Он чувствовал боль, чувствовал, как кровь грохочет в висках, отзываясь болезненными уколами в затылке. Ему было плохо, но он не мог оторвать взгляд.

Из шкафа, изнутри, с той стороны прозрачной стены, на него смотрел гибберлинг. Невысокий, шерсть сероватая с белым, на груди – зеленый потертый колет, на голове – вязаная шапка. Самый обычный гибберлинг. Только – мертвый.

Гордей не мог оторвать взгляда от его искусственных стеклянных глаз. Кто бы ни сотворил эту мерзость, он, конечно, знал толк в своем черном деле. Гибберлинг выглядел как живой. И все же это была всего лишь статуя, чучело. Гордей уже видел подобное – староста в деревне собрал у себя такие. Зайцев, перепелок, пару лис, кабанчика… Гордей сжал руку на оружии так, что острые края до боли впились в ладонь. Он решил, что если когда-то доберется до родной деревни, то сожжет к свиньям собачьим все эти чучела. А может, и чучельника.

Оторваться от страшного зрелища Гордея заставил лишь шум в коридоре. Гибберлинги, ушедшие далеко вперед, вдруг завопили, загремели железом, затопали, словно слоны… Охотник, недолго думая, выхватил короткий гибберлингский меч и бросился к распахнутой двери.

5

Выскочив в коридор, Гордей сразу шарахнулся в сторону, пропуская семейку крепких гибберлингов, сломя голову мчавшихся на звуки боя. Уступив им дорогу, охотник отлепился от стены и окинул взглядом длинный коридор. Больше всего шума производили два десятка гибберлингов, ломавших двери с крошечными окошечками. Одни деловито вколачивали железные пруты в щели дверей, другие налегали на получившиеся рычаги всем телом. Третьи пытались приподнять дверь маленьким ломиком, а четвертые дружно колотили большими молотками по навесному замку, пытаясь его сбить с петель. Из невнятных воплей Гордей успел понять, что они нашли пленных гибберлингов. Но сейчас его интересовал другой шум.

Оттолкнувшись от стены, Гордей бросился к дальнему концу коридора, туда, где дорога плавно загибалась вверх, словно пытаясь выползти из подземелья. Перепрыгивая через копошащихся у дверей гибберлингов, переступая через раскиданные инструменты и оружие, охотник рвался туда, в самую темень, откуда раздавался звон мечей.

Там, впереди, в зыбком свете одинокого настенного факела, толкались люди, чьи тела сливались в однообразную темную массу, напоминавшую ревущего и бранящегося зверя. Лишь подбежав ближе, запыхавшийся Гордей увидел, что происходит в коридоре на самом деле, и рванул с плеча лук.

Охрана лаборатории все же очнулась и теперь рвалась в бой. Сверху, по широкому коридору, спускались орки – десятка два огромных темных фигур, в черной броне и круглых шлемах. Они шли по двое, тяжело топая и рыча, угрожающе размахивая своими кривыми и грубо сделанными мечами.

Заслоняли им путь всего десяток гибберлингов – все остальные были заняты освобождением пленников. Вооруженные короткими мечами и крохотными щитами, гибберлинги орали ничуть не тише орков, бросаясь в бой. Орки были намного больше ростом, крепче, и казалось, что разметать кучку мелких пушистиков не составит для них особого труда. Но в коридоре было тесно, размахнуться для хорошего удара не получалось, и орки лишь тыкали перед собой мечами, как копьями, пытаясь попасть в гибберлингов, скачущих где-то на уровне бедер орков. И это им не удавалось.

Гибберлинги отчаянно кидались вперед, на орков, и тут же откатывались назад, прежде чем их настигал ответный удар. Они полосовали клинками колени врагов, бедра, их руки, сжимающие

мечи, – и тут же отступали, чтобы на их место встали новые. Доспехи орков были крепкими, они держали удар легких гибберлингских клинков, но на полу виднелись лужи темной орочьей крови, брызгавшей из мелких ран. Ответные удары громил не достигали цели – гибберлинги и не пытались соревноваться с ними в силе, они не парировали удары длинных мечей, они лишь уворачивались или отводили выпад своими клинками.

Такое противостояние не могло продолжаться вечно – орки напирали толпой, тесня гибберлингов к камерам с заключенными. Оглянувшись, Гордей увидел, до что остальной дружины не так уж далеко – он уже видел, как оставшиеся в тылу гибберлинги выносят на руках из камер своих сородичей и укладывают их на грубые одеяла. Отступать было некуда. Нужно было продержаться еще немного…

Это прекрасно понимали и сражающиеся гибберлинги. Прямо на глазах охотника из общей кучи вынырнул взъерошенный Эрик, отвел сразу двумя мечами выпад огромного орка и что-то закричал. Тотчас два крепкий черных вояки нырнули вперед, под выставленные мечи орков. В мгновенье ока они ухватились за сапоги неосмотрительно выбравшегося вперед орка, рванули на себя… Орк с утробным ревом завалился на пол, а десяток гибберлингов вскочили на него, отчаянно рубя мечами все незащищенные места. Орк орал и ворочался, его дружки дружно шагнули вперед, пытаясь уже без затей давить гибберлингов огромными сапогами, но Эрик снова взмахнул мечами, и на первого орка повалился второй. Два больших тела, трепыхающиеся в конвульсиях, преградили путь остальным стражникам, а гибберлинги укрылись за этими тушами, как за баррикадой.

Оставшиеся на ногах орки, утробно зарычав, поперли вперед напролом, выставив перед собой острые мечи, но потом вдруг заволновались, расступились, словно пытаясь прижаться к стенкам. Гордей, насторожившись, медленно потянулся за спину, за стрелами – и едва успел.

Он только мельком увидел человека за спинами орков – невысокого, хлипкого, в черном плаще и капюшоне, без всяких доспехов. Но – с посохом в руке. Орки снова сошлись, заслоняя собой человека, гнавшего их в бой, но Гордей уже судорожно выцарапывал из колчана первую попавшуюся стрелу. И когда строй орков снова расступился, открыв темную человеческую фигуру, поднимающую руки к потолку, Гордей не размышляя рывком натянул тетиву короткого лука и швырнул стрелу в темноту.

Она вспыхнула еще на лету, не успев миновать и половины пути. Огненная стрела гибберлингов превратилась в пылающую черточку, пронзившую полутьму между орками и в мгновенье ока указавшую на свою цель.

Пылающая стрела ударила колдуна точно в лицо, под черный капюшон, и мгновенно прожгла насквозь человеческую плоть, оставив после себя лишь пылающую по краям дыру. Колдун, так и не успевший понять, что произошло, еще миг держался на ногах. Потом остатки его головы вспыхнули факелом, огонь перебросился на черные плечи, и хадаганец, наконец, повалился на землю, скрывшись за спинами дружно заоравших орков.

Гордей не успел даже восхититься мощью своего нового оружия – его руки сами нашли следующую стрелу, бросили ее на тетиву и натянули лук. Гибберлинги, еще после первого выстрела вжавшиеся в свою импровизированную баррикаду, и не подумали поднимать головы, наоборот, постарались сжаться в комки, превратиться в маленькие незаметные клубочки.

Промахнуться с такого расстояния было невозможно, и вторая пылающая огненная полоса, прочертив темноту коридора, ударила точно в грудь самого большого орка, стоявшего ближе всех к гибберлингам. От удара из черного доспеха посыпались искры, короткая стрела воткнулась в кирасу, но не смогла ее прожечь так легко, как человеческую плоть. Орк, осознав, что он уцелел, взревел и вскинул свой меч к низкому потолку, готовясь пойти в атаку. Но через миг его грозный рев сменился воплем боли – огненная стрела и не думала гаснуть. Воткнувшись в доспех, она все еще пылала, прожигая его насквозь и брызжа во все стороны расплавленными каплями.

Когда неукротимый гибберлингский огонь прожег черную кирасу насквозь, орк, обезумевший от боли, заметался по коридору, толкая своих соратников, которые пытались его отпихнуть своими мечами. К тому времени как он упал, Гордей успел наложить на тетиву еще одну стрелу. Орки, увидевшие, наконец, стрелка, поняли, что у них есть только единственный шанс уцелеть – добраться до него первыми. Дружно взревев, они рванулись вперед, топча еще горящие останки своего соратника.

Гордей успел выстрелить еще раз – и пылающая стрела превратила в пылающий факел голову еще одного орка. Но потом остальные дружно навалились на гибберлингов, пытаясь прорваться через баррикаду из мертвых тел. Дружина Эрика с протяжным криком поднялась в атаку, встретила наступающих орков клинками, и тут же орки и гибберлинги перемешались. Гордей опустил лук с уже лежащей на тетиве стрелой и прикусил губу. Он боялся стрелять в эту мешанину из орков и прыгавших

по ним гибберлингов, боялся случайно задеть своих.

Но гибберлинги справились и без него. Черные крепыши-вояки, взобравшись на трупы орков, бестрепетно отводили удары орочьих мечей и остервенело рубили в капусту длинные черные руки врагов, сжимающих мечи. У них вполне хватало сил, чтобы перерубить черные доспехи, а те, у кого сил не хватало, ныряли вниз, к ногам орков, и бесцеремонно дергали их за сапоги.

Первые два орка упали в мгновение ока, и гибберлинги в ту же секунду облепили их, как муравьи облепляют жука. Следующая пара рванулась вперед, вызволять упавших, но их встретили Эрик и его телохранители. Маленькие и юркие гибберлинги превратились в настоящие вихри, ощетинившиеся острейшей сталью. Они крутились и вертелись, уворачиваясь от ударов орков, а потом, раскрутившись, наносили свой удар, вкладывая в него движение всего своего тела.

От доспехов орков полетели черные клочья, как от деревьев, которые обрабатывают топорами десяток лесорубов. Одному из орков раскромсали бедро, он припал на одну ногу, опустился на колено – и тут же из общей кучи вверх выпрыгнул Эрик и вколотил свой меч по самую рукоять в глазницу орочьего шлема. Взревев, орк повалился вперед, чуть не придавив вожака гибберлингов. Эрик лишь в последнюю секунду успел метнуться в сторону, так и оставив клинок в глазу врага.

На его тело сразу же запрыгнули трое крепких вояк и дружно, как по команде, прыгнули на следующего орка. Они ударили его в грудь разом, как увесистые черные бочонки, и – сбили с ног. Орк завалился на спину, толкнул своего товарища, тот опустил свой меч, не успев отвести удар. На его руке повис один из гибберлингов, а остальные принялись рубить его в капусту. Оставшийся на ногах последний орк не стал дожидаться своей очереди. Развернувшись, он задал стрекача, стремясь как можно быстрее убраться от этого безумного вихря рычащей стали.

Гордей подождал два удара сердца – ровно столько, сколько потребовалось орку, чтобы отойти от основной схватки. Потом охотник спустил тетиву, и пылающая стрела вновь озарила полутьму подземелья. Гордей целил выше гибберлингов, чтобы случайно не зацепить друзей, и огненная полоса ударила убегавшему орку в затылок. Тот взмахнул руками и, объятый растекающимся по плечам пламенем, рухнул на пол.

Дружный рев гибберлингов огласил низкие своды подземелья. Празднуя победу, дружина Эрика восторженно ревела, потрясая клинками, и в этом реве только Гордей смог разобрать пронзительный крик, донесшийся из-за спины. Обернувшись, он встретился взглядом с Винсентом, что бежал к

месту схватки. Эльф был бледен как простыня, его левая щека была рассечена, кровь стекала к подбородку.

– Быстрей! – кричал он на бегу. – Эрик! Эрик! Нам нужна помощь!

Гордей вскинул лук, взглядом выискивая опасность – ну как за эльфом бегут преследователи? Но темница была пуста – за Винсентом никто не гнался, а гибберлингов и след простыл. Спасательная команда за время битвы успела вытащить родичей из камер и тут же унести их прочь от схватки.

Охотник опустил лук, снял стрелу с тетивы, чтобы случайно не подстрелить тяжело дышащего эльфа.

– Что там? – жадно спросил Эрик, выбираясь из общей кучи примолкших дружинников. – Что?

– Засада, – тяжело отдуваясь, бросил Винсент. – Мы выдвинулись назад, как и планировали, но напоролись на отряд стражников. Они пытались зайти с двух сторон, взять нас в клещи… Нужна помощь, иначе не пробиться.

Эрик выругался, взмахнул клинком, указывая на трупы в коридоре.

– Они пойдут тут, – рявкнул он. – Чтобы ударить нам в спину! Мы не можем сейчас бросить этот ход. Мы должны были стоять тут до конца, прикрывая отход…

– Здесь узко, – вмешался Гордей. – Идите, я справлюсь.

– Нет, – отрезал Винсент, выпрямляясь. – Я прикрою этот ход. А там нужны твои стрелы. Иди, прокладывай путь наружу. Иначе нас тут закроют, как жаб в садке.

– Он прав, – мрачно произнес Эрик. – Нам нужно идти. Эй, братва!

Гибберлингов не нужно было уговаривать: еще опьяненные победой, они так и рвались в новый бой. Откликнувшись на зов предводителя, дружинники растянулись цепочкой и быстро, один за другим, проскочили мимо замешкавшегося Гордея и скрылись в темноте коридора. Они направлялись туда, к дыре в стене, что вела в подземные ходы, прорытые в горе. Эрик задержался. Он глянул на эльфа – снизу, исподлобья, и раздраженно заворчал:

– Не нравится мне это, Винс. Нельзя тебя здесь бросать…

– Идите, – мягко сказал эльф и положил руку на плечо Гордея. – Ступайте, друзья. Я вас догоню.

– Подожди! – бросил Эрик. – Винс! Тут не осталось ничего живого! Помнишь, мы обсуждали, что будет, если придется остаться тут навсегда, прикрывая отход спасателей?

– Помню, – отозвался эльф и оглянулся на тела, валяющиеся на камнях коридора. – Не знаю, Эрик, хватит ли мне сил…

– Хватит! – возбужденно бросил гибберлинг. – Но не здесь!

Отойдем к самому проходу. Гордей, шевели ногами! Быстрее, быстрее! Там нужна наша помощь.

Охотник бросил удивленный взгляд на Винсента и вздернул бровь – он не понимал, о чем идет речь. Но эльф и не подумал ответить, он уже бежал в дальний конец темницы, туда, откуда пришел отряд гибберлингов. Эрик и Гордей бросились за ним следом и нагнали длинноногого эльфа только у самого прохода, ведущего в глубь горы.

Эта часть темницы выглядела заброшенной – разбитая кладка на стенах, покосившиеся колонны, поддерживающие потолок, ржавые решетки, вбитые прямо в стены. На полу валялись крошащиеся булыжники, выпавшие из щербатых стен. За этим углом явно никто не следил.

– Назад, – скомандовал Винсент, становясь в черном проеме. – За меня, быстрее.

Гордей и Эрик послушно ступили в узкий коридор, уходящий вглубь горы. Эрик раздраженно дернул плечом и покосился в темноту, словно что-то услышал.

Эльф тем временем достал свою лиру, и она тут же вспыхнула в его руках желтым огнем – без всяких предисловий. Вспышка была такой яркой, что Гордей был вынужден вскинуть руку, защищая глаза от света.

– Назад, – повторил Винсент и поднял лиру.

На этот раз его длинные пальцы ударили по всем струнам разом. Инструмент застонал, протестуя против такого жестокого обращения, но следующий удар по струнам исторг из него вопль ярости. Лира закричала, загудела, завопила – а вместе с ней закричал и музыкант. Черные волосы эльфа встали дыбом, его рот был раскрыт в протяжном крике боли, а по щеке все еще стекали капли крови.

Гордей невольно попятился, но в этот момент Винсент вскрикнул еще громче, а его рука ударила по струнам так, словно пыталась разбить лиру одним ударом. Громкий звук, похожий на раскат грома, заставил охотника вскинуть руки, зажать уши… Большего сделать он не успел – прямо из ничего перед лирой появилось зыбкое марево, какое бывает в жаркий день над водой, а потом это марево потоком хлынуло в темный зал.

По старой темнице словно прошлась волна цунами – камни разлетались в разные стороны, пыль сыпалась с потолка. Колонны, сложенные из камней, дрогнули, зашатались, а потом рассыпались, словно детские игрушки. Потолок темницы затрясся и с грохотом обрушился на пол.

Этого Гордей уже не видел – едва заметив трясущиеся подпорки, он развернулся и рванул прочь, успев только схватить

за руку Винсента и дернуть за собой. Так, вдвоем, они и мчались по темному коридору, пытаясь догнать мечущегося впереди Эрика.

Все закончилось за пару ударов сердца – в спину бегущим друзьям ударил громовой раскат, а следом фонтан пыли вперемешку с каменной крошкой. От толчка в спину Гордей полетел вперед, клюнул носом и только чудом удержался на ногах. Винсент заспотыкался, чуть не нырнул рыбкой, но Эрик и Гордей успели поймать своего друга. Тот криво улыбнулся, пошатнулся и со стоном прислонился к стене. Лицо Винсента побелело, на нем виднелись крупные капли пота, мешавшегося с кровью, засыхающей на щеке.

– Все, – выдавил эльф. – Теперь надо отдохнуть. Дух. Перевести. Идите, глупцы.

– Не брошу! – взревел Эрик. – Гордей!

Охотник и сам не собирался бросать товарища. Сунув лук в лапы гибберлинга, Гордей в мгновенье ока ухватил эльфа, оказавшегося довольно легким, и перебросил через плечо, как тюк с тряпьем. Винсент что-то протестующе забубнил, но охотник быстрым шагом двинулся в темноту – следом за Эриком, указывающим дорогу.

6

Они не прошли и двух десятков шагов, как навстречу им из темноты вынырнул черный гибберлинг с топориком в руках.

– Резак! – крикнул он. – Где вас носит? Мы пробились в правый коридор, но их там такая сила…

– Пусти, – буркнул с плеча Гордея эльф. – Я сам.

– Опусти его, – скомандовал Эрик. – Тирг! Побудь с Винсом. Догоняйте нас, как сможете.

Охотник опустил эльфа на землю и прислонил к стене. Тот злобно зыркнул на товарища, но ничего не сказал – видно, роль тюка на плече ему не слишком понравилась. Черный гибберлинг подошел ближе, окинул взглядом обессилевшего эльфа и повернулся к вожаку:

– Что с ним? Ранен?

– Да, легко, – быстро ответил Эрик, не желая пускаться в долгие объяснения. – Он разрушил темницу. С той стороны уже никто не пройдет.

Гибберлинг восторженно свистнул и смерил уважительным взглядом прижимающегося к стене Винсента.

– Головой за него отвечаешь, – рявкнул Эрик. – Гордей!

Охотник взял протянутый ему лук, поправил колчаны за спиной, чуть помявшиеся под телом эльфа, и бросился догонять Резака, успевшего умчаться в темноту. Потеряться Гордей не боялся – ему всего-то и нужно было, что идти на шум битвы.

Вопли боли и ярости, рев орков и крики гибберлингов разносились по темным коридорам, словно раскаты подземного грома. Крики и лязг железа отражались от стен, сыпались во все стороны, расходились волнами эха и порой путали Гордея. Он даже вынужден был притормозить у большой развилки, где большой тоннель распадался на два малых. Но крики, донесшиеся с левой стороны, не оставляли сомнений – бой там.

Ухватив половчее лук, Гордей бросился в темноту, в которой давным-давно растворился шустрый Эрик. В том, что он верно выбрал путь, охотник убедился через минуту, когда заметил тела, лежащие вдоль стен. Он замедлил шаги, но потом понял – это не раненые, это те самые освобожденные пленные, заботливо уложенные вдоль стен и замотанные в одеяла. Их было пятеро – всего пятеро продолговатых матерчатых комков. Все остальные гибберлинги, способные держать оружие, отправились в бой. Не раздумывая, Гордей бросился вперед, свернул за очередной угол и очутился в самом центре жестокой битвы.

Прямо перед ним толпились гибберлинги. Их построение

нельзя было назвать стройным рядом, нет, скорее это была вопящая толпа, рвущаяся в бой. Этакий мохнатый кричащий шар, ощетинившийся мечами и топориками. Им противостояли орки. Их плечистые темные фигуры едва виднелись в полутьме, но, казалось, они занимают все пространство от пола до потолка.

Орки стояли рядом, загораживая гибберлингам проход. Здесь их помещалось не больше трех в ряд, но все они дружно выставили вперед свои длинные мечи, используя их как копья. Вал гибберлингов накатывался на строй орков, и тут же с проклятиями откатывался обратно – длиннорукие орки не подпускали мелких врагов к себе на расстояние удара.

Отступив на пару шагов, Гордей сунул руку за спину, к стрелам, и быстро окинул взглядом коридор. Узкий. Низкий. На полу, под ногами сражавшихся, уже виднелись тела – и огромные, орочьи, и маленькие – гибберлингов. Обернувшись, охотник бросил быстрый взгляд назад, в темноту. Ему показалось, что оттуда потянуло холодком. Он вспомнил темный проем, мимо которого пробежал минуту назад, и поежился. Нужно было убираться отсюда. И побыстрей.

– Пригнись! – крикнул Гордей, накладывая стрелу на тетиву. – Ниже!

Его голос почти растворился в шуме битвы, но те гибберлинги, что сражались рядом с ним в темнице, поняли, о чем идет речь. Многие попятились назад, потянули за собой стоявших рядом товарищей. Орки, решив воспользоваться замешательством в рядах гибберлингов, дружно поперли вперед. И тогда Гордей отпустил тетиву.

Первая огненная стрела осветила коридор яркой вспышкой, позволив охотнику увидеть строй врага. Пущенная не слишком точно, она миновала первого орка, но попала в следующего – в такую толпу просто нельзя было не попасть. Стрела вонзилась в черный доспех, застряла в нем и тут же полыхнула настоящим костром. Вспыхнувший орк заорал, заметался, а его дружки принялись отпихивать от себя живой факел.

Его свет позволил Гордею без помех выбрать следующую мишень. Он рывком до отказа натянул лук в полную силу и пустил вторую стрелу. На лету она с ревом обратилась в пылающую полосу, с разгона пробила одного орка насквозь и вонзилась во второго, превратив его в новый пылающий факел.

Теперь горели трое. Орки попятились, стали поспешно отступать от пылающих соратников, бросив их догорать на полу перед строем гибберлингов. Гордей хладнокровно окинул взглядом поредевший строй орков. Это был небольшой отряд, на ногах оставалось не больше десятка, но их сил еще вполне

хватало, чтобы не пропустить дружину Эрика к выходу. Они толпились в узком для них коридоре, не зная что предпринять, и Гордей опасался лишь одного – что за их спинами скрывается хадаганский маг.

Быстро проведя рукой по оперенью стрел в колчане, Гордей прикинул, сколько у него осталось волшебных стрел, и схватил стрелу из другого колчана. Стрела с синим кристаллом вместо наконечника удобно легла на тетиву, мерцая в полутьме тусклым огоньком. Орки, заметившие стрелка, попятились, та пара, что стояла первой, попыталась пробиться назад, за спины товарищей. Гордей понял, что нужно только хорошенько нажать, чтобы обратить противника в бегство.

Он пустил стрелу, и синий огонек метнулся сквозь темноту, превращаясь в размазанную голубую ленту. Стрела ударила под лопатку убегающему орку и рассыпалась десятком ослепительных молний. Орк с воплем рухнул на пол, а маленькие молнии перекинулись на его соратников, оказавшихся по соседству. Сразу трое орков затряслись как припадочные и без звука повалились на своего товарища, содрогавшегося на полу.

Оставшиеся на ногах орки дружно развернулись, собираясь задать стрекача, но Гордей не думал их отпускать – вслед оркам полетела еще одна голубая стрела, и новый ворох молний с треском рассыпался по темному коридору, сбив с ног еще троих орков.

Опомнившиеся гибберлинги разразились дружным восторженным воплем и, потрясая оружием, всей толпой ринулись за убегающими орками, перепрыгивая через поверженные тела их товарищей. Гордей, опустив лук, в нерешительности оглянулся – там, позади, оставались пленники, а на полу виднелись тела гибберлингов. Стоит ли бежать вперед?

Но оказалось, что не все потеряли голову в горячке боя. Десяток гибберлингов остались на месте, и среди них – Эрик, которого Гордей едва узнал в темноте.

– Грон! – взревел Резак, – возьми семью, заберите пленных! Тран, соберите раненых и мертвых. Никого не оставлять!

– Эрик! – раздался крик из-за спины Гордея, и охотник резко обернулся.

Из темноты показался одинокий гибберлинг – рыжий, словно деревенский кот, с белыми кругами вокруг покрасневших, слезящихся глаз.

– Эрик! – отчаянно завопил он. – Мы нашли! Нашли!

Резак тут же ринулся навстречу гонцу, схватил его за плечи и затряс словно грушу.

– Где? – зарычал он.

– Здесь, рядом, – захлебываясь, забормотал гибберлинг. – Всего два поворота!

– Эрл! – крикнул Эрик, оборачиваясь к оставшимся друзьям. – А, проклятье! Трин! Гед! Хоть кто-нибудь из механиков!

Ответом ему было лишь сердитое посапывание семейки вояк, собиравших тела павших товарищей и заворачивающих их в плотные одеяла.

Резак взмахнул рукой, отчаянно выругался, так, что мог посрамить любого человеческого кузнеца. Но потом его взгляд упал на Гордея, и Эрик тут же злорадно ухмыльнулся.

– Грон, ты за старшего, – рявкнул Эрик. – Уводи всех к выходу, там наши встретят. Гордей! Быстро за мной!

Повернувшись, Резак прыжками помчался в темноту, туда, откуда только что прибыл вестник. Рыжий гибберлинг со стоном бросился за своим предводителем. Опешивший Гордей чуть отстал и смог нагнать шустрых гибберлингов только у развилки, там, где коридор раздваивался. Посыльный и Эрик беззвучно нырнули в темноту соседнего коридора, а Гордей, заметивший движение в темноте, остановился. Сначала потянулся за стрелой, но потом уронил руку. Нет. Он не ошибся.

Прямо на него из темноты двигалась высокая стройная фигура. Гордей узнал ее еще до того, как услышал тихий шепот, проклинавший спятивших гибберлингов, узкие пещеры, астральные корабли и криворуких создателей музыкальных инструментов.

– Винсент! – позвал Гордей. – Винс!

Эльф вскинул голову, ускорил шаги и быстро подошел к товарищу. Теперь он выглядел явно лучше – на щеках появился румянец, болезненный пот пропал, да и держался он на ногах самостоятельно.

– А где провожатый? – спросил охотник.

– Ускакал в бой, – буркнул эльф. – Ничего, мне уже лучше, спасибо, что спросил.

– Винсент? – раздался из темноты сдавленный хрип Эрика. – Да где вас, обормотов, носит! Быстро за мной, дылды сонные!

Гордей дернулся, вскинул лук и свернул в кромешную темноту очередного коридора, стараясь идти на голос Резака. Винсент протяжно застонал и поплелся следом, шаркая ногами по каменному полу. Он явно еще не пришел в себя, но не собирался отставать от товарищей.

7

Ориентиром в темноте сырого коридора Гордею служил лишь крохотный желтый огонек, метавшийся впереди. Его хватало лишь на то, чтобы подсветить темную фигуру Эрика, который и сжимал в лапе этот источник света – кристалл, захваченный с корабля. Гордей прибавил шаг, стараясь не отставать от гибберлинга, бредущего сквозь темноту. Позади, за спиной, шлепал по мокрому полу и тихо бубнил себе под нос Винсент. Он старался не отставать, но быстрая ходьба давалась ему нелегко.

Гордей заметил, что огонек застыл на месте, и пошел еще быстрее, чувствуя, как к горлу подступает комок гнева. Что они забыли здесь, в этом проклятом месте? Они все давно должны быть у выхода, вместе с остальной дружиной, должны пробиваться наружу, к кораблю…

Стиснув зубы, охотник подбежал к застывшему Эрику, собираясь дать ему гневную отповедь, но успел только открыть рот. Потом застыл на месте и медленно-медленно выдохнул, не веря своим глазам.

Эрик и сопровождавший его рыжий гибберлинг стояли на пороге огромного зала. Нет, не просто огромного – громадного! Скорее даже не зала, а природной пещеры, чьи стены терялись в темноте. Здесь было свежо и сыро, словно откуда-то в пещеру поступал воздух с улицы, но сквозняка Гордей не ощущал и не видел никаких других входов. Просто – темнота, из которой чуть проступают очертания чего-то большого и неподвижного…

Резак взмахнул лапой, и светящийся кристалл звонко заскакал по каменному полу в темноту, рассыпая по дороге лучики света. Прокатившись по камням, он остановился в десятке шагов от охотника, застывшего в проходе, и вспыхнул как уголек.

Гордей шумно втянул воздух носом, когда его глазам открылась чудесная картина – десяток столов с разложенными на них блестящими инструментами, огромная тумба в их центре, а за ней… За ней виднелись груды дерева, в которых с трудом угадывались очертания астрального корабля. Разбитый нос с торчащим обломком киля и разбитыми шпангоутами, груды мелких деревяшек, бывших когда-то бортами, разрезанная на части и разложенная на полу верхняя палуба. Все остальное терялось в темноте пещеры, но Гордей не сомневался – там, дальше, есть еще на что посмотреть. Но больше всего его поразило то, что в центре, в окружении столов, стоял целый реактор корабля, как две капли воды похожий на тот, что стоял внутри Бесстрашного.

– Воздух, – пробормотал вдруг Эрик, – воздух.

Он быстро нырнул в темноту, оббежал вокруг столов, прикоснулся к разбитой обшивке корабля. И даже на ходу он не переставал бормотать – тихий голос гибберлинга хорошо был слышен в пустой и гулкой пещере.

– Они не могли притащить сюда все это по коридорам. Воздух. Здесь должен быть вход. Другой выход. Выход…

– Который ведет неизвестно куда, – подал голос рыжий гибберлинг. – Эрик, нужно держаться плана!

– Да, – быстро отозвался Эрик, подбегая к столам и судорожно перебирая блестящие инструменты. – План. Наш план.

Гордей опустил лук и медленно пошел вперед, к суетящемуся Эрику. Уже на ходу он заметил, что на столах среди инструментов разложены кристаллы из реактора корабля. Кто-то очень осторожно извлек их и разложил по размерам и цветам. То есть перепутал все, что только можно было перепутать.

Хмыкнув, Гордей подошел к гибберлингу и мягко коснулся его пушистого плеча.

– Эрик, – тихо позвал он, и гибберлинг дрогнул, выронив блестящую палку с резьбой. – Эрик, я понимаю. Это твой корабль. Но там, у выхода, твоя дружина. Твоя команда. Мы не можем взять все это с собой.

– Я понимаю, – глухо отозвался Резак, не оборачиваясь к другу.

Плечи его опустились, голова поникла.

– Мы должны уходить, – сказал Гордей. – Помнишь, ты сам говорил, что у нас очень мало времени…

– Помню, – резко отозвался Эрик и вскинул голову. – Время – это все, что у нас осталось. Корн!

Рыжий гибберлинг вздрогнул, как от удара, и с подозрением взглянул на своего вождя.

– Беги к выходу, – скомандовал Резак. – Быстро узнай, как там дела, и давай обратно! Ну, быстрей!

Корн тяжело вздохнул, мотнул головой Гордею – мол, хоть ты на него повлияй, дылда, – но потом бросился, как и было велено, к выходу. Из темного проема как раз выступил задыхающийся Винсент, и рыжий гибберлинг чуть не сбил его с ног. Эльф с воплем отшатнулся и прижался плечом к мокрой стене, прижимая руку к груди.

– Винсент! – обрадовался Эрик. – Винс, пожалуйста! Ты можешь еще раз, а? Еще разок ударь по струнам, чтобы тут все в труху…

Эльф мрачно глянул на друга и вытянул вперед руку. Узкая ладонь, белевшая в темноте, заметно тряслась.

– Мне жаль, – тихо сказал Винсент. – Прости, Эрик, но я уже сделал все что мог.

– Эрик! – воскликнул Гордей, изумленно озираясь. – Ты что задумал? Это же твой корабль!

– Именно, что мой! – Резак обернулся к охотнику и потряс мохнатым кулаком. – Мой! И я не желаю оставлять его этим… этим червям! Не желаю, чтобы они и дальше разбирали его на части, по маленьким кусочкам, просеивали сквозь сито в надежде найти секрет.

– Ах вот что! – воскликнул Гордей. – Секрет! Ты думаешь, они его не нашли?

Гибберлинг коротко засмеялся, подхватил со стола серебристый штырь и стукнул им о край стола. Штырь тихо зазвенел, как камертон.

– Еще нет, – отозвался он. – И не найдут. Может, догадаются, в конце концов, но это им не поможет.

– Погоди, – охотник обернулся, бросил взгляд на реактор, выглядевшим целым. – Но они тут все разобрали. Они могут построить свой реактор, найти кристаллы…

– Секрет не в технике, дубина, – Резак фыркнул и бросил штырь на стол. – Любой умный техник сможет повторить наши механизмы, чтобы они заставляли двигаться корабль. Но никто не повторит то, что не дает астралу сожрать его!

Гордей уже открыл рот, чтобы спросить, что это такое, но потом одумался. Это секрет гибберлингов. Он принадлежит им, и нельзя просить его открыть – даже друга.

– Молодец, – одобрил Эрик, заметив замешательство охотника. – Ты хороший друг. Честный.

Он подошел ближе, схватил Гордея за рукав и потянул к себе, заставив охотника нагнуться.

– Я тебе скажу, – шепнул Резак, – если сейчас ты мне поможешь, я открою тебе тайну.

– Да я тебе и так помогу, – буркнул Гордей. – Не надо мне никаких ваших тайн.

Винсент, все еще стоявший у стены, тихо засмеялся.

– Что, Эрик, получил? – с насмешкой спросил он. – Если бы на месте Гордея был хадаганец, что бы он ответил?

– А что бы мне ответил твой брат, будь он на месте Гордея? – огрызнулся Эрик. – А, плевать!

Схватив Гордея за руку, он притянул друга к себе, заставил его нагнуться.

– Вот что, – жарко прошептал Резак. – Секрет, мой друг, прост. В нашей земле есть волшебный камень. Он дает защиту от астрала – потому-то наш кусок земли и уцелел при Катаклизме

без помощи магов. Аллоды людей защищают маги, поддерживают защиту, порой ценой своей жизни. А нас защищает сама земля.

– И если его погрузить на корабль, – потрясенно прошептал Гордей, – то он…

– Догада, – гибберлинг хмыкнул. – Вот и весь секрет. И я уверен, что хадаганцы уже знают его. Загвоздка в одном – они не могут пойти к нам домой и взять этот камень. Если они попробуют это сделать, скажем, на корабле Глока, то все гибберлинги выйдут против него. Весь флот. И от корабля предателя останутся только щепки, даже если он битком будет набит самыми сильными хадаганскими магами.

– Проблема решена, – обрадовался Гордей. – Значит, Хадаган не сможет построить астральный корабль!

– Если бы, – помрачнев, буркнул Эрик. – Представь, что будет, если Глок перетянет на свою сторону половину флота. Что, если он убедит совет гибберлингов заключить союз с Хадаганом? Тогда к нашему дому за волшебным камнем полетят уже наши корабли. Их часть. А другая часть – я знаю точно – попробует им помешать. Это будет битва гибберлингов, последняя битва. Где братья истребляют братьев. Мы раздолбаем друг друга в клочья, ведь мы такие умелые бойцы, итить собачий хвост! А Хадаган получит все, что ему нужно, на тарелочке с голубой каемочкой.

Сердито засопев, Эрик рванул друга за рукав, притянул его к своей лохматой морде.

– Именно это я и пытаюсь предотвратить, – зарычал он. – Понимаешь? Великую войну гибберлингов. Гибель всего нашего рода. Вот что поставлено на карту! Можешь считать меня жестоким, но если при этом погибнет кто-то из нас, все равно дело будет того стоить. Я готов ради этого умереть и пожертвовать любым из своих друзей. Даже тобой. Понимаешь?

– Понимаю, – серьезно отозвался Гордей, вдруг осознав, что перед ним, наконец, открылась вся картина, сложившись, как мозаика, из крохотных кусочков. – Понимаю, Эрик.

– Ты со мной? – требовательно спросил Резак. – Несмотря на мои слова?

– С тобой, – твердо отозвался Гордей. – Делай, что нужно.

– Пойдешь до самого конца?

– До самого.

Резак прищурился, потом отпустил руку человека и рассмеялся.

– Ты был прав, Винс! – крикнул он. – Кания – это верный выбор! Люди полны как зла, так и добра!

– Хватит болтать, – с одышкой бросил эльф. – Много треплешься, коротышка. Время уходит.

– Ничего, – отозвался гибберлинг, – успеем. Следите за входом!

Эрик метнулся к темной подставке, распахнул дверцы реактора и засунул голову в его темное нутро.

– Ты что делаешь? – воскликнул Гордей, чувствуя, как от нехорошего предчувствия у него зашевелились волосы на затылке. – Эрик!

– Не оставлю ничего, – гулко отозвался Эрик, запустив обе руки в недра устройства. – Ни единой крошечки этим гадам.

Не успел Гордей и слова сказать, как Резак быстро оббежал реактор, на ходу выдергивая из него железные кронштейны и меняя их местами. Эрик двигался быстро – очень быстро, – но охотник знал, что в одиночку он не справится.

– Вот проклятье! – воскликнул Гордей. – Поверить не могу, что делаю это!

Он закинул лук за плечи, пустив тетиву поперек груди, и, подхватив со стола коробку с короткими красными кристаллами, сунулся в недра реактора.

– Ты! – воскликнул Эрик, подскакивая к другу. – Ты что…

Но договорить он не успел. Гордей быстро, по памяти, расставлял кристаллы во внутреннюю сетку. Конечно, не все подряд – он помнил расположение коротких красных – два по два, потом три по три и четыре вразнобой. Пусть он и не понимал, как это работает, но помнил, как все это должно выглядеть.

– Хорошо, – буркнул Эрик и полез вниз, под реактор. – Я замкну отводы тепла.

Гордей лишь глухо ухнул – он видел, что от реактора нет отводки, нет тех волшебных столбов по краям инженерной комнаты. Нет распределителей – ничего нет. Эта штуковина цела и безжизненна. Но если ее включить, энергии некуда будет деться. Ядро перегреется, а потом – бум! Не так сильно, как на корабле. Но вполне достаточно для того, чтобы похоронить под землей и останки астрального корабля, и тех дураков, что останутся поблизости.

– Вы полоумные! – хрипло крикнул Винсент, когда Гордей метнулся за второй коробкой синих кристаллов. – Эрик, что ты творишь! Ты погубишь не только нас, но и тех, кого пытаешься спасти!

– Не трусь, дылда, – глухо отозвался Эрик из-под реактора. – Посмотри лучше, где там Корн?

– Никого не слышу, – отозвался эльф. – Где-то далеко кричат. Орки. Люди. Гибберлинги.

Эрик тихо выругался и засопел, звонко гремя темными железяками у основания реактора. Гордей же швырнул под ноги

коробку с лишними кристаллами и схватил следующую – с желтыми.

Он работал быстро, как тогда, во время схватки с демоном. Но теперь он хотя бы примерно представлял, что он делает и зачем. Работа шла быстро, теперь, к счастью, ничто не обжигало и не резало руки. Выстраивая разноцветный узор из кристаллов, Гордей лихорадочно повторял про себя рабочую схему. Он ее помнил, прекрасно помнил, каждый отдельный кристалл. Но хитрость была в том, что ему нужно было выстроить неправильную схему, схему с ошибкой, которая должна была привести к перегрузке реактора. Теоретически Гордей и ее знал – однажды Эрл показал ему ошибку, показал, как делать не надо ни в коем случае. Но чего Гордей не знал точно, это того, сколько у них будет времени, когда заработает реактор.

Пот тек со лба по бровям, капал на нос, стекал по щекам, собирался на подбородке в противные капли, но Гордей его не замечал. Он – работал. И так увлекся, что очнулся только тогда, когда услышал громкий крик.

– Эрик!

Гордей дернулся, ударился макушкой о железную крышку и, шипя от боли, вынырнул из недр реактора.

Кричал рыжий гибберлинг – Корн, вернувшийся из разведки. Он стоял в проеме, ведущем в коридор, тяжело дышал и опирался рукой о холодные камни. Винсент, сам едва державшийся на ногах, придерживал гибберлинга за плечо.

– Эрик, – прохрипел гибберлинг, и его голос эхом разнесся по пустому залу. – Наши у выхода. Орки не дают выйти. Они… из бараков в проход…

– А отряд Вира? – спросил Эрик, выбираясь из-под реактора и заглядывая за спину Гордея. – Что снаружи?

– Идет бой, – бросил Корн. – Пока нашим не удается отогнать орков от входа. Плохо видно. Застряли.

– Ясно, – буркнул Эрик, выхватывая из руки Гордея оставшиеся кристаллы. – Нужен прорыв.

– Это точно, – выдохнул Корн. – И еще. Там, в глубине, что-то есть.

– Что? – Эрик резко обернулся. – В какой глубине?

– Ответвления, – пробормотал задыхающийся Корн. – Тут, рядом, где мы сворачивали. Там… Что-то идет сюда, я слышал топот, скрежет, когда шел сюда. Надо уходить, Эрик. Быстро уходить.

Разразившись ругательствами, Резак по пояс нырнул в недра реактора и с щелчком поставил недостающий кристалл на место.

– Гордей, – глухо позвал он. – Возьми Винса и Корна.

Проверьте, что там за ответвление. Я догоню.

– Я тебя не брошу! – воскликнул Гордей. – Ты что это удумал, Резак? Хочешь остаться тут, со своим кораблем?

Гибберлинг замешкался с ответом, всего на секунду, но охотнику этого было достаточно, он понял, что его подозрение подтвердилось. Эрик действительно подумывал над тем, чтобы остаться здесь, со своим кораблем.

– Даже не думай! – воскликнул Гордей. – Твоя команда нуждается в тебе! Ты нужен дружине, совету гибберлингов, всем им!

– Знаю, – глухо откликнулся Эрик, быстро переставляя кристаллы. – Знаю.

– Ты же хотел построить новое будущее для гибберлингов! – воскликнул Гордей, пытаясь припомнить то, что говорил отец после смерти матери. – Эрик, нельзя уйти в будущее, цепляясь за прошлое. Иногда его надо просто отпустить.

Эрик не ответил – лишь с хрустом поставил следующий кристалл в гнездо. Этот звук громом прозвучал в наступившей тишине, и лишь тогда подал голос эльф.

– Эрик, – тихо позвал он. – Ты знаешь, что…

Резак зарычал не хуже голодного медведя и вынырнул из недр реактора.

– Что встали! – рявкнул он. – А ну, марш к тому повороту! Если из него кто-то покажется, задержите их! Дайте мне пару минут.

С этими словами Эрик нырнул обратно в реактор, и под его умелыми лапами кристаллы начали загораться разноцветными огоньками. Гордей сделал пару шагов к выходу, оглянулся на гибберлинга, чуть ли не с ногами залезшего в реактор, и замер в нерешительности.

– И не вздумайте удрать без меня, – загремел из недр железяки Эрик. – Догоню, ноги откушу, дылды!

Гордей криво ухмыльнулся и быстро пошел к выходу, нащупывая колчаны за спиной. Сколько у него осталось стрел? Пара огненных да пяток с молниями. Хватит этого, чтобы остановить неведомые силы, идущие сокрушить незваных гостей? Вряд ли. Ой, вряд ли.

Отдышавшийся Корн помахал рукой и повел человека и эльфа за собой, в темноту. Охотник искоса глянул на Винса. Тот, похоже, пришел в себя – шел быстро, дышал ровно, но все равно был белым, словно мел. Похоже, колдовство с лирой забрало у него слишком много сил, и эльфу надо было их восстановить. На ходу Гордей заметил, как Винсент сунул руку за пояс, вытащил крохотную бутылочку синего цвета, одним глотком выпил ее

содержимое и сунул опустевший сосуд обратно. Все это эльф провернул одним движением, так быстро, что если бы не случайный взгляд, охотник этого и не заметил бы. Лицо Винсента исказила гримаса – зелье, судя по всему, было не слишком вкусным.

– Там, – пробормотал вдруг Корн, шедший первым и державшй в руке крохотный кристаллик света. – Там!

Гордей резко остановился, оглянулся по сторонам. Так и есть – направо уходит темный туннель, тот самый, по которому они сюда пришли. Если свернуть туда да пробежаться по коридорам, то можно нагнать дружину гибберлингов, что бьется сейчас за выход. Но слева…

Охотник сделал пару шагов вперед, щурясь в темноту. Там – провал. Большая дыра в стене, из которой идет холодный воздух, пахнущий плесенью и гнилью. Дорога, кажется, опускается вниз, словно туннель расположен ниже, чем остальные. Быть может, он идет под горой? Насквозь?

– Свет, – прошипел Винсент, оказавшись рядом. – Погаси свет!

Испуганный гибберлинг резко сжал в кулаке кристаллик, и свет погас. На друзей обрушилась темнота, мгновенно лишив их зрения. Гордей даже немного запаниковал, но потом коснулся кончиками пальцев мокрой стены и вздохнул с облегчением. А потом – со страхом. Стена, не видимая в темноте, чуть подрагивала. Едва-едва – но четко и ритмично.

Позабыв про все на свете, Гордей бросился на пол, чуть не расшибив себе лоб о край стены, и приник ухом к холодному полу. Ничего он не услышал, совсем ничего. Зато почувствовал – ухо ощутило ту самую дрожь, что передавалась стенам. Но на этот раз охотник чувствовал все так четко, что перед его глазами встала готовая картина: вооруженный отряд мерно и ритмично бежит по темным коридорам, грохоча подкованными сапогами по мокрым камням. Близко. Слишком близко. Кажется, можно даже расслышать скрежет, с которым мечи задевают края каменного лабиринта…

– Гордей!

Охотник чуть не вскрикнул и подскочил, рывком становясь на ноги. Но это был всего лишь Винсент – старый добрый Винсент, не умеющий держать язык за зубами.

– Они близко, – выдохнул в темноту эльф. – Я чую их. Орки. Хадаганцы. Несколько магов. Я чувствую магию. Очень сильную магию. Совсем не ту, с которой мы уже встречались, понимаешь?

– Да, – отрезал Гордей и поежился.

Он не чувствовал ничего, кроме леденящего холода,

исходящего из дыры и заставлявшего неметь руки. Или это оно и есть? Проклятая магия?

Дрожащими руками охотник снял лук, вытащил из колчана огненную стрелу, положил ее на тетиву и постарался припомнить, сколько шагов в коридоре, откуда должен появиться враг. Кажется, десяток, потом он уходит слишком глубоко. Что может лучник с десяти шагов против толпы? Выстрелить один раз. Ну, может, два. Потом его сметет волна воинов.

Судорожно задергавшись, Гордей неловко запихал обратно в колчан огненную стрелу и вытащил ту, что плевалась молниями. Лучше эту – свалит с одного выстрела нескольких человек. Или орков. Может, удастся, заблокировать проход… Но нужен свет! Без света он не увидит, куда стрелять…

Заслышав громовой топот ног, Гордей вскинул лук, натянул тетиву и выругался. Да, шаги, но одни-единственные, и вовсе не с той стороны…

Из-за поворота вылетел Эрик, сжимавший в руке светящийся кристалл. Его маленькие ножки работали как барабанные палочки, отстукивая по каменному полу настоящую дробь.

– За мной! – проревел гибберлинг, проносясь мимо застывшего у стены Винсента. – Бегите, болваны!

Первым сообразил Корн – тонко взвизгнув, рыжий гибберлинг рванул с места прямо следом за своим вожаком, успевшим добраться до поворота. Потом сорвался с места Винсент – при этом он успел ухватить за рукав Гордея и с неожиданной силой дернул за собой. Охотник, чуть не выронив лук, заспотыкался, но потом припустил следом за друзьями. В одной руке он нес лук, в другой – стрелу, которую так и не успел наложить на тетиву. В спину ему ударил порыв холодного ветра, пахнущего гнилью, принесший с собой обрывки злорадного шепота. Это только прибавило сил Гордею.

Он мчался по темному туннелю следом за эльфом, который показывал недурную скорость для того, кто только что едва держался на ногах. У Винсента словно второе дыхание открылось, он мчался следом за шустрыми гибберлингами огромными скачками, совсем как раньше. Гордей готов был голову заложить, что все дело в той синей бутылочке, к которой эльф незаметно приложился. Вот бы и ему такую! А то силы, пожалуй, уже на исходе. Ноги болят, в боку колет, сердце колотится как сумасшедшее, грозя выскочить из груди… Неужели эльф не поделился бы с друзьями волшебным эликсиром? Может, у него оставался только один? А может, это зелье – смертельный яд для всех, кто не в родстве с эльфами?

Додумать эту идею Гордей не успел. Они как раз пробежали

очередной коридор и, наверное, раз пятый свернули в темноту. Но на этот раз впереди забрезжил свет – не дневной, не яркий, а красно-соломенный свет огня. Там, впереди, горели факелы или светильники, и там же, вне всяких сомнений, шла битва.

После поворота на Гордея обрушилась волна криков боли и ярости. Грохот железа, треск дерева… Он видел, что впереди отряд гибберлингов атакует новую стену орков, за спинами которых горели яркие светильники. На полу лежали тела – на этот раз гибберлинги и орки лежали вповалку, друг на друге, словно и после смерти пытались уничтожить друг друга.

Эрик не стал останавливаться – взревев раненым зверем, он выхватил одновременно оба меча и с разгона нырнул в самую гущу битвы. Корн нагнулся, подхватил с пола чей-то оброненный меч и кинулся следом за вожаком. Винсент метнулся в сторону, склонился над вздрагивающим гибберлингом, что все еще подавал признаки жизни. А вот Гордей остановился. Сделал пару шагов вперед, выбирая удобную позицию, и замер, напряженно вглядываясь в стену орков.

Ему требовалась минута, не больше. Нужно восстановить дыхание, очень нужно. Грудь охотника ходила ходуном, как кузнечные меха, и он знал – сейчас он не может стрелять. Руки трясутся, сердце колотится, в ушах стучит. Сейчас он может и промахнуться. Ну же! Возьми себя в руки. Ну!

Медленно закрыв глаза, Гордей затаил дыхание. Вслушиваясь в стук собственного сердца, он медленно поднял стрелу, что все еще сжимал в кулаке, наложил на тетиву. Натянул лук – все так же на ощупь, не открывая глаз. Вдохнул. Выдохнул. И открыл глаза.

За эти доли секунды ситуация на поле боя не изменилась. Вал гибберлингов по-прежнему накатывал на стену орков, что стояли насмерть, выставив вперед мечи и отгоняя от ног самых настырных мелких противников. Здесь, у выхода, коридор был широким, таким, что могла проехать повозка, и оркам было где разгуляться. Они пока не атаковали, но за спинами первого ряда виднелись шлемы тех, кто явно собирался пойти в атаку. Для атаки места было достаточно – как и для стрельбы.

Гордей прицелился и отпустил тетиву, что привычно хлопнула по кожаному наручу, скрытому под рубахой. Стрела, прочертив голубую полосу, скользнула между двумя здоровенными орками и воткнулась в горло третьему, стоявшему за спинами товарищей. Шум битвы перекрыл громовой треск, взметнулся ворох молний, и сверкающие синие отростки, похожие на паучков, обняли всех троих – и мишень, и тех, кто оказался поблизости.

Орки дружно заорали, затряслись, повалились на землю. Гибберлинги, очутившиеся рядом, подались назад, орки попытались быстро сомкнуть ряды, но Гордей снова выстрелил – и тут же, без перерыва, кинул на тетиву новую стрелу – прежде, чем первая успела долететь до цели.

Новый взрыв молний вызвал опустошение в задних рядах. Толкающиеся орки стояли слишком близко друг к другу, и молнии, поджаривающие их сквозь доспехи, свалили сразу четверых. А вторая стрела, прилетевшая следом, выбила из строя еще троих, собравшихся закрыть собой прореху.

Строй орков распался. Благодаря выстрелам Гордея в его центре образовалась огромная дыра, в которую незамедлительно хлынула вопящая толпа гибберлингов. Размахивая оружием, грозно вопя, они в мгновенье ока разбили строй орков на две части, прижали их к стенам, стали хватать за ноги и валить на пол.

Гордей, глядя на это, лишь бранился в полный голос. Он боялся стрелять, боялся, что ворохи молний зацепят его друзей гибберлингов. Но у него еще оставалась пара огненных стрел, которые охотник приберегал – как оказалось, не зря. Ими можно стрелять аккуратно, не боясь зацепить своих. Хотя потом…

Вскинув руку, Гордей потянулся к почти опустевшему колчану, за последними огненными стрелами, и замер, почувствовав, как в спину ударил холодный ветер. Он открыл рот, хотел крикнуть, предупредить друзей, бьющихся с орками, но не успел.

Перегретый реактор корабля, наконец, взорвался.

8

Пол под ногами прыгнул вверх, в спину ударил раскат грома, и Гордей кувырком полетел вперед, окутанный клубами пыли, волною промчавшейся по коридору. Ослепленный клубами пыли, оглушенный громовым раскатом, охотник хлопнулся на содрогающийся пол и заворочался, беспомощно разевая рот. Мысль была только одна – не выпустить лук. Не уронить оружие. Не уронить.

Пол под ногами еще содрогался, словно позади, в пещерах, рушилась огромная стена, постепенно роняя свои исполинские части на каменный пол, над головами витали клубы пыли, превращая полутьму пещеры в абсолютный мрак, но Гордей понимал – надо вставать. Дрожащей рукой он оттолкнулся от пола, встал на колени и рывком поднялся на ноги, пытаясь хоть что-то разобрать в клубах пыли. Он чихал и кашлял, но упрямо шагал вперед, понимая, что у дружины гибберлингов остался последний шанс выбраться из этой ловушки.

Впереди расплывались светлые пятна – это светильники, стоявшие у входа, повалились и рассыпали пылающие угли по полу. В этих зыбких отсветах, в пляшущих багровых пятнах, Гордей увидел, что пол пещеры перед ним оживает. Он шевелится, движется, сыплет проклятьями… Гибберлинги, упавшие после взрыва на пол, начали приходить в себя.

Зажимая рукой нос, забитый пылью, Гордей перешагнул через чьи-то тела – то ли гибберлингов, то ли орков, сделал пару шагов вперед и остановился. Из шевелящейся кучи тел, перекрывавшей коридор, вдруг восстал гибберлинг – мелкий, серый от пыли, сжимающий в руках мечи и – доведенный до белого каления.

Рев взбешенного Эрика прокатился по коридору, наполненному кашляющими, чихающими и стонущими телами. Маленький гибберлинг пнул ногой соратника, возившегося рядом на полу, потом таким же образом подбодрил второго, а затем рванулся вперед – к темной баррикаде из орочьих тел, что преграждала выход из пещеры.

Сплюнув, Гордей выругался, вытащил стрелу и вскинул лук, целя в клубы пыли, за которым маячили серые тени – орки тоже постепенно поднимались на ноги, пытаясь восстановить строй. Но теперь охотник оказался в невыгодном положении – он не видел цели, а пускать наугад драгоценные волшебные стрелы не хотелось. Он промедлил всего лишь пару мгновений, пытаясь рассмотреть хоть что-то в этих серых сумерках. А потом нужда в стрельбе отпала.

Гибберлинги все как один поднялись на ноги и рванулись вперед, следом за своим вождем. Отчаянно вопя и размахивая оружием, все дружинники, кто еще был способен стоять на ногах, бросились в атаку. Клубы пыли, что начали опускаться, взметнулись с новой силой, окутав сражающихся вязким серым покрывалом, скрыв от глаз охотника и друзей и врагов.

Отчаянно бранясь, Гордей рванулся вперед, перешагивая через тела павших и раненых, пытаясь подобраться поближе к сражающимся. Подойдя вплотную к месту схватки, он два раза поднимал лук и два раза опускал его, так и не выпустив стрелу. В этом сером месиве ничего нельзя было разобрать – орки и гибберлинги сражались в полутьме, в багровых отсветах рассыпанных углей, и никто уже не соблюдал строй. Бой распался на отдельные схватки, и Гордей не сомневался – если он сейчас и попадет в какого-нибудь орка, пострадают и гибберлинги, висящие на врагах, как охотничьи собаки на кабане.

В ушах Гордея еще стоял звон, и шума боя он почти не слышал. Разбирал только самые громкие и пронзительные вопли гибберлингов да низкое рычание орков. Но звук, раздавшийся из-за спины, он услышал сразу. Не просто услышал – почувствовал лопатками и сразу обернулся, хотя уже и знал, что он увидит.

В центре пещеры, в клубах пыли, стоял Винсент. Он был покрыт серой пылью, весь, с ног до головы. Его лицо было серым, его волосы, его одежда – все стало одинакового цвета. И лишь лира в его руках светилась желтым огнем, что отражался в широко распахнутых глазах эльфа.

Заметив, как взметнулась рука Винсента, охотник отшатнулся и прижался к стене – он не хотел оказаться на пути той разрушающей силы, которую уже видел в действии. Длинные пальцы эльфа ударили по струнам, лира вспыхнула огнем, а от пронзительного звука инструмента у Гордея заныли зубы – сразу все. Он скривился от боли, и чуть не пропустил тот момент, когда пыль перед лирой вдруг задрожала, пошла кольцами, а потом выстрелила вперед, как пылевой фонтан.

Невидимая сила ударила от груди эльфа, унося за собой пылевое облако. Это выглядело так, словно Винсент превратился в великана, которому вздумалось выдуть пыль из своей пещеры. Невидимая волна прокатилась по всему коридору, на миг окутав всех сражающихся непроницаемым сизым туманом, а потом с грохотом и воем вырвалась из пещеры.

Воздух снова очистился, стал прозрачным, пыль исчезла, словно ее никогда и не было тут. Осталась только полутьма и багровые отсветы углей, рассыпанных по самому краю пещеры. Прямо по ним топтались воины – и орки, и наседавшие на них

гибберлинги. Гордей, выпрямляясь, радостно вскрикнул. Выход! Оказывается, они были всего лишь в шаге от выхода! Нужно лишь немного помочь дружине Эрика…

Не размышляя, охотник вскинул лук, рывком натянул тетиву. Теперь он прекрасно видел, куда надо стрелять. Орки перекрыли выход из пещеры, не давая гибберлингам пробиться наружу. Они просто толпились у самого входа, перекрывая своими телами широкое горло выхода. А за их спинами высился второй ряд орков, не меньше двух десятков, готовых в любой момент заменить павших товарищей…

Гордей взял чуть выше и пустил первую огненную стрелу. Она прочертила пылающую полосу над головами гибберлингов, разминулась с плечом огромного орка и ударила ему за спину – прямо в толпу тех, что стояли снаружи. Огненный факел полыхнул прямо в толпе ожидающих своей очереди орков, и они дружно шарахнулись в стороны…

Вторая стрела была голубой, с молниями. Ее Гордей пустил чуть правее, вырубив сразу четверых орков, пытавшихся убраться подальше от пылающего товарища. Следующая пошла левее – на другой фланг. Ворох крохотных молний, с треском разрывавших ночь, свалил с ног еще пятерых, стоявших слишком близко друг к другу. Орки шарахнулись в стороны, строй их распался, и тогда Гордей пустил последнюю огненную стрелу – точно в голову того орка, что как скала возвышался среди атакующих его гибберлингов. Голова чудовища лопнула огненным фонтаном, орк завалился на спину, брызгая огнем на соседей. Те отшатнулись, строй нарушился, и вопящая толпа гибберлингов незамедлительно ворвалась в получившуюся брешь.

Больше стрелять Гордею не пришлось, волна гибберлингов вытолкнула остатки орочьего отряда из пещеры, как пробку из бутылки. Вопя и размахивая оружием, дружинники Эрика принялись добивать остатки охраны, а Гордей, опустив лук, обернулся.

Эльф сидел на полу пещеры, прижимая обеими руками к груди свой драгоценный инструмент. Лира больше не светилась, и казалось, что из ее владельца тоже ушел свет. Винсент просто смотрел перед собой – белый, как простыня, измазанный грязью, и, кажется, едва дышал.

– Винсент!

Гордей закинул лук за спину и бросился к другу. Ухватив эльфа под мышки, он рывком поднял его на ноги, и только тогда Винсент пошевелился. Его веки дрогнули, взгляд стал осмысленным, а бесцветные губы затрепетали.

– Наружу, – едва слышно шепнул эльф. – Уходить.

Гордей в отчаянье оглянулся по сторонам. У входа в пещеру еще шел бой – дружина Эрика оттеснила оставшихся орков к бараку, а из леса в спину врагу ударили остатки засады гибберлингов. Взяв врага в клещи, они планомерно истребляли орков, и сейчас им было не до раненых. В пещере остались только мертвые и потерявшие сознание.

Стиснув зубы, охотник перекинул длинную руку эльфа через плечо и, обхватив его за пояс, потащил к выходу.

– Второй раз, – прохрипел эльф, чертя носками сапог полосы в пыли, – сильный.

– Держись, – бросил Гордей, – сейчас…

У самого выхода в лицо им ударил холодный ветер, пришедший с улицы. Он разогнал остатки пыли и разметал волосы эльфа, стряхнув с них серую пыль. Гордей, почувствовав прилив сил, выволок друга из пещеры, прошелся по угасающим углям, обогнул тела павших орков и потащил Винсента к краю барака, туда, где стояла пара гибберлингов, вооруженных короткими луками. Они методично утыкивали стрелами орков, пытавшихся выбраться из общей схватки и убежать в лес.

– Быстрей, – гаркнул им охотник. – В пещеру! Там раненые!

Гибберлинги переглянулись, опустили луки и с сомнением глянули на подошедших дылд. Гордей не знал их и даже не видел раньше. Возможно, они были из той команды, что тайком присоединилась к команде Эрика.

– Кому сказал! – рявкнул Гордей. – Подняли свои мохнатые задницы и пошли вытаскивать своих! Никого не оставлять! Приказ Резака!

Обоих стрелков как ветром сдуло – заслышав имя своего вождя, они кинулись к устью пещеры. Гордей проводил их взглядом, потом стряхнул с себя руку Винсента и прислонил его спиной к деревянной стене барака. Ноги эльфа подкосились, он проехался спиной по стенке и сел на землю.

– Не сейчас, – прохрипел Винсент. – Нужно… отдохнуть.

– Держись, – пробормотал Гордей, оглядываясь по сторонам. – Ты только держись, Винс…

Из-за угла барака выбежал гибберлинг и чуть не сбил Гордея с ног. Охотник, вскрикнув, попятился, а гибберлинг поднял голову и довольно ухмыльнулся. Это был Тон – грязный, в крови, без кончика пушистого уха, но живой.

– Тон! – воскликнул Гордей. – Ты мне и нужен! Помоги…

– Поднимай его, – перебил его лекарь, бросив косой взгляд на эльфа. – Немедленно. Мы уже отходим.

– А раненые! – воскликнул Гордей. – Там столько наших…

– Мы уже начали их выносить, – рыкнул Тон. – Бери своего

друга и тащи в те кусты, где мы сидели пред атакой! И быстрей!

– Ему нужна помощь…

– Ему нужен отдых! И чем раньше мы уберемся отсюда, тем быстрее он отдохнет! Ну же, дылда, потрудись! Тебе будет легче его тащить, чем нам.

Гордей хотел ответить, что не знает, куда идти, но Тон уже бросился дальше – к пещере, у входа в которую толпились гибберлинги. Гордей выглянул из-за угла и бросил взгляд на площадку с телегой. На ногах осталось только двое орков, пытавшихся защищаться, остальные валялись на земле. Гоблинов и дух простыл – ни единого поблизости. Похоже, больше никому не нужен лучник с волшебными стрелами.

Облизнув пересохших губы, Гордей рывком поднял на ноги застонавшего эльфа, привычно закинул его руку себе на плечи и потащил в темноту. Туда, куда, по его расчетам, указывал Тон. Вроде бы. Наверное.

Винсент застонал, пошевелился и попытался идти сам. Безуспешно. Ноги его подкосились, и он завалился набок, чуть не опрокинув Гордея.

– Потерпи, – попросил Гордей. – Еще немного… Потом станет легче.

Винсент в ответ лишь тяжело вздохнул. Гордей ухватил его покрепче за кожаный ремень и потащил дальше, в темный лес, из которого они совсем недавно пришли. Ему хотелось думать, что дальше и вправду будет легче. Ведь самое сложное – позади.

9

Всего через десяток минут пути по темному ночному лесу Гордей был готов поклясться, что сражение в пещерах было не таким уж сложным делом. Несмотря на то что дружина Эрика одержала победу над врагами, победителями они не выглядели.

Отступать к кораблю отряд начал еще до того, как был убит последний орк из охраны лаборатории. Вояки еще только загнали его в угол, прижали к стене, а остальные гибберлинги уже потянулись длинной вереницей от пещеры к темному лесу. Все, кто остался на ногах, несли тех, кто не мог ходить – а таких было немало. Бывших пленников, изможденных и едва живых, тащили на носилках: пара веток из леса, крепкое одеяло – вот и готова переноска. Тех, на кого не хватило одеял, несли на руках. Мертвых тащили на плечах, волокли по земле, подхватывали на руки. Боевая дружина гибберлингов теперь выглядела как остатки отступающей армии, потерпевшей сокрушительное поражение.

Гордей и сам был не в лучшей форме, но упрямо тащил на себе обессиленного эльфа, едва шевелящего ногами. Его окружал лес, залитый ночной темнотой по самые края, под ногами хрустели ветки, чавкала грязь, вокруг раздавались стоны раненых. Все это ничуть не напоминало блистательную победу, о которых говорилось в легендах.

Идти было тяжело. Боевой задор, горячивший кровь в схватке, давно схлынул, оставив после себя свинцовую усталость и боль в мышцах. Болели колени, болела подвернутая в схватке нога, ныли руки, а сердце колотилось так, словно пыталось проломить ребра изнутри. Хотелось бросить все, упасть под ближайший куст и просто лежать, хватая ночной воздух жадно открытым ртом. Но этого нельзя было делать. Никак нельзя.

Цедя сквозь зубы ругательства, Гордей упрямо шел дальше, волоча за собой Винсента. Эльф, еще недавно казавшийся легким как пушинка, казалось, тяжелел с каждым шагом. Он был в сознании, пытался время от времени встать на ноги, но пока ему это не удавалось. Он был слаб, как котенок, а из его тела словно все кости вынули.

Гибберлинги же упрямо текли вперед тоненьким ручейком, унося с собой павших и раненых. Гордей с завистью поглядывал им вслед – мохнатые малыши, похоже, просто не знали, что такое усталость. Постепенно человек и эльф отстали и очутились в самом конце живой цепочки, скользившей в лунном свете между изломанных черных деревьев.

Гордей обернулся и сердито засопел. Там, за спиной, шел

отряд вояк – они прикрывали отход дружины и не рвались вперед. Охотник видел лишь их темные силуэты, мелькавшие среди кустов, да слышал хруст веток и скрежет стали. Нахмурившись, он прибавил шагу. Кого они там караулят? Лучше бы помогли.

Заслышав хруст веток, Гордей резко обернулся. Ему навстречу из темного куста вывалился гибберлинг с обнаженным мечом в руке. В зыбком лунном свете Гордей не сразу узнал Эрика, догадался, что это он, только когда Резак подошел ближе.

– Как вы? – хрипло спросил гибберлинг, окидывая эльфа долгим взглядом.

– Идем, – сухо отозвался Гордей, пытаясь хоть немного перевести дух.

– Давайте уж чуток быстрей, – пробормотал Резак, виновато отводя глаза. – Нам нужно двигаться.

– Сам попробуй, – буркнул охотник. – Лучше бы помогли, тогда и быстрей дело бы пошло.

– Не могу, – Эрик дернул головой и оскалился. – Остались только разведчики. Нам надо следить за тылом.

Гордей сердито засопел, потом половчее ухватил эльфа за ремень и двинулся дальше. Винсент что-то пробормотал и снова попытался брести сам. На этот раз ему удалось не свалиться. Эрик сунул меч в ножны за поясом, поправил щит, висевший за спиной, и двинулся рядом, настороженно оглядываясь по сторонам.

– За кем там следить? – пропыхтел Гордей. – Пещера завалена, орки убиты…

– А гоблины шарятся по округе, – отозвался Резак. – Они неважные воины, но их много. К тому же…

– Что? – охотник увидел, что Эрик смотрит назад, через плечо, и остановился.

– К тому же погоня уже идет, – пробормотал Резак, кладя мохнатую лапу на рукоять меча. – Они пошли в обход горы. У нас достаточно времени, но если что-то нас задержит…

Гордей услышал знакомый свист одновременно с Эриком и тут же бросился на землю. Эльф, оставшись без поддержки, со стоном рухнул следом, прямо в грязь, чуть не придавив пригнувшегося к земле Эрика. Несколько стрел свистнули у них над головой – пущенные наугад, в темноту, они прошли выше и с глухим стуком впились в черные стволы деревьев. Из темноты, оттуда, откуда пришли стрелы, раздались сдавленные крики и звон стали.

– Убирайтесь! – взревел Эрик, вскакивая на ноги. – Бегите! Быстрее!

Гордей подскочил, ухватил Винсента за руку, рванул вверх.

Камзол эльфа лопнул, горсть пуговиц порскнула в темноту, а следом на сырую землю посыпались белые листки с балладой. Винсент рванулся следом, выдернул руку из ослабевших пальцев Гордея и повалился обратно в грязь.

– Быстрей, клятые дылды! – завопил разъяренный Эрик. – Вы нас погубите!

Гордей выругался – отчаянно и зло, так, как никогда не позволял себе его отец, но как частенько ругались гибберлинги. Скинув с плеча лук, он зашвырнул его в кусты, потом наклонился, подхватил Винсента на руки и из последних сил взгромоздил его себе на плечо – как мешок с картошкой. Эльф упирался и что-то возмущенно бормотал, но Гордей, обливавшийся потом от усталости и страха, его не слушал. Прикусив губу, он припустил вперед по тропе, вслед ушедшему отряду гибберлингов, стараясь не слишком прислушиваться к темному лесу. Он боялся услышать пение той самой стрелы, что вонзится ему в спину.

Винсент ворочался, не желая расставаться с драгоценными заметками, но Гордей бежал вперед – не так быстро, как хотелось бы, но все же бежал. За спиной остались воинственные крики вояк Эрика и шорох стрел, пронзающих темный лес. Кто это был – гоблины, уцелевшие орки или хадаганцы, нагнавшие, наконец, беглецов, Гордей не знал, и знать не хотел. Он просто бежал вперед, тяжело топая сапогами по палой листве и сырой земле, бежал, спасая свою жизнь и жизнь одного очень недовольного и беспокойного эльфа.

Он догнал отряд гибберлингов только на краю леса, там, где кончались деревья и начинались прибрежные скалы, усеянные жесткой сухой травой и редкими деревцами. Гордей уже не бежал – выбившись из сил, он тяжело брел вперед, слушая бесконечное бормотание Винсента, что никак не мог смириться с потерей своего труда.

Выбравшись на открытое место, миновав последний раскидистый куст мертвого леса, Гордей в изнеможении остановился, покачиваясь от усталости. Прямо перед ним раскинулся каменистый берег, заканчивающийся крутым обрывом. По серым камням, лишь едва освещенным светом бледной луны, вилась цепочка гибберлингов, тащивших на себе своих соратников. Это ожившая река уже успела обогнуть самые большие скалы и теперь спускалась к самому краю, туда, где светился транспортер, ведущий на корабль. Сам «Бесстрашный» висел неподалеку – в пустоте, за обрывом. Отсюда Гордей не видел, что творится на его борту, но подозревал, что сейчас команда готовится принять на борт беглецов.

Застонав от боли в плече, охотник поудобней ухватил

обессиленного Винсента и двинулся вниз, к камням, на которых остались следы прошедшего отряда гибберлингов. Хотелось оглянуться, посмотреть, что там – позади. Близко ли враги, далеко ли друзья… Но на это не было сил.

Пыхтя и отдуваясь, Гордей шлепал вниз по скалам, к самому обрыву. Пот заливал глаза, ноги дрожали, плечи онемели и ощущались как вопящие от боли куски мяса. Подошвы сапог, испачканные в лесной глине, скользили по камням, и Гордей не раз терял равновесие и только чудом оставался на ногах. При этом он боролся со страстным желанием приложить Винсента головой о ближайший камень, чтобы этот пламенный творец наконец заткнулся. Хотя эльф едва мог пошевелить рукой, силы к нему постепенно возвращались. К сожалению, первым делом они вернулись к его языку, о чем Гордей успел не раз пожалеть. Хриплым голосом эльф ныл ему в ухо всю дорогу, оплакивая потерянные бумажки – до тех пор, пока потерявший терпение охотник не заорал:

– Останешься жив, болван, напишешь еще лучше!

После этого Винсент поутих, но все еще порой бурчал, жалуясь на жестокую судьбу. Если бы Гордей не видел его в деле всего лишь час назад, он бы ни за что не поверил, что этот нытик способен в одиночку разметать отряд орков, а потом отдать последние силы, чтобы принести победу своим друзьям.

Когда колени Гордея наткнулись на что-то мягкое, он вздрогнул, зашатался, пытаясь сообразить, на какой это камень он налетел. И только когда за его локоть взялись маленькие пальчики, охотник додумался опустить глаза. Гибберлинги! Дошел.

Со стоном облегчения Гордей обвел полубезумным взглядом узкую площадку рядом с черным обрывом, за гранью которого висел «Бесстрашный». В центре виднелось синее волшебное пятно. В него то и дело ныряли гибберлинги, утаскивая на корабль своих беспомощных товарищей. На самом деле на берегу их осталось не так уж много – не больше десятка. Все остальные успели погрузиться на «Бесстрашный», пока Гордей ковылял к берегу. И теперь те, кто остался, пытались освободить охотника от его ноши.

Тяжело вздохнув, Гордей свалил Винсента на руки гибберлингам и со стоном выпрямился, чувствуя, как хрустит что-то в спине. Он даже успел прислониться к огромному камню и сделать пару длинных вздохов, наслаждаясь ощущением легкости. Но потом по его коленке вежливо постучали. Открыв глаза, он увидел Эрла – встревоженного, со вставшей дыбом шерстью.

– Гордей, – позвал он. – Где Эрик?

– Идет, – охотник мотнул головой в сторону темнеющей полоски леса. – Прикрывает.

Эрл с тревогой взглянул на лес, потом перевел взгляд на человека. Гордей обреченно застонал, отлепился от камней и, нашаривая кинжал за поясом, повернулся в сторону дороги, ведущей вверх. Еще раз? Нет, пожалуй, он это не осилит. Не сейчас.

– Резак! – вдруг восторженно завопил Эрл. – Он идет, идет!

Только прищурившись, Гордей разобрал темные тени, скользящие от кромки леса к серым скалам. Это и в самом деле был отряд гибберлингов, прикрывавших отход. Их было не больше десятка, и они вовсе не выглядели гордыми победителями. Они напоминали вояк, драпавших от врага во все лопатки.

– А ну-ка, – пробормотал Гордей, вспоминая стрелы, прилетевшие из лесной темноты. – Давайте, ребята, все на борт корабля.

Эрл что-то пробормотал, двинулся навстречу отряду Эрика, но потом, заметив неладное, остановился.

– За ними погоня! – рявкнул Гордей. – А ну, быстро, все на борт! Забирайте все, быстрей, быстрей!

Гибберлинги суетившиеся около синего круга телепортера, стали хватать вещи, раскиданные по земле, – мешки, одеяла, веревки. Двое подхватили Винсента и нырнули в сияние портала. Гордей ухватил Эрла за мохнатое плечо, развернул к себе, и навис над гибберлингом.

– Беги к Сигу, – сказал он. – Пусть он отдает концы, откидывает копыта, отрезает канаты или что вы там делаете на своих кораблях! Реактор на полную мощность! Мы должны тронуться с места сразу же, как Эрик доберется до нас, а может, даже на минуту раньше!

Эрла не пришлось уговаривать – развернувшись, он прыгнул в синий портал и мгновенно исчез с глаз. На берегу остались только Гордей да два гибберлинга, деловито запихивающих в мешок огромную бухту каната.

– Вам что, отдельное приглашение надо? – рявкнул Гордей. – На борт, быстро! И готовьтесь ловить последних!

Гибберлинги одарили раскомандовавшегося дылду сердитым взглядом, но послушно взяли мешок и исчезли в синем пламени портала. Оставшийся в одиночестве Гордей сделал пару шагов вперед, к тропе на скалах. Впившись взглядом в серые тени, скользившие ему навстречу, он процедил сквозь стиснутые зубы:

– Давай… давай…

Он уже видел преследователей – темную волну, выкатившуюся из леса. Отсюда было не разобрать – орки это или люди. Но то, что они были взбешены, было ясно с первого взгляда. Над их головами пылали факелы, и в их отблесках полыхала обнаженная сталь.

– Быстрей! – закричал Гордей. – Эрик, крыса ты лесная, быстрей! Они идут!

Словно отзываясь на его слова, первый из гибберлингов чуть ли не кувырком скатился по тропе, подбежал к синему кругу и замер, оглядываясь по сторонам. Это был высокий черный гибберлинг, один из вояк.

– Где Эрик? – рявкнул охотник. – Жив?

– Жив, – отозвался тот. – Идет последним.

Мимо Гордея проскочил еще один вояка и с разгону кинулся в синее пламя портала. Следом за ним еще один. Потом шли сразу двое, они на руках тащили за собой третьего, раненого. Гордей потянулся к ним, желая помочь, но гибберлинги обошлись без него – ловко подтащили раненого к порталу, где их встретил самый первый гибберлинг. Он ухватился за друзей и все четверо одновременно отправились на корабль. Гордей не успел и слова сказать – мимо него промчалась очередная парочка, задержавшись лишь на секунду, чтобы крикнуть:

– Уходи, дылда!

Но Гордей и не подумал отступить – он не сводил взгляда с последних двух гибберлингов. Они неловко спускались вниз, поддерживая друг друга. Эрика охотник опознал только по маленькому круглому щиту, висевшему за спиной. Резак пытался помочь своему товарищу, хромавшему по камням. Они были близко, совсем близко… Но Гордей видел, как за их плечами маячат темные тени. Лучники или маги с посохами… Кто-то там уже взял верный прицел.

Потеряв терпение, Гордей в пару прыжков добрался до Эрика с напарником, подхватил их под мышки, как бочонки с вином, и поскакал обратно на берег, подвывая от боли в растянутых руках. Ошеломленный Эрик не успел даже и слова вымолвить, только зарычал. А потом Гордей с разгона бросился в синее пламя портала, взлетел над берегом и через миг кувырком полетел по деревянной палубе «Бесстрашного» под ликующий рев корабельной команды.

– Уходим, уходим! – закричал Гордей, поднимаясь на колени. – Уходим!

Но в его крике не было надобности – Сиг Быстрых свое дело знал туго. «Бесстрашный» начал двигаться еще до того, как последние гибберлинги оказались на палубе, и теперь Гордей,

стоя на коленях, наблюдал за тем, как медленно уплывает вниз каменистый берег. Синее пламя портала погасло, но на его месте появились серые тени, в ярости мечущиеся по берегу. До Гордея донесся глухой стук – кажется, кто-то выпустил в борт уходящего «Бесстрашного» десяток стрел. Но это был жест отчаянья, ярости – все закончилось.

– Закончилось, – пробормотал Гордей. – Все…

Раскинув руки, он повалился на доски палубы и, блаженно улыбаясь, уставился в черное небо над головой. Рядом восторженно вопили гибберлинги, отчаянно радуясь удавшемуся рейду. Они кричали, обнимались, прыгали, но Гордею все это было безразлично. Все, наконец, закончилось. С плеч словно гора упала, оставив после себя чувство полного опустошения и счастья. Теперь все. Больше ни ногой… Никуда… Вернуться бы домой, пойти в лес, выследить кабана… И просто уйти дальше, в самую чащу, так и не взявшись за оружие.

Гордей лежал на спине, медленно дышал и не собирался подниматься в ближайшее время. Он думал, что неплохо бы полежать так часик-другой, а может, и денек. Просто лежать, наслаждаясь этим прекрасным ощущением того, что ты жив, а все плохое кончилось. Так он и лежал, воплощая свой план в жизнь, пока сквозь восторженные крики гибберлингов не пробился новый тревожный голос:

– Корабль!

10

Застонав, Гордей приподнялся на локтях и завертел головой. Увидел он только темную палубу, лишь едва освещенную зыбким светом звезд. Выглядела она жутковато. Везде лежали гибберлинги – кто неподвижно, кто постанывая и шевелясь, а кто и просто громко жалуясь на лихую судьбу. Уставшие, ободранные, грязные, они, как и Гордей, наслаждались заслуженным отдыхом. Только команда, дежурившая на корабле, ловко металась меж уставших друзей, быстро подбирая раненых и затаскивая их в недра корабля.

– Корабль! – вновь раздался звонкий голос гибберлинга. – Приближается!

Гибберлинги, лежавшие рядом с охотником, зашевелились. Ругаясь, они начали подниматься на ноги, опираясь на свое оружие или на плечи товарищей. Гордей тоже зашевелился – приподнялся, сел, перевернулся на четвереньки, морщась от боли в растянутой спине, а потом, наконец, встал на колени. Развернувшись, охотник повернул голову, туда, куда были устремлены взгляды всех гибберлингов. И сдавленно вздохнул.

Из пустоты астрала к «Бесстрашному» медленно спускался большой черный корабль. Он был больше корабля Сига чуть ли не вдвое и выглядел более грозно – черный, с высокими бортами, с сетками и щитами. Выглядело это потрясающе – в абсолютной тишине, бесшумно скользит огромный корабль, который можно хорошо рассмотреть – от киля до макушки мачт. Он спускается сверху, опускает нос, словно большая рыба, собирающаяся подплыть поближе к своему мелкому собрату. Выглядело это все очень красиво. И немного страшно. Что ему тут нужно, этому кораблю?

– О, песий хвост, – тихо пробормотал Гордей, чувствуя, как неприятный холодок скользит между лопаток. – Песий хвост…

Он попытался вскочить на ноги, пошатнулся и чуть не покатился кувырком по палубе. Вокруг шумели гибберлинги – они тоже поднимались на ноги, нашаривали оброненное оружие и костерили на чем свет стоит судьбу-злодейку, выкинувшую черную карту. В том, чей это корабль, ни у кого не было ни малейший сомнений. Гордей никогда не видел его раньше, но был абсолютно уверен в том, что это корабль Глока Ползунова. Только он мог преследовать «Бесстрашный», только он посмел бы подойти так близко к аллоду Империи в одиночку. Только ему был нужен Эрик и все те гибберлинги, что совсем недавно были пленниками.

– В укрытие! – громкий голос разнесся над палубой громовым раскатом. – Все в укрытие! Готовьтесь к бою!

Резко обернувшись, так, что хрустнуло в шее, Гордей увидел крикуна – ну конечно, это был Эрик. Он стоял на том самом балкончике с перилами, на котором еще совсем недавно стоял сам охотник. Со своего возвышения Резак грозно осматривал палубу, забитую ворчащими гибберлингами.

– Быстрей! – рявкнул он, поднимая меч. – Шевелитесь! К бою!

– Он не посмеет! – крикнул кто-то из толпы. – Брось, Резак, ты…

Гибберлинг не успел договорить – его голос утонул в реве толпы, раскатившемся над палубой «Бесстрашного». Гордей резко обернулся, сжимая кулаки.

Большой черный корабль по-прежнему опускался к «Бесстрашному». Только теперь впереди него летел большой огненный шар, направленный точно в корабль Сига. Шар летел все быстрей, опережая черный корабль, и хотя был еще далеко, выглядел так, словно только что оторвался от солнца.

Невидимая рука страха сдавила Гордею шею, заставила замолчать от ужаса, когда он увидел, что от черного корабля отделился еще один огненный шар. Второй заряд устремился следом за первым, пристроился ему в хвост, и гибберлинги дружно вздохнули, увидев, что к «Бесстрашному» несутся уже две кометы.

Гордей не успел ничего сказать – палуба под его ногами дрогнула, и он всем телом ощутил вибрацию, что поднялась от пяток до самого живота. «Бесстрашный» вздрогнул, как раненый зверь, и охотник почувствовал, как палуба поползла куда-то вниз и назад… Сиг Быстрых знал свое дело. Он выжал из своего корабля все что мог – резко ускорился и заложил вираж, так, чтобы уйти от выстрелов врага.

– Реактор долго такого не выдержит, – пробормотал Гордей, шаря руками по поясу. – Эрл… Эрл!

Обернувшись, он начал озираться по сторонам, пытаясь найти в полутьме хоть кого-то из бригады техников. Никого он не увидел, и это его обрадовало. Это значит, Эрл и его соратники на своем боевом посту, значит, все под контролем.

Эрик продолжал отдавать приказы, его громкий голос разносился над всем кораблем и заставлял ошеломленных предательством гибберлингов действовать. Они разбились на отряды, разошлись по сторонам. Некоторые устремились вглубь корабля, другие бросились к мачтам. Некоторые ныряли в темные отверстия у бортов, которые вели к орудийной палубе. Но Гордею сейчас было не до них – он заметил знакомую фигуру у лестницы

и побрел к ней.

Винсент сидел на самой нижней ступеньке, устало вытянув перед собой ноги и привалившись плечом к деревянным перилам. Лестница вела наверх, к двери, ведущей в помещения корабля и к балкончику, на котором высился Эрик, громовым голосом выкрикивающий команды. Не обращая внимания на весь этот шум, охотник подошел ближе и сел на лестницу рядом с эльфом. Гордей чувствовал себя ненужным, потерянным. У него не было оружия, и единственное, чем он мог помочь команде «Бесстрашного», это не путаться у них под ногами, как бы глупо это ни звучало по отношению к этим малышам.

– Ты как? – тихо спросил Гордей, заглядывая в бледное лицо Винсента. – Лучше?

Винсент медленно повернул к другу белое лицо, моргнул, потом скривил уголок рта.

– Лучше, – произнес он и снова отвернулся, уставившись в темное небо.

Гордей проследил за его взглядом и невольно поежился. Винс, оказывается, наблюдал за огромными огненными шарами, что приближались к «Бесстрашному». Маневр Сига удался – даже отсюда было видно, что пылающие заряды пройдут далеко за кормой «Бесстрашного». Глок слишком рано начал стрелять, дал неверное упреждение. Но он не оставил своих попыток – от черного корабля к «Бесстрашному» уже летели два новых шара, и пока нельзя было угадать, нагонят они свою цель или нет. Гордей хотел сказать что-нибудь ободряющее, открыл уже рот и тут же закрыл. Ничего умного в голову так и не пришло, поэтому он стал, как и Винсент, просто следить за пылающими огненными шарами, что приближались к «Бесстрашному».

– Гордей!

Охотник вскинулся, обернулся, но это был всего лишь Эрик. Покинув свой командный пост, он медленно спускался по ступенькам к друзьям, придерживая лапой меч, вложенный в ножны.

– Как вы? – буркнул Резак, поравнявшись с друзьями.

– Ждем, – мрачно выдохнул эльф. – Что еще остается делать.

– Ничего, – пробормотал гибберлинг, усаживаясь на ступеньку рядом с охотником. – Долго ждать не придется.

– Мне кажется или «Бесстрашный» разворачивается навстречу шарам? – спросил Гордей, щурясь в темноту звездного неба.

– Не кажется, – отозвался Резак. – Сиг знает, что у нас только один шанс уцелеть.

– Это какой же? – осведомился Винсент.

– Сиг развернет корабль, увернется от пары выстрелов и

пойдет на сближение, – отозвался Резак. – Главное, зайти снизу, там мертвая зона. Стрелять уже не будут. А когда будем рядом, притереться к борту и…

– И что? – с насмешкой произнес Винсент. – Взять эту громаду на абордаж? С уставшей командой, из которой половина на ногах не стоит?

– Ерунда, – буркнул Эрик. – Мелочи.

– Мелочи? – взвился эльф. – Как ты можешь так говорить?

– Легко могу, – отозвался гибберлинг. – А вот то, что нам придется повернуть оружие против своих же, это… Вот это меня заботит больше всего.

Ошеломленный Винсент встревоженно глянул на друга – не шутит ли? Не шутит. Выругавшись, эльф ухватился за резные перила, попытался подняться, но со стоном осел обратно на ступеньки.

Гордей в разговоре не участвовал – он следил за второй парой огненных шаров, что медленно приближались к «Бесстрашному». Когда стало ясно, что и эти пройдут мимо, охотник перевел взгляд на Резака.

– У меня оружия нет, – пожаловался ему Гордей. – Бросил лук. Как воевать?

Резак сердито засопел, потом протянул человеку свой меч. Охотник взялся за рукоять, – мала. Широкая ладонь Гордея не помещалась на рукоятке, накрывала ее полностью, с навершием.

– Ну как ребенок, – недовольно буркнул Резак, забирая меч. – Найди что-нибудь. Что ты за воин, раз у тебя оружия нет?

Гордей нахмурился, хотел ответить, что, мол, дружба важнее, но потом его как молнией ударило. Вспомнил: черный лук, добытый в бою, он все еще в каюте! Потерял он лук гибберлингов, а его собственный еще там!

– Сейчас, – пробормотал Гордей, поднимаясь на ноги. – Я сейчас…

Эрик тяжело вздохнул и начал подниматься по ступенькам наверх. На ходу обернулся, бросил сверху:

– Держитесь вместе, когда начнется, ладно? Побудьте здесь, что ли.

– Я-то никуда не денусь, – мрачно отозвался Винсент. – Идите, веселитесь…

Гордей уже не слушал пререкания друзей – прыжками он поднялся по лестнице и кинулся бегом вглубь корабля, проклиная свою забывчивость. Эрик прав: какой же он, к псам, воин, когда у него нет оружия. Его нужно найти. Прямо сейчас.

В самом нижнем коридоре, ведущем к крохотной каюте, Гордею пришлось задержаться. Ему навстречу вышел целый отряд

гибберлингов, тащивших за собой корзины и коробки, набитые, судя по резким запахам, лекарствами. Возглавлял отряд Тон с братьями – все трое бодро топали вперед, ведя за собой добровольных помощников.

Чтобы не мешать отряду лекарей, охотник вжался в стену, стараясь занять как можно меньше места. Тон, проходя мимо, хмуро глянул на человека сверху вниз.

– Ранения? – бросил он, не останавливаясь.

– Нет, – выдавил Гордей, мотая головой.

Тон махнул рукой отстающим гибберлингам и с суровым видом проследовал дальше. Выглядел он неважно – усталый, осунувшийся. Если бы это был человек, Гордей сказал бы, что он постарел на десять лет. Но кто разберет возраст гибберлинга?

Пропустив отряд, Гордей поспешил дальше, в каюту. Она осталась точно в том виде, в каком ее оставили друзья, – пусто, чисто, на полу стопка одеял. Оружие нашлось быстро – черный лук, взятый в бою с наемниками, лежал рядом с покрывалом, там, где и оставил его Гордей. Молодой охотник бросился к нему, опустился на колени, с трепетом взял в руки, согнул. Потом зашарил по карманам в поисках заботливо снятой тетивы. Найдя драгоценную нить, Гордей натянул лук, согнул его, примериваясь. Как новенький. Тугой, в руках лежит уверенно, как будто специально для Гордея делали.

Припомнив свой старый охотничий лук, охотник покачал головой. Когда-то ему казалось, что лучше нет того лука, сделанного своими руками. А теперь… Теперь он знал, как велик этот мир. И как опасен.

Спохватившись, Гордей быстро проверил свои запасы. Полный колчан стрел к черному луку, полтора десятка. За плечами, в раздавленных и помятых маленьких колчанах, лишь одна синяя стрела, да и та надломлена. А вот нечего на плечах таскать друзей, какая тут стрела уцелеет! Вздохнув, Гордей скинул разбитые колчаны на пол, волшебную стрелу уложил на одеяло, посмотрел на нее, задумался. Потом решительно отломал наконечник, вытащил из кармана бечевку и примотал остатки стрелы к одной из обычных. Сойдет. Всего-то нужно пустить ее в цель, а дальше она все сама сделает.

Поднявшись на ноги, Гордей закинул на плечо колчан с черными стрелами, взял в левую руку лук, правой поправил пояс и, вздохнув, решительно вышел из комнаты.

Он не питал иллюзий относительно своей судьбы. Корабль Глока был больше раза в два, и если он не собьет «Бесстрашный» из своих орудий, это уже будет чудом. А если и не собьет – его команда не валится с ног от усталости и готова к бою, да и

раненых в ней нет. Это бой без выигрыша. Единственный выход – сбежать. Но, похоже, Сиг уже исчерпал всю удачу «Бесстрашного», убегая от астрального демона.

Поднимаясь по темным лестницам, Гордей уворачивался от гибберлингов, мечущихся по коридорам. В их движениях не было паники, напротив, все они были деловиты, собранны и явно выполняли важные поручения. Добравшись до главной площадки, Гордей опешил. Вся она была завалена ранеными гибберлингами, вокруг которых суетилась команда лекарей Тона.

Покачав головой, Гордей двинулся в обход – вдоль стен, стараясь не наступать на руки и ноги гибберлингов. На его глазах пара лекарей ухватила стонущего вояку и потащила его куда-то вниз по лестнице, в глубины корабля. Следом за ним отправился второй. Гордей хмыкнул – вот, значит, зачем это все. Здесь просто перевалочный пункт. Наверное, потому, что это большое и хорошо освещенное помещение.

Проходя мимо большой двери, окованной железными полосами, Гордей не удержался – приоткрыл ее и заглянул в машинный зал. Здесь было шумно – десяток гибберлингов метались между усилителями и отводами тепла, а у реактора, дверцы которого были распахнуты, стоял Эрл и трое его соратников. Они заглядывали в недра механизма и отчаянно спорили – видно, решали, как перенастроить эту штуку, чтобы она выдавала максимум мощности при минимальном нагреве. Похоже, решать нужно было как можно быстрее – доски вокруг реактора уже потемнели от жара, а из распахнутых дверок показалась струйка дыма.

– Эрл! – крикнул Гордей, и маленький гибберлинг резко обернулся, словно его ударили. – Помощь нужна?

Тот замахал руками, мол, иди отсюда, не отвлекай, и отвернулся, возвращаясь к спору.

Гордей кивнул – тут он был не нужен – и закрыл дверь. Пора было идти туда, где он мог принести хоть какую-то пользу. Интересно, что бы по этому поводу сказал отец? Выругал бы, наверное, за то, что ввязался в такое дело.

Обойдя стороной раненых гибберлингов, Гордей в пару прыжков поднялся по ступенькам, выскочил на балкончик с перилами и принялся срывать с плеча зацепившийся за капюшон лук.

Корабль Глока был в нескольких метрах от «Бесстрашного»! Пока Гордей ходил по трюмам, Сигу удалось провернуть свой маневр и подобраться вплотную к противнику! Не зря дымился реактор, не зря – он выдал все, на что был способен.

Сглотнув пересохшим горлом, охотник зачарованно

уставился на огромный черный борт корабля, к которому стремительно приближался «Бесстрашный». Корабль Глока напоминал скалу – огромную, черную, лоснящуюся скалу, к которой собирался пристать маленький корабль Сига Быстрых. Корабли быстро сближались, «Бесстрашный» при этом чуть поднимался, чтобы встать вровень с бортом противника, и Гордею пришлось смотреть на врага сверху вниз. Там, за планширом чужого корабля, виднелись черные точки – головы врагов. Глок, конечно, понимал, что собирается сделать Сиг, и наверняка отправил свою команду к бортам, чтобы приготовиться к штурму.

Облизнув пересохшие губы, Гордей быстро осмотрел палубу. Да, их команда была невелика. Десяток здоровенных – для гибберлингов – вояк прячутся за фальшбортом, готовясь к столкновению. Еще десяток укрылись за ящиками, наваленными вокруг центральной мачты, и, похоже, у них есть луки. А вот и резерв – у самой лестницы прячется еще два десятка гибберлингов, готовясь нанести удар. Их возглавляет Эрик – мрачный, в рваном жилете, с одним мечом и щитом, закинутым за спину.

Привстав на цыпочки, Гордей заглянул на другую сторону лестницы. Там обнаружился Винсент. Он в одиночестве стоял на коленях, держась за резные перила и глядя сквозь них на приближающийся борт черного корабля. Гордей с тревогой оглянулся. Куда же ему деваться? Что делать? Бежать к лучникам у мачты или ждать команды Эрика? Или просто стоять здесь, пока не придет и его срок?

Окликнуть друзей молодой охотник не успел – внезапно «Бесстрашный» дрогнул под его ногами и словно прыгнул вперед, резко забирая влево. Его нос скользнул вдоль черного борта корабля Глока, а правый борт пошел впритирку с черной громадиной. Над бортами кораблей взвилась целая метель мелких искорок, словно невидимые барьеры, защищавшие их от астрала, столкнулись. А через миг столкнулись и сами корабли.

Удар был настолько силен, что «Бесстрашный» вздрогнул от носа до кормы. Если бы Гордей не успел ухватиться за перила, он бы сейчас полетел кувырком на палубу внизу, прямо под ноги Винсента. Но Гордей устоял, всего лишь упал на одно колено. И как только он начал выпрямляться, над палубой «Бесстрашного» раздался многоголосый рев. Битва началась.

11

Бойцы Глока не стали атаковать первыми, как предполагал Гордей. Нет, над планширом черного корабля вдруг взметнулись десятки рук, сжимающих маленькие луки, и на палубу «Бесстрашного» обрушился град стрел. Гордей раскрыв рот смотрел, как черные полоски дождем обрушились на укрытие лучников «Бесстрашного», с грохотом пробивая коробки, сложенные у мачты. Часть стрел отправилась к лестнице, где скрывался отряд Эрика, но все они попали лишь в деревянные стены, густо утыкав заодно и ступеньки лестницы. Пара стрел ткнулись в дверь за спиной Гордея и он, спохватившись, опустился на одно колено, чтобы не торчать на виду, как соломенная мишень.

Второго залпа не последовало – десяток вояк, таившихся за фальшбортом «Бесстрашного», выскочили из убежища, дружно перемахнули через борт на палубу корабля Глока и очутились в самом центре строя лучников. И немедленно устроили резню. Лучники бросились врассыпную, к воякам Эрика метнулись воины Глока, и у борта вскипела жаркая схватка.

Но ею бой не ограничился – хотя лучники врага временно выбыли из строя, его дружинники не собирались отступать. Игнорируя схватку на своей палубе, воины Глока принялись перепрыгивать на борт «Бесстрашного». Пять, десять, двадцать…

И в этот момент в дело вступили лучники Эрика. Высунувшись из-за ящиков, они дружно выстрелили в атакующих. С такого расстояния промахнуться было невозможно. Волна стрел скосила прыгающих вояк Глока, как серп пшеницу. Первые все полегли под стрелами, второй десяток замешкался – им приходилось прыгать прямо на тела соратников, и это дало время лучникам Эрика выпустить второй залп.

Но атакующих было много, слишком много. Гордей видел, как еще десяток черных воинов перепрыгнули через борт на палубу «Бесстрашного» в другом месте, чуть ближе к носу, и бросились бегом к мачте, к укрытию лучников. Их было немного, десяток, может, больше, но они свое дело сделали. Часть лучников отвлеклись на них, судорожно пуская стрелы в приближающихся врагов.

Гордей, не размышляя, вскинул лук и пустил первую стрелу. Длинная, черная, тяжелая, она насквозь прошила черного вояку, что почти подобрался к коробкам у мачты. Охотник успел выпустить вторую и свалил еще одного мечника, но потом уцелевшие добрались до коробок. Лучники Эрика выхватили

мечи, и у мачты закипела битва.

Гордей привстал, стараясь выбрать новую цель, и тут же развернулся к борту. Основные силы Глока, видя, что лучники им больше не угрожают, с ревом бросились в атаку. Перепрыгивая через борта кораблей, ступая по телам своих мертвых соратников, они черным потоком хлынули на палубу «Бесстрашного». Вскрикнув, Гордей выпустил в эту толпу стрелу, потом вторую, третью… Он попал все три раза, но это не остановило темный поток вояк Глока. Их там было десятка три, не меньше – все крепкие, вооруженные мечами и топорами воины в кожаных доспехах, рвущиеся в бой.

Натягивая тетиву, молодой охотник попытался рассмотреть, что происходит на корабле врага. Там, у борта, еще шла схватка – черные гибберлинги Эрика, видимо, дорого продавали свою жизнь, пытаясь выгадать для своих товарищей хоть немного времени. Но его больше не оставалось.

Темный поток вражеских гибберлингов перекинулся через борт «Бесстрашного» и потек к мачте, туда, где лучники Эрика добивали напавших на них вояк. Враг рассуждал правильно, стрелкам нельзя было позволить снова взяться за луки. Но едва первые из них добрались до коробок, как из-под лестницы на палубу «Бесстрашного» с ревом выкатился отряд Эрика.

Резак сам возглавлял атаку. Воздев к звездному небу меч, он вел свою уставшую и израненную дружину в последний бой. Гибберлинги «Бесстрашного» единым потоком, словно копьем, ударили в бок высадившегося вражеского отряда, рассекли его надвое и взялись за дело.

В центре палубы закипела яростная схватка. Гибберлинги дружно вопили, сходясь врукопашную. Звенели мечи, глухо бухали деревянные щиты, принимая на себя удары оружия, кричали раненые.

Гордей выпускал одну стрелу за другой, целясь только наверняка, чтобы не зацепить своих. Вражеские лучники не стреляли – хотя им уже никто и не мешал. Отряд вояк Эрика, высадившийся на палубу врага, погиб, но стрелки Глока боялись зацепить своих. В этой мешанине на палубе «Бесстрашного» было нелегко отделить врагов от друзей. Но Гордей, стоявший близко к схватке, делал это без труда.

Выпуская стрелу за стрелой, он и не задумывался о том, что его позиция не только удобна, но и опасна. И лишь когда рядом, в стену, ударила пара коротких стрел, он вскинул голову и понял, что стрелки Глока нашли себе новую мишень – его самого. Одинокий лучник, по которому можно стрелять, не опасаясь зацепить своих – идеальная цель.

Вскинув лук, Гордей прицелился, собираясь выбить пару лучников врага, но потом, ругнувшись, перевалился через перила и мешком упал вниз, на палубу. Через миг на то место, где он стоял, обрушился ливень стрел. Короткие стрелы утыкали перила и пол балкона так густо, что превратили его в нечто напоминающее подушечку для булавок. Но охотник этого не видел.

Упав на палубу, Гордей больно ударился коленом и, поднимаясь, зашипел от боли. А когда его за плечо взяла чья-то рука, охотник вскинулся, начал вырываться и засветил Винсенту кулаком в глаз.

Эльф, что прятался за перилами, отпрянул, потом с яростью уставился на друга.

– Прости, – бросил Гордей, поднимаясь на ноги, – о, прости, пожалуйста.

– Дружеский огонь, – пробормотал эльф, цепляясь за перила в напрасной попытке встать. – Не думал, что до этого дойдет.

Гордей выглянул из-за лестницы и прикусил губу. Ситуация на палубе изменилась – к отряду Глока прибыло подкрепление, и теперь черные гибберлинги теснили отряд Эрика обратно к лестнице. Дружинников с «Бесстрашного» осталось мало, едва ли половина из тех, что вступили в этот безнадежный бой. Но оставшиеся сопротивлялись – отчаянно, беспощадно, не желая сдаваться. Им нечего было терять, и они стояли насмерть.

Поднимая лук и выбирая себе новую мишень, Гордей задумался о том, что сейчас делает Эрл. Перенастраивает ли он реактор? Может, таким будет последний удар сумасшедшего Резака – взорвать свой корабль и унести за собой в могилу и врага? Может быть. Очень может быть…

Но потом стало не до размышлений. Вояки Глока навалились на отряд Эрика, атаковали единым строем, собрав все силы. И Гордею не оставалось ничего иного, как спустить тетиву.

Он выстрелил раз, другой. Потом еще и еще – пока не закончились стрелы. От отчаянья он даже попробовал выстрелить стрелой противника – благо рядом их валялось достаточно. Но они были слишком короткими, они не позволяли сильно натянуть лук. Выстрел был слабым, короткие стрелы лишь беспомощно клевали толстые кожаные доспехи наступающих вояк Глока.

Отряд Эрика постепенно сдавал позиции. Враги теснили дружинников «Бесстрашного» – не быстро, но уверенно. Шаг за шагом Эрик и его дружина отступали, отчаянно обороняясь. Когда их прижали к лестнице и до строя врагов осталось не больше десятка метров, Гордей закусил губу и бросил взгляд на тяжело дышащего Винсента.

– Пойдем наверх? – спросил он.

Эльф мотнул головой, отказываясь от столь любезного приглашения. Ухватившись за перила, он медленно поднялся на ноги, а потом вытащил из-за пазухи свою лиру. Взглянул на нее, криво ухмыльнулся, сунул обратно, под рваный камзол, и снял с пояса длинный кинжал, походивший на иглу.

– Ничего не осталось, – сказал он в ответ на вопросительный взгляд Гордея. – Ни капельки. Только это.

Охотник молча кивнул, взглянул на приближающихся гибберлингов Глока. Он уже мог разобрать выражения их лиц – оскаленные морды с маленькими острыми клыками. Теперь они ничуть не напоминали забавных медвежат или котиков. О, нет. Гордей нащупал нож на поясе, потом стиснул зубы и потянулся за последней стрелой, оставшейся в колчане, – за той, что была с синим наконечником. Он не хотел ее пускать в дело, берег на самый крайний случай. И, кажется, он настал.

Затаив дыхание, Гордей наложил стрелу на тетиву, взглянул наверх – в темное небо, украшенное сияющими брызгами звезд и фиолетовым туманом. Кажется, это все?

Новый крик разорвал шум битвы, пробился сквозь нее, как пробивается сквозь камень зеленый росток. Гордей не понял, что кричат и кто кричит, но к первому голосу присоединился второй, потом третий, и только тогда он разобрал:

– Корабль!

Гордей, резко опустив лук, завертел головой. Там, слева, из глубин астрала проступал силуэт огромного корабля! Незаметный на темном фоне, он, оказывается, успел подобраться так близко к сражающимся кораблям, что можно было даже рассмотреть гибберлингов, столпившихся на его палубе. Но все же до корабля было еще далеко. Шел он быстро, но пока он приблизится, пройдет минут десять, а то и четверть часа. Чей это корабль? К кому идет помощь?

Над притихшими воинами раздался новый крик, и Гордей вздрогнул.

– Убейте их! Всех! Немедленно!

Обернувшись, молодой охотник шагнул вперед, высматривая того, кто кричал. Так и есть – за последним рядом вражеских солдат стоял высокий черный гибберлинг с обнаженным мечом. Глок! Сам Глок Ползунов!

Гордей вскинул лук, натянул тетиву, но проклятый предатель уже скрылся за спинами своих охранников. А вот его воины, ободренные криком вожака, дружно рванули вперед. Их сплоченный удар опрокинул последнюю линию обороны «Бесстрашного». Оставшиеся на ногах дружинники попятились к

самой лестнице, и Гордей вскрикнул, увидев, как упал Эрик.

Не медля, охотник чуть повернул лук и выпустил волшебную стрелу прямо в наступающих вояк Глока – почти в упор.

Стрела вспыхнула синим огнем, нырнула в самый центр атакующих гибберлингов и полыхнула ворохом синих искр. Вояки Глока стояли так плотно, что вспышка свалила с ног сразу пятерых, самых активных, рвавшихся в атаку, а остальные в испуге откатились назад. Гибберлинги Эрика, уже знакомые с этими вспышками, дружно рванули вперед, оттесняя растерянного противника. Гордей опустил лук и с облегчением вздохнул – он увидел, как Эрик поднялся на ноги, отчаянно сыпля проклятьями и размахивая мечом.

Дружина «Бесстрашного» дружным ревом приветствовала своего лидера и, повинуясь его приказу, кинулась в атаку, намереваясь воспользоваться замешательством противника. Но вояки Глока успели прийти в себя и встретили атаку клинками, яростно орудуя ими так, словно пытаясь искупить недавний испуг.

Гордей бросил на пол бесполезный лук, выхватил нож и, крадучись, выступил из-за перил. Нужно только выбрать правильный момент, ударить туда, где слабое место. Выгадать еще несколько минут…

Ослепительная вспышка осветила палубу «Бесстрашного», залив белым светом сражающихся гибберлингов. Дружный выдох вырвался из полусотни глоток, заставив Гордея вскинуть голову и взглянуть наверх.

Там, над кораблем, летел ослепительный белый шар. Заряд, выпущенный с подходящего корабля, пролетел мимо мачты «Бесстрашного», медленно прожег паруса корабля Глока и удалился в темноту астрала.

Не успели гибберлинги перевести дух, как новая вспышка озарила темные небеса. На этот раз второй шар появился с противоположной стороны, из-за корабля Глока. Похоже, что там, за ним, скрывался еще один корабль гибберлингов. Его заряд прожег второй парус корабля Глока и так же величественно устремился прочь в астрал.

Намек был понятен даже дураку. Замершие гибберлинги попятились, медленно отступая от врага. Отряд Глока отошел назад, к мачте «Бесстрашного», а оставшиеся в живых бойцы Эрика сгрудились у ступенек лестницы. Гордей оглянулся, нашаривая взглядом Винсента. Тот стоял на ногах, обеими руками держась за перила, и выглядел чуть лучше, чем свежий покойник. Поймав взгляд друга, эльф кивнул, мол, все нормально, и Гордей стал проталкиваться вперед, к Эрику.

Тот стоял в центре своей поредевшей дружины, мрачно глядя на отряд противника, словно пытаясь поджечь его взглядом. Он все еще сжимал в руках меч, но теперь опустил его, ткнув острием в изрубленные доски палубы.

– Эрик, – позвал Гордей, подходя ближе. – Эрик!

– Ну? – буркнул тот, не отводя взгляда от строя врагов.

– И что дальше? – спросил охотник, оглядываясь по сторонам. – Что теперь?

– Теперь, – Эрик тяжело вздохнул и вытянул руку, ткнув мечом в подходящий ближе корабль. – Теперь остается только ждать.

12

Ожидание было недолгим. Большой астральный корабль с белыми полосами на бортах двигался намного быстрее своих собратьев. Он подошел быстро и ровно, заложил небольшой полукруг и притерся вплотную к борту «Бесстрашного». Теперь корабль Сига Быстрых оказался зажат между двух кораблей, каждый из которых превосходил его размерами раза в два. Друг и враг? Или враг и враг? Гордей быстро взглянул на бледного Винсента, что едва держался на ногах, и шумно сглотнул.

Над палубой «Бесстрашного» царила непривычная угрюмая тишина. Обе дружины застыли друг напротив друга, сжимая в руках оружие, и настороженно поглядывая на противников. Лишь несколько гибберлингов из команды Тона-лекаря бродили по палубе, осматривая тех воинов, которые еще дышали. Лекари не замечали разницы между ранеными, стараясь принести облегчение всем.

Хрупкую тишину нарушил грохот и приглушенные голоса гибберлингов с белого корабля. Они ловко перекинули через борт «Бесстрашного» деревянные мостки, и тут же по ним на палубу хлынули вооруженные гибберлинги.

Большие, плечистые, они были затянуты в черную кожаную броню и вооружены длинными мечами. Действуя быстро и решительно, они построились полукругом, оградив свободное пространство между бойцами двух сторон. И только тогда на деревянных мостках появились три седых гибберлинга.

Гордей услышал, как по толпе пронесся вздох – конечно, дружина Эрика узнала старейшину раньше, чем дылда, не способный отличить одного гибберлинга от другого.

Старейшина шел медленно, опираясь на свой огромный посох, а его братья поддерживали его локти, помогая старцу передвигаться. Они и сами едва держались на ногах, но следом за ними шли охранники, внимательно следившие за тем, чтобы стариканы не повалились друг на друга.

– Как он тут очутился? – потрясенно прошептал Гордей. – Откуда узнал?

– Правее, – хрипло шепнул Винсент, цеплявшийся за перила. – Смотри за спины охраны…

Гордей прищурился. И правда, там, за спинами охранников, маячил пожилой гибберлинг – один из тех старост, что присутствовали на совете. И он, как помнится Гордею, вроде бы поддерживал Резака. Во всяком случае, не был настроен против него.

– Это староста общины, откуда родом Быстрых, – шепнул эльф. – И из нее же все добровольцы на этом корабле. Видно, кто-то все же проговорился о цели путешествия. Скорее всего, сам Сиг. Но он знал, что делает. Видимо, подозревал, что Эрик не сможет обмануть Глока, и решил подстраховаться.

Гордей молча покачал головой. Это каким же надо быть хитрецом, чтобы заранее все это предугадать? Неужели Сиг нарочно позвал старосту за собой? Чтобы он все увидел своими глазами? Как можно было так точно рассчитать время? Или это просто случайность?

Когда ноги старейшины коснулись палубы «Бесстрашного», по толпе гибберлингов пронесся шепоток. Гордей не вслушивался специально, но успел услышать, что визит старейшины на чей-то корабль – огромная редкость.

Старикан же похромал в центр полукруга, оперся о посох и выпрямился, приняв вид грозный и внушительный. Его братья стали у него за спиной, а за ними высились охранники, молчаливые и грозные, как и положено любой страже.

– Так, – проскрипел старейшина, окидывая взглядом поле битвы. – Дурной день. Ох, дурной. Глок и Резак.

– Старейшина! – строй черных гибберлингов расступился, и вперед протолкался Глок, все еще сжимающий в руке меч. – Старейшина! Ты видишь, до чего все это дошло! Я…

– Молчи! – рявкнул громовым голосом старик и глухо стукнул посохом в палубу. – Молчи, Ползунов! Я видел собственными глазами, как ты повернул оружие корабля против других гибберлингов! Будешь говорить, когда я спрошу!

Ползунов ощетинился, шагнул вперед, но перед ним тут же сомкнулся строй охранников старейшины. Гибберлинги в тяжелых доспехах дружно сомкнули ряд, шагнули вперед и втолкнули Глока обратно в ряды его солдат.

– Кто будет говорить от «Бесстрашного»? – громко спросил старейшина. – Нет, молчи, Резак! До тебя тоже дело дойдет!

– Я буду, – раздался голос из-за спины Гордея.

Охотник обернулся и увидел, как по ступенькам медленно спускается Сиг Быстрых. Он выглядел уставшим, осунувшимся, но широкие плечи были расправлены, а в глазах тлел огонек ярости. Сиг был высоким и сильным гибберлингом, но он не был похож на воина. Скорее напоминал кузнеца – мастера, держащего в руках инструмент, а не оружие.

– Быстрых, – проворчал старейшина. – Подойди. Ближе!

Стража расступилась перед капитаном «Бесстрашного», и Сиг подошел к старейшине, глядя на него сверху вниз – без трепета и сожаления.

– Твое слово, Быстрых, – сказал старейшина. – Что здесь случилось?

– Мой корабль подошел к неизвестному малому аллоду, – медленно ответил капитан. – На нем жили орки и гоблины, находящиеся под властью Хадагана. Там была тюрьма, в которой содержали пленников с корабля Резака.

– Но это не Изун? – спросил старейшина. – Не тот аллод, о котором говорил на совете Резак?

– Не Изун, – не стал отпираться Сиг. – Эрик указал мне на другой аллод. И оказался прав.

– Вы нашли пленников? – требовательно спросил старейшина, хмуря седые брови.

– Нашли, – коротко сказал Быстрых. – Шестеро пленников и остатки корабля. Пленников мы перевезли на мой корабль, а обломки взорвали.

За спиной старейшины зашептались его братья, а сам старикан грозно сдвинул брови, бросая убийственные взгляды на команду Ползунова.

– Дальше, – коротко бросил он.

– Мы погрузились на «Бесстрашный», и отошли от берега, – продолжил Сиг. – В этот момент появился корабль Ползунова. Он сразу выстрелил из носовых орудий. Мне удалось уклониться, но выбора не было. Мне пришлось подвести «Бесстрашный» вплотную к этому кораблю, чтобы он перестал стрелять. После этого дружина Ползунова атаковала нас. Остальное вы видели.

Закончив, капитан «Бесстрашного» отступил на шаг и скрестил руки на груди, дав понять, что больше ему сказать нечего.

– Бывшая команда Резака у тебя на борту? – спросил старейшина.

– В главном зале, вместе с нашими ранеными, – отозвался Быстрых.

– Кто-то из них может говорить?

– Только Пим, самый младший из ростка Лесников.

Старейшина коротко мотнул головой, и один из его братьев бодро захромал к лестнице, ведущей ко входу в недра корабля. Следом за ним отправились трое грозных стражей, а старейшина повернулся к черным гибберлингам, толпившимся у мачты «Бесстрашного».

– Ползунов, – прогремел старейшина. – Выйди к нам и скажи свое слово!

Глок, стоявший за спинами своих бойцов, вновь шагнул вперед, и на этот раз стражи старейшины расступились перед ним. Широкоплечий черный гибберлинг выступил в круг, на

открытое место, встал перед старейшиной. Меч он уже вложил в ножны, но широкие лапы были сжаты в кулаки.

– Говори! – потребовал старейшина.

– Этот безумец! – прорычал Глок. – Резак! Он напал на Хадаган, напал на Империю! В тот самый момент, когда совет обсуждает возможность союза! Что подумает Хадаган, узнав, что дружина гибберлингов разгромила их остров, а?

– И ты решил, что можно все исправить, убив Резака и уничтожив корабль Быстрых? – хмурясь, спросил старейшина.

– Эрик безумен! – рявкнул Ползунов. – Он погубит нас всех! Может, уже погубил! Хадаганская Империя – самое сильное государство на аллодах. Мы не можем с ними ссориться, если хотим уцелеть! Мы должны заключить с ними союз, стать одними из них, иначе они раздавят нас, как букашек. А этот сумасшедший, он, он…

– Он напал на огромную Империю, чтобы спасти нескольких гибберлингов? – подсказал старейшина.

– Да! – взревел Глок. – Один проклятый засранец, безумный как лесная крыса, разрушил все, что было сделано! Хадаган никогда не простит нас! Будет преследовать, уничтожать, выжигать…

– И за это его нужно убить? – спросил старейшина.

– Уничтожить, – бросил Ползунов. – Сказать, что он безумец. Отречься от него. Сказать, что негодяй наказан, представить доказательства…

– Униженно приползти на коленях к представителю Императора, сжимая в руках отрубленную голову Резака? – Старейшина понимающе кивнул.

– Точно так! – воскликнул Глок. – Быть может, мы еще…

– И головы команды Быстрых, – продолжил старейшина, медленно выпрямляясь. – И головы тех пленников, которых пытал Хадаган на этом острове…

– Что? – Глок отступил на шаг, в растерянности оглядываясь по сторонам. – Какие головы…

– Скольких своих братьев ты готов убить из страха перед Хадаганом? – прогремел старейшина, поднимая посох. – Скольких гибберлингов ты готов обречь на рабское существование? Одну семью? Десять? Всех нас?

Ползунов отступил еще на шаг. Его глаза бегали по толпе гибберлингов, окружающих его. Он искал понимания, одобрения, возможно, даже сочувствия, но встречал только колкие осуждающие взгляды. Гордей, оглянувшись по сторонам, не заметил ни единой крохи сочувствия в горящих глазах гибберлингов. Даже дружина Ползунова отступила на шаг от

строя охранников, словно не желая иметь ничего общего со своим предводителем. На месте остались только братья Глока – двое мрачных и молчаливых гибберлингов, положивших лапы на рукояти мечей.

– Гибберлинги – вольный народ! – провозгласил старейшина, поднимая посох к темному небу. – Никогда они не встанут на колени, ни перед кем! И гибберлинги не убивают своих братьев из страха перед другими народами. Никогда! Ты говорил, что Резак сумасшедший? Нет, это ты, Глок Ползунов, безумен, как лесная крыса! Ты не имел права говорить с Хадаганом от имени всех гибберлингов и не мог решать, кому из гибберлингов жить, а кому умереть!

Гордей держал руку на мохнатом плече Эрика и чувствовал, как того бьет дрожь. Резак то ли тихонько рычал, то ли закипал от злости и ярости. Чуть покачиваясь, он не отрывал взгляда от Глока, медленно пятившегося прочь от старейшины.

– Глок Ползунов! – прогремел старейшина. – От имени совета гибберлингов объявляю тебя предателем рода! Больше у тебя нет корабля, больше у тебя нет дружины, а судьбу твою будет решать совет гибберлингов! Твоя жизнь в их руках!

По рядам воинов пронеслась волна тихих вздохов. Похоже, наказание было суровым. Гордей лишь догадывался, что это такое – быть предателем по законам собственного племени. Но, собственно говоря, ничего хорошего это изменнику не предвещало – по законам любой расы.

– На этом все! – возвестил старейшина. – Мое слово сказано!

– Не все! – громко выкрикнул Глок, выхватывая из-за пояса меч. – Еще не все слова сказаны, старейшина!

Ряды охранников мгновенно ощетинились мечами, направленными на Глока. Он очутился в кольце из блестящей острой стали, но, казалось, ничуть не испугался. Подняв меч, он воткнул его в доски палубы и громко крикнул:

– Спроси меня о крови, старейшина! Спроси!

Старейшина, с изумлением взиравший на Ползунова, посмевшего обнажить оружие, нахмурился. Он покачал головой, словно ему не хотелось ничего говорить, и Гордей почувствовал, как под его ладонью напряглось плечо Эрика.

– Есть ли кровь на руках? – медленно произнес старейшина, и в наступившей тишине его голос раскатом грома прокатился над палубой «Бесстрашного».

– Есть кровь! – взревел Глок, махнув рукой в сторону своей дружины. – Много крови, старейшина! И кровь требует отмщения!

– С кого ты требуешь взыскать за кровь на руках? – сказал старейшина. – Кто должен уплатить этот долг?

– Эрик Резак! – взревел Глок, ткнув пальцем в своего заклятого врага. – Я вызываю тебя, Резак! Уплати долг крови за моих людей! Их кровь на твоих руках!

Гибберлинги дружно зашумели, все разом, как один. Гордей недоуменно хмыкнул, но потом вдруг понял, о чем идет речь. Он крепко сжал плечо Эрика, но тот поднял лапу и смахнул руку охотника с плеча.

– Долг крови требует уплаты, – медленно изрек старейшина. – Спор между общинами уладят вожди. Это их спор. Больше никто не пострадает, больше никто не будет умирать из-за ссоры вождей. Пусть будет так. Слово старейшины.

Толпа гибберлингов возмущенно взревела, кто-то засвистел. Но ряды охранников совета уже начали размыкаться – воины отступали назад, освобождая площадку в центре палубы, оттесняя остальных гибберлингов ближе к бортам.

Эрик, не сводивший взгляда с Глока, мотнул головой, разминая шею, сделал шаг вперед.

– Да вы с ума сошли! – воскликнул Гордей. – Он же еле на ногах стоит! Винсент, держи его!

– Тихо! – эльф шагнул ближе, ухватил охотника за локоть. – Так надо. Это их обычай. Не вмешивайся.

– Эрик! – воскликнул Гордей, пытаясь выдернуть руку из цепких пальцев эльфа. – Эрик, не сходи с ума! Не надо этого! Все уже кончено!

Маленький гибберлинг резко обернулся, глянул на своего друга снизу вверх. На его лице еще оставались проплешины от ожогов, кончика левого уха не хватало, на лбу шерсть побурела от крови. Его одежда была грязна и разодрана, так, словно ее кошки драли. Он выглядел усталым, смертельно усталым, но глаза Резака пылали настоящим огнем.

– Так надо, Гордей, – тихо сказал он. – Так надо. Нет! Пожалуйста, брат, не вмешивайся. Не надо. Что бы ни случилось, не вмешивайся. Не двигайся с места. Винс, присмотри за ним. Слышишь?

– Да, Эрик, – мягко произнес эльф, – я все сделаю как надо.

Эрик мотнул головой, криво улыбнулся, взглянул на потерявшего дар речи Гордея, отвернулся и направился на площадку. К Глоку.

Цепь охранников разомкнулась перед ним, и тут же сомкнулась за его спиной, отделив Эрика Резака от всех друзей и родичей. Теперь на пустой площадке остались только два гибберлинга – Глок Ползунов и Эрик Резак.

13

Над палубой «Бесстрашного» повисла гнетущая тишина. Десятки гибберлингов, затаив дыхание, не отводили взгляда от врагов, застывших в центре круга. На корабле Глока команда полезла на борты и ванты, чтобы лучше видеть происходящее. После минутного замешательства их примеру последовала и команда с корабля старейшины.

Гордей, благодаря своему росту, находился в выигрышном положении. Ему-то было видно абсолютно все и во всех подробностях. Вот только то, что он видел, категорически ему не нравилось.

Глок возвышался в центре пустой площадки как памятник. Широкоплечий, крепкий, он был на голову выше своего противника. Его черный мех лоснился, кожаный колет на груди блестел, как натертый маслом. На черной морде с прижатыми ушами красовался хищный оскал – сейчас Глок как никогда походил на злобного пса. Длинный меч Глок держал за рукоять, и хотя его острие было повернуто к доскам палубы, не было никаких сомнений в том, что Ползунов знает, как нужно обращаться с этим оружием.

Резак, застывший в паре шагов от своего смертельного врага, не производил впечатления сильного бойца. Он был не слишком велик ростом – даже по гибберлингским меркам. Его порванная туника запылилась, шерсть свалялась и торчала пыльными клочьями. На голове запеклась кровь, кусочка уха не хватало, кроме того, Резак повредил ногу и сейчас стоял чуть наклонясь вправо. В правой руке он держал свой небольшой меч – его близнеца под левую руку Эрик оставил где-то в боях. В левой руке он держал маленький круглый щит, сделанный из потемневших от времени досок. Когда-то щит был по кромке оббит железом, но в последних битвах он заметно обтрепался. Теперь его украшали длинные вмятины, торчали щепки, а по краям, там, где должна быть железная полоса, из дерева выступали лишь головки гвоздей.

В целом, безумный Резак сейчас напоминал серенького деревенского пьянчугу, что на третий день гулянки вышел на драку против заезжего солдата, лишь недавно вернувшегося из армии.

Гордей шумно задышал носом, оглянулся по сторонам. Неужели никто не возразит? Это же убийство! Резак еле держится на ногах, а его противник – полный сил головорез. Мотнув головой, Гордей бросил взгляд на старейшину, но тот, почти

скрытый из виду широкими плечами охраны, не отводил сурового взгляда от обоих дуэлянтов. Гордей обернулся, взглянул в белое лицо Винсента, стоявшего рядом, но тот не ответил на взгляд. Он так же, как и все, смотрел на палубу «Бесстрашного», на двух непримиримых врагов. Охотник хотел попросить его вмешаться, даже рот открыл, и в тот же миг над «Бесстрашным» разнесся грозный рев Глока. Дуэль началась. Резко обернувшись, Гордей понял, что пропустил первое движение. Зато отлично увидел его продолжение.

Длинный меч Ползунова описал сияющую полосу и обрушился сверху на Эрика. Тот вскинул щит, подставил его под удар и вздрогнул, когда клинок Глока с глухим стуком врубился в старое дерево. Пошатнувшийся Эрик не успел сделать выпад, а вот Глока тут же крутанул меч обратно. Сияющий клинок словно отскочил от деревянного щита, описал полный круг и ударил снизу, грозя разрубить гибберлинга. Эрик шагнул назад, снова выставил щит, и меч Глок с хрустом врубился в его нижний край. Резак сделал выпад, пытаясь дотянуться до врага, но Ползунов отпрыгнул в сторону, выдирая из деревянного щита свой застрявший меч. Клинок со скрежетом вырвался из старых досок, потянув за собой ворох щепок, сияющей полосой метнулся вбок, отводя острие Резака, и снова обрушился на противника сверху.

На этот раз Эрик не стал принимать удар – смахнул его щитом в сторону, дав клинку противника свободно соскользнуть по старым доскам. А сам в тот же миг сделал выпад. Его клинок едва не зацепил плечо Глока, и тот, зарычав, отскочил. Ползунов находился в более выгодном положении – его меч и его руки были длиннее, чем у Резака, и потому он мог держать противника на расстоянии. А вот Эрику приходилось подбираться к врагу поближе, чтобы хотя бы попробовать атаковать.

Обменявшись первыми ударами, противники медленно разошлись и закружили по палубе, пытаясь обойти друг друга. Гордей вдруг понял, что все это время не дышал, и жадно вдохнул холодный воздух. Он не мог оторвать глаз от этой дуэли – как и все, кто собрался на палубе «Бесстрашного». Охотнику казалось, что гибберлинги должны шуметь, подбадривать криками своих бойцов, желая им победы, но над кораблями царила гнетущая тишина. Ее нарушали лишь звон мечей да тяжелое дыхание соперников, сошедшихся в смертном бою.

Глядя на то, как гибберлинги танцуют по палубе, выбирая момент для атаки, Гордей поймал себя на мысли, что больше не видит в них маленьких забавных человечков. Нет, сейчас, глядя на эту толпу, на двух врагов, обнаживших клинки, Гордей видел лишь воинов, бойцов, видел героев из тех легенд, что так любил

слушать в детстве. Он не замечал малого роста гибберлингов, не обращал внимания на то, что их лица покрыты мехом, а их руки вернее было бы называть лапами. Он видел в них людей – со своими бедами, заботами, со своими печалями и радостями. Сейчас он был одним из них – просто еще одним бойцом, что затаив дыхание наблюдали за поединком.

На этот раз первым ударил Эрик – змеей метнулся вперед и сделал выпад, целя клинком в бедро врага. Глок лишь чуть повернулся, пропуская удар, и меч скользнул по его кожаным набедренникам. А сам Ползунов подался вперед, взмахнул клинком и обрушил на противника сверху чудовищный удар. Эрик, не успевший возвратить руку с клинком, вновь попытался прикрыться щитом, но на этот раз не слишком удачно – удар Глока пришелся ровно в щит и едва не свалил с ног Резака. Почувствовав, что он падает, маленький гибберлинг ловко кувыркнулся по палубе, откатившись в сторону.

Но Глок не собирался отпускать врага – он бросился следом, нанося все новые и новые удары своим клинком, который он теперь сжимал двумя руками. Вскочивший на ноги Эрик отвел клинком первый удар, второй смахнул в сторону щитом, едва увернулся от третьего, а потом, наконец, сделал выпад. Его клинок мазнул по плечу Ползунова, и тот взревел – больше от ярости, чем от боли.

Он снова кинулся в атаку, размахивая своим длинным мечом – уже не так ловко, как раньше. Эрик оборонялся как мог – он тоже двигался уже не так быстро, как раньше. Некоторые удары он отводил клинком, другие принимал на щит. Сам он тоже не терялся – пытался контратаковать: то стелился к палубе, пытаясь дотянуться до ног противника, то подпрыгивал, пытаясь нанести удар в голову.

Беспорядочный обмен ударами закончился быстро – противники вдруг разошлись и застыли друг напротив друга. Оба тяжело дышали. На левом плече Ползунова проступило бурое пятно – меч Эрика нашел лазейку в обороне противника. Но сам Резак заметно кренился набок – его поврежденная нога, казалось, почти не держала его.

Шумно втянув воздух носом, Глок шагнул вперед, и Резак попятился, поднимая клинок. Оскалившись, Ползунов рванулся вперед, сделал выпад, грозя проткнуть своего противника длинным мечом. Эрик, ожидая подвоха, сделал шаг назад, но в тот же миг Глок крутнулся вокруг себя и сделал второй шаг. Его огромный клинок описал полный круг, сверкнул и со всего размаха ударил поперек груди Эрика, не ожидавшего такой атаки.

Резак успел прикрыться щитом – просто сунул его между

клинком врага и своей грудью, но удара это не смягчило. Он был так силен, что Эрика сбило с ног, отбросило назад, и он покатился по палубе.

Зарычав, Глок вскинул клинок, шагнул следом за противником, намереваясь его добить, но Эрик рывком поднялся на ноги и вскинул клинок. Его щит был разбит вдребезги – остатки серых досок болтались на кожаных ремнях, которые еще сжимала рука Резака. Глок снова шагнул вперед, и Эрик, пригибаясь, попятился. Потом разжал пальцы и отшвырнул прочь остатки щита. Теперь он держал свой небольшой клинок обеими руками.

– Ну, вот и все, обмылок, – прорычал Глок, медленно поднимая клинок. – Все кончено.

– Кончено, – задыхаясь, отозвался Эрик и вдруг хрипло рассмеялся. – Все кончено, Глок.

– Ты вернешься в ту грязь, из которой вышел, – прохрипел черный гибберлинг. – Следом за своими братьями.

– Но дело мое останется, – ответил Эрик, медленно пятясь. – Все кончено, Глок. Я победил. Что бы ты ни сделал, – победа за мной.

Зарычав, Ползунов бросился вперед, размахивая мечом. Клинок со свистом рассекал воздух, пытаясь добраться до верткого противника. Больше никаких хитростей, никакого изящества – только грубая работа, как у дровосека. И достаточно лишь одного удара, чтобы смять противника, разрубить его на части, уничтожить, втоптать в грязь…

Но Резак не стоял на месте. Он уворачивался от мощнейших ударов, пятился и даже не пытался отвечать. Клинок врага с гулом рубил лишь воздух над головой Эрика, и так ни разу и не задел верткого гибберлинга.

На ходу Резак стал забирать вправо. Постепенно противники описали полукруг и вернулись в центр площадки – туда, откуда начали свой смертельный танец. Было видно, что оба устали: Эрик уже шатался, его нога пару раз подворачивалась, и от смертельного удара его спасало только то, что слишком уж разошедшийся Глок тоже устал. Его движения стали размашисты, не так точны, как раньше, и не столь сильны.

Наконец Ползунов, устав от такого танца, с ревом прыгнул вперед, взмахнул мечом, потом еще раз, развернулся вокруг себя и обрушил на противника сильнейший удар. Эрик отпрыгнул назад, и огромный клинок Ползунова с хрустом врубился в доски палубы. Не отводя взгляда от противника, тяжело дыша, Глок потянул на себя свое оружие, выдернул его из досок и замер, жадно глотая воздух.

– За что ты сражаешься, Глок? – с насмешкой бросил Эрик. – За себя?

В ответ уставший громила лишь зарычал и снова поднял меч – но вперед так и не шагнул. Эрик вдруг опустил клинок и засмеялся. Лихо, задорно, так, словно в самом деле тронулся рассудком.

– Ты дерешься за свою шкуру, Ползунов! – объявил Эрик, медленно шагая вперед. – Всего лишь за себя самого. А я сражаюсь за будущее гибберлингов. За весь наш род! И сила всего рода – вместе со мной!

Ползунов выпучил глаза на смеющегося Резака и попятился. Глаза Эрика пылали, шерсть стояла дыбом. Казалось, он и правда безумен – точно так, как о нем и говорили раньше. Все еще смеясь, Эрик ухватил свой меч обеими руками и вдруг ринулся в атаку, так, словно он только что славно отдохнул на собственной постели.

Гордей не понимал, откуда у его друга взялись новые силы, он не верил своим глазам. Роли поменялись – теперь Эрик, безумно хохоча, наступал на своего противника, размахивая клинком, а Глок пятился, вынужденный защищаться. Резак налетел на него подобно урагану, а его короткий клинок казался молнией, сверкающей из туч. Удары сыпались на Ползунова непрерывно – сверху, сбоку, снизу. Короткий клинок позволял Эрику быстро развернуть оружие, поменять направление удара. А вот длинный клинок Глока был не так подвижен.

Обороняясь из последних сил, уставший Ползунов отступал, шумно сопя и задыхаясь на ходу. А Эрик, продолжая беззаботно смеяться, наступал, и движения его все убыстрялись. Вот его клинок чиркнул по бедру замешкавшегося Глока. Потом – по плечу. Оставил зарубку на черном кожаном панцире, прямо на груди.

Ползунов задыхался. Он понимал, что проигрывает, но не мог смириться с этим. Собравшись с силами, он взревел раненым зверем и бросился навстречу врагу, выставив перед собой клинок. Эрик встретил его атаку радостной ухмылкой. Легко увернувшись от неуклюжего выпада, Резак вдруг подпрыгнул, взмахнул мечом и обрушился на противника сверху, вложив в удар весь собственный вес.

Такой взмах мог легко отрубить руку даже такому большому гибберлингу, как Ползунов. Но удар пришелся в его меч, прямо в клинок, у самой гарды. Он был так силен, что большой меч вывернулся из уставшей руки Глока и загрохотал по доскам палубы. Эрик же, приземлившийся на обе ноги, легко, как кошка, подался вперед и с разгона ударил плечом в грудь Ползунова.

Обезоруженный гибберлинг потерял равновесие, подался назад и хлопнулся на палубу «Бесстрашного».

Приподнявшись на локтях, Глок поднял голову и одарил злым взглядом Эрика, застывшего над поверженным противником с обнаженным мечом в руке.

– Что, – хрипло каркнул Глок. – Хватит смелости, а?

Гордей перестал дышать – а вместе с ним и все гибберлинги, столпившиеся на палубе корабля. Тишина незримым покрывалом накрыла «Бесстрашный», укутав его, заставив время остановиться. Казалось, было слышно, как бьются десятки сердец, ожидая конца.

– Ты мразь, подонок и предатель, – отозвался Эрик, и улыбка исчезла с его лица. – Но я не желаю твоим братьям такой же судьбы, как моя, не хочу, чтобы они жили без одного из ростков.

Перебросив меч в левую руку, Резак взмахнул правой, резко наклонился к поверженному противнику. Кулак Эрика описал широкую дугу и с размаха ударил поднимающегося с палубы Глока в лицо. Послышался треск, потом глухой стук – когда голова Ползунова откинулась на доски палубы.

В наступившей тишине Эрик медленно обернулся к старейшине, переступил через бесчувственное тело Глока, сделал пару шагов и остановился, уперев острие меча в палубу.

– Старейшина, – хрипло произнес Резак. – Спор вождей окончен.

Седой гибберлинг оттолкнул с дороги одного из охранников и выступил вперед. В царящей над палубой тишине его хриплое дыхание со старческим присвистом было хорошо слышно даже в задних рядах.

– Эрик из семейки Резак, – медленно произнес старец. – Скажи свое слово вождя.

– Вира взята, – твердо ответил Эрик. – Вражда окончена. А за деяния свои пусть Ползунов держит ответ перед советом гибберлингов.

Старец тяжело вздохнул, но потом поднял посох и с грохотом стукнул им о палубу.

– Вражда окончена! – возвестил он.

И тотчас толпа гибберлингов взорвалась восторженным ревом. Кричали все – команда Сига, дружинники Эрика, бойцы побежденного Ползунова. Кричали и команды соседних кораблей. И хотя слов Гордей не мог разобрать, но закричал вместе со всеми, просто радуясь тому, что Эрик жив и все закончено. Действительно закончено.

Но сам Резак так явно не считал. Не обращая внимания на приветственные крики команды «Бесстрашного», он вскинул свой

меч к небу, взмахнул им и закричал, требуя тишины.

Гибберлинги успокоились не сразу – многие просто не расслышали голоса Эрика. И лишь когда старейшина поднял посох, обе дружины примолкли, а над палубой остался висеть лишь тихий шорох шепотков. Гордей покосился в сторону дружины Глока, решив, что не стоит забывать об опасности. Но его тревоги были напрасны – самого Ползунова уже подняли на ноги и держали за плечи двое суровых стражей с корабля старейшины. Его братьев нигде не было видно – похоже, они спрятались в толпе простых дружинников. Многие из них так и стояли с оружием в руках, хмуро посматривая на команду «Бесстрашного». Но большинство давно спрятали мечи и присоединились к команде лекарей Тона, бродящих по палубе и помогавших раненым. Эти ребята не обращали внимания ни на дуэли, ни на красивые речи – они были заняты настоящим делом. Спасали тех, кого еще можно было спасти. И это не ускользнуло от внимания Эрика.

– Посмотрите! – хрипло воскликнул он, махнув клинком в сторону лекарей, склонившихся над очередным беднягой. – Смотрите! Это тела наших братьев. Их убили не орки, их убили мы сами! Смотрите!

Закашлявшись, Эрик покачнулся и был вынужден опустить меч. Уткнув его в доски палубы, Резак оперся на его рукоять, словно на трость, и продолжил:

– Посмотрите, до чего мы дошли! Гибберлинг убивает гибберлинга. Такого не должно быть! Мы все в одном корабле и все должны идти к одной цели. Мы должны что-то изменить, чтобы такого не повторилось!

Эрик сделал паузу, жадно глотнул воздух. Над палубой висела тишина, нарушаемая только стонами раненых бойцов.

– О чем твоя речь, Эрик Резак? – глухо спросил старейшина.

– О будущем! – с горячностью отозвался тот. – Моя речь о будущем для всех гибберлингов, в котором брат больше не должен будет поднимать меч на брата! Пусть мои слова услышат все те, кто сражались сегодня, все те, что держали в руках мечи!

– Говори, – разрешил старейшина, хмуря седые брови.

– Братья! – воскликнул Резак. – Прошу вас, загляните вперед. Подумайте о будущем всего рода гибберлингов! Кто мы сейчас? Вечные путешественники. Мы рассекаем астрал в поисках Исы, оставив за спиной наши старые дома. Мы стали вечными бродягами, несущимися вдаль за несбыточной мечтой! Не жизнь проходит мимо нас, а мы мимо жизни. Нельзя потратить наши годы, пытаясь найти легенду! Мы сами уже стали не живыми детьми Великого Древа, а лишь легендой. Гибберлинги! Нам

нужен дом. Новый большой дом, где мы можем растить молодых. Где мы можем вольно гулять в лесах и плавать в реках, удить рыбу и бить зверя. Нам нужны дома и просторы, что радуют глаз. Нам нужна гавань, где мы будем строить новые корабли, чтобы отправить их на край света.

Эрик снова закашлялся, и по толпе пошел гулять шум – многие гибберлинги принялись обсуждать слова безумного Резака. И Гордею не понравилось то, что многие хмурились, шепчась о чем-то с соседями.

– Но кто сказал, – воскликнул Эрик, – кто сказал, что все как один должны жить в этом доме? Мы большой народ. Нам не нужно прекращать поиск Исы! Пусть те, кто хочет дом, его получат. Пусть крепко стоят на ногах и провожают в поиск молодых, стремящихся добраться до края астрала и найти потерянный дом. Наш народ един, но не обязательно всем быть одинаковыми. Пусть мы будем разными, пусть каждый будет доволен по-своему!

– Это раскол! – воскликнул вдруг один из братьев старейшины. – Что ты несешь!

– Это семья! – возразил Эрик. – Кто-то сидит дома, кто-то идет на охоту. Наши общины и так рассеяны по астралу. Так пусть часть из них построит дома и начнет строить новые корабли.

– Да ты уже пробовал, – крикнули из толпы. – Забыл Изум?

– Не забыл! – взревел Эрик. – Век помнить буду! И именно об этом моя речь. Хоть мы свободный народ и можем построить свой дом, но нам нужны соседи. Хорошие добрые соседи, пусть не идеальные, но те, что поддержат в трудную минуту, но не будут видеть в нас домашних зверюшек.

– И кто же это? – с насмешкой крикнули из толпы. – Люди? Эльфы?

– Хотим мы того или нет, – продолжал Резак, словно не слыша насмешки, – но мы не одиноки в астрале. Не только мы переплываем с аллода на аллод. Это могут делать и маги. Многие аллоды уже заняты, другие будут заняты в ближайшее время. Мир изменился! И мы должны измениться вместе с ним. Как скоро Хадаган отправит своих магов на поиск нашего дома, из которого мы ушли? Как скоро Новоград догадается сам, как нужно использовать двигатели? Они видели нас. Видели, на что мы способны. Как и что мы делаем. Неужели вы считаете их глупцами? Нет. Скоро мир изменится еще больше. И вопрос только в том, на какой стороне мы будем, когда изменения разрушат тот старый мир, в котором мы жили до сегодняшнего дня.

Задохнувшись, Эрик примолк, хватая воздух открытым ртом. Гул в толпе нарастал, и Гордей с тревогой стал оглядываться по сторонам – не грядет ли новая битва?

– Твое слово, Резак, – потребовал старейшина, мрачный, как ворон на кладбище.

– Новоград, – выдохнул Эрик. – Мы должны открыться Новограду, заключить с ними союз. А то, что они мало нами интересуются, это даже хорошо. Меньше будут лезть в наши дела. Хадаган уже показал свое лицо. Они не успокоятся, пока не посадят нас всех на цепь и не сделают своими мелкими подручными, вроде гоблинов. Но Новоград дружит с эльфами, и они равны в своих отношениях. Станем третьим народом! Заключим с ними союз и построим новый дом. Вот мое слово.

Умолкнув, Эрик покачнулся и снова оперся на меч. Его голова опустилась, словно силы окончательно покинули его израненное тело. А шум в толпе нарастал – гибберлинги уже говорили в полный голос, чуть ли не кричали. Старейшина наклонил голову и что-то тихо обсуждал со своими братьями, что все еще поддерживали его под локти. Казалось, он не замечает нарастающего волнения в толпе, где островками спокойствия оставались лишь невозмутимые стражи в черных доспехах.

Гордей судорожно сглотнул, не зная, что предпринять. Надо было поддержать Эрика, сказать что-нибудь умное или хотя бы стать рядом с ним. Охотник уже собрался сделать шаг вперед, когда на его плечо легла узкая ладонь эльфа.

– Постой, – тихо сказал Винсент, протискиваясь вперед. – Ты стрелял. Эрик сражался. Теперь моя очередь внести свой вклад в это дело.

Оттеснив в сторону Гордея, эльф двинулся вперед – медленно, прихрамывая, но все-таки на своих ногах. Было видно, что идет он с трудом, и потому гибберлинги расступались перед ним, пропуская эльфа. Перед ним даже расступились стражи, видно, хорошо его знали.

Выйдя на открытое место, Винсент прошел в самый центр и встал недалеко от Эрика. Его высокая фигура привлекла внимание гибберлингов, и шум в толпе стал затихать.

– Народ гибберлингов, – неожиданно сильным и певучим голосом возвестил Винсент. – Теперь послушайте мое слово! Слово Винсента из дома Грендира!

Распахнув разодранный в клочья кафтан, Винсент вытащил из-за пазухи несколько обрывков бумаги – все то, что осталось от его великой баллады. Взглянув на потрепанные клочки, эльф скомкал их в кулаке и отбросил в сторону. А потом достал свою лиру, что уже наливалась золотистым сиянием. Выставив ее перед

собой, Винсент запрокинул голову, и над толпой повисла мертвая тишина. Длинные пальцы коснулись дрожащих струн, и первые ноты хрустальным дождем раскатились над палубой Бесстрашного.

Это было великолепно. Чудесно. Волшебно. Гордей даже дышать перестал, вслушиваясь в звонкие переливы струн. Как зачарованный он смотрел на друга, что весь светился, словно на него упал луч солнца. А Винсент тем временем запрокинул голову и начал петь.

Его волшебный тягучий голос разносился над всеми кораблями, и казалось, его было слышно даже в самой далекой каюте, в самом глубоком трюме. Этот голос нельзя было не услышать. И нельзя было пропустить мимо ушей слова.

Винсент пел новую песню – балладу, что еще не была начертана на бумаге. Он пел о храбрых гибберлингах, отправившихся в опасный путь. Пел он не об истории, а днях нынешних, о тех храбрецах, что ищут свою дорогу в новой жизни. Звонкий голос эльфа рассказывал о том, что ценят гибберлинги, – храбрость, дружбу, верность. Своих братьев и сестер, своих друзей. Рассказывал он и о том, что поиск в астрале – удел настоящих героев, но самое главное путешествие каждый должен совершить в глубины своего сердца. Что только там можно найти главные ценности этого мира – отвагу, храбрость, дружбу и верность. И самое главное путешествие через астрал совершают не корабли, а храбрые сердца тех, кто не боится любить, не боится выбирать и не боится менять свою жизнь. И что самая главная награда ждет путешественника дома, и это не злато и не серебро, а любящие сердца его семьи.

Голос эльфа утих. Над кораблями хрустальным дождем прозвенел прощальный аккорд. Погасла лира, и певец склонил голову, дав знак, что все уже закончилось. Но над кораблями по-прежнему висела тишина – гибберлинги, кажется, старались не дышать, пораженные волшебным голосом Винсента и его песней.

Наконец раздался тихий стук – вперед вышел старейшина, вырвавшийся из рук поддерживающих его братьев. Его длинный посох громко стукнул, ударив в доски палубы «Бесстрашного».

– Ну, – грозно произнес он. – Что скажете, гибберлинги?

Суровым взглядом он обвел толпу, и не было ни единого гибберлинга, кто не склонил голову под взором старейшины. Кроме, конечно, сумасшедшего Резака.

– Новоград, – твердо произнес Эрик, поднимая голову.

– Новоград, – повторил следом за ним Винсент, хотя он и не был гибберлингом.

– Новоград, – что было сил крикнул Гордей, не желая

отставать от товарищей.

И тут же вся опомнившаяся толпа взревела в один голос, на все лады повторяя: Новоград. Кричали все – и команда «Бесстрашного», и дружина Глока, и даже стражи, так и не покинувшие свой пост. К ним присоединились и лекари, и даже раненые гибберлинги, способные выдавить из себя хотя бы пару слов.

Старейшина медленно поднял в воздух свой длинный посох и вскинул свободную руку, призывая к тишине. И когда она наступила, старый седой гибберлинг выдохнул:

– Да будет так. Новоград.

И его посох с грохотом обрушился на палубу, словно ставя окончательную точку в долгом и бесплодном споре.

И тогда все снова закричали. Одновременно.

Эпилог

Берег, покрытый жесткой зеленой травой, обрывался в пропасть почти у самых ног Гордея. От бездонной пропасти охотника отделяло не больше пары шагов, но он без страха смотрел в пустоту, отливающую синевой. Легкий ветерок, гулявший по берегу, ворошил его отросшие светлые волосы и приятно холодил разгоряченное после быстрого шага лицо.

Гордей окинул взглядом долину, лежащую между великим обрывом и горами. Огромное пространство казалось пустоватым без привычных взору охотника густых лесов. По берегу реки уже поднимались дымки костров и печей, торчали остовы домов, а стук молотков и пил был слышен даже здесь, на берегу. Город гибберлингов постепенно разрастался.

Откинув волосы с мокрого от пота лба, Гордей бросил взгляд налево, на каменистую площадку у холмов, где не росла трава. Там, у скалистого берега, висел в пустоте небольшой корабль гибберлингов, потрепанный боями и временем. «Бесстрашный» прибыл полчаса назад и сразу стал на разгрузку. На камнях, вокруг синего круга транспортера, уже начали расти горки полезных грузов. Ящики, тюки, коробки. Между ними ловко сновали гибберлинги, оттаскивая вещи к повозкам с большими деревянными колесами. Скоро они будут нагружены самыми необходимыми вещами и тронутся в путь, к стройке, по дороге, что шла мимо Гордея.

По ней уже потянулись первые пассажиры, доставленные «Бесстрашным» к новым берегам. Лиц еще было не разобрать, но, прищурившись, Гордей увидел, что ему навстречу идет большая компания гибберлингов, увешанных различными тюками. Следом за ними шли пятеро людей – молодых, веселых, зубоскалящих на ходу. За ними снова шли гибберлинги, потом снова люди и, кажется, пара эльфов.

– Гордей!

Охотник обернулся, и его губы дрогнули, пытаясь скрыть ухмылку. Перед ним стоял Эрик Резак – в той обновке, что справили ему всей общиной благодарные гибберлинги. На нем был коричневый жилет, расшитый золоченой нитью, такие же штаны с золочеными же лампасами, высокие красные сапоги по новоградской моде. И длинный алый плащ. Принарядившийся Резак выглядел забавно и, судя по его мрачному виду, прекрасно это осознавал. Заметив взгляд друга, Эрик фыркнул и покачал головой.

– Что, уже пора? – спросил Гордей, заметив, что с плеча

гибберлинга свисает дорожный мешок.

– Пора, – ответил Эрик, устремляя взгляд на корабль, застывший у берега. – Сиг отходит, как только разгрузится. И я иду с ним.

– Может, все-таки останешься? – серьезно спросил Гордей. – Хотя бы еще на пару недель. Столько работы…

– И ее будет становиться все больше, – отозвался Эрик, теребя рукоять меча, висевшего на широком поясе. – Я и так слишком долго пробыл здесь. Мне пора в дорогу. Да ты и сам знаешь, не раз уже все обговорено. Новые корабли заложены, дома построены, пора вернуться за главным секретом.

– Но совсем не обязательно, чтобы ты шел вместе с ними, – сказал Гордей.

– Хочу еще раз взглянуть на родные края, – задумчиво отозвался Резак. – Идет целая флотилия. Повидаю всех знакомых. Загрузимся волшебным камнем, что не дает астралу пожирать корабли, и – сюда. Эрл со своими ребятами как раз закончит первые маленькие корабли.

– Наверно, – Гордей пожал плечами, бросив взгляд на долину, над которой вились дымы.

Мимо уже шли гибберлинги – целеустремленно, упрямо, сгибаясь под грузом скарба. Казалось, они тащили на себе все пожитки, которые только успели нажить непосильным трудом.

– Как тебе Ингос? – спросил он, наконец.

– Хороший аллод, – отозвался гибберлинг. – Есть все, что нужно. Это будет хороший дом.

– Я думал, Новоград кроме пустых земель даст еще что-то, – сухо произнес Гордей. – Ты уж прости…

– Ничего, – буркнул Эрик, – это даже больше, чем мы ожидали. Целый аллод! Настоящий дом. И никаких дурных соседей.

– Не считая всей Кании!

– Ну, Новоград далеко, так что мы тут сами как-нибудь устроимся.

Они помолчали, наблюдая за пассажирами «Бесстрашного», растянувшимися по дороге длинной цепью.

– Слышал что-нибудь про Винсента? – спросил Эрик, провожая взглядом компанию своих родичей.

– Да так, ничего нового, – отозвался Гордей. – Говорят, он и старейшина устроили большой шум во дворце отца Винса. В том смысле, что заставили эльфов шевелиться и делать хоть что-то, не рассчитанное на сотню лет вперед.

– Ага, – отозвался Резак. – И я слыхал. Как думаешь, увидим мы его еще?

– Увидим, – с уверенностью откликнулся охотник. – Он обещал приехать, когда будет готов первый корабль. Сказал, что напишет по этому поводу новую балладу. Лично.

– Ну что ж, – протянул Эрик. – Та песенка, которую он спел на корабле, ничего так получилась. Слыхал, как ее поют в кабаках.

– Сбылась его мечта, – Гордей хмыкнул. – Прославился.

– И моя сбылась, – задумчиво произнес Эрик. – А твоя? Гордей, ты получил, что хотел?

– О, да, – мрачно откликнулся охотник. – Я хотел приключений. Получил их более чем достаточно. Только вот…

– Что?

– Глупая это была мечта. Но ничего, может, сегодня…

Гордей прищурился – опускавшееся солнце слепило глаза, и ему было плохо видно людей, шедших по дороге от корабля. Он не был уверен, но, кажется…

– Ага, – тихо сказал Эрик и вдруг, потянувшись, схватил друга за руку.

– Бывай, друг, – сказал Резак, крепко сжимая ладонь охотника. – Присмотри тут за ребятами. Их, бывает, заносит куда не следует.

– Присмотрю, – сказал Гордей, пожимая мохнатую лапу гибберлинга. – А ты давай возвращайся. Одна нога там, другая здесь…

– Ну это как получится, – буркнул Резак. – Ноги-то у меня не такие длинные, как у вас, дылд.

Криво усмехнувшись, Эрик отнял руку, хлопнул человека по бедру, развернулся и быстро зашагал прочь, к кораблю, навстречу потоку пассажиров. Гордей проводил долгим взглядом его алый плащ, тяжело вздохнул, а потом шагнул к дороге, по которой шел отряд людей. Все они были светловолосыми, крепкими, типичными канийцами. И, похоже, чувствовали себя немного не в своей тарелке. Все, кроме одного, шедшего первым. Был он высок, широкоплеч, голову его опоясывала кожаная лента, а на сероватой застиранной курке виднелись заботливо заштопанные дыры. На плече его висел тощий походный мешок, за плечами виднелся лук. Был он уже немолод и выглядел уставшим, но уверенно и легко шагал вперед, гордо подняв голову.

– Отец! – воскликнул Гордей, махнув рукой. – Отче!

Велес Ветров, лучший охотник деревни Травушки, прищурился, свернул с дороги и двинулся навстречу сыну, ждавшему его на обочине. На лице его проступило суровое выражение, словно Велес собирался отчитать сбежавшего сына, но Гордей хорошо знал отца. Не обращая внимания на его суровый вид, Гордей шагнул ему навстречу, развел руки и крепко

обнял отца. Тихонько засмеявшись, тот отстранился от сына и окинул его испытующим взором. Гордей вдруг осознал, что он выше отца, и от неожиданности потерял дар речи.

– Ну, молодой герой, – сурово произнес Велес. – Я получил твое письмо. Кабы не слова того болвана из Новограда, что пел песню про тебя, подумал бы, что ты мне враки прислал.

– Все правда, отче, все правда, – посмеиваясь, отозвался Гордей. – Кроме великанов и драконов.

– Значит, теперь ты с гибберлингами? – спросил Велес, оборачиваясь и окидывая взглядом долину с недостроенными домами.

– С ними, – отозвался Гордей. – И нам очень нужны люди, здесь, на Ингосе. Нужны строители, что будут перенимать мастерство у корабельных мастеров, нужны кузнецы, плотники, скорняки – все нужны! И особо – охотники, что будут снабжать припасами всю эту ораву.

– Слыхал я уже зазывалу, – отозвался отец. – Пел он сладко, когда звал свободный народ на другой аллод. Да видно было, что сам не слишком уж стремился помочь новым союзникам. Если бы не твое письмо, я бы и с места не тронулся. И Брон. И Вилка с Никодимом. И Зобатый, и Карась, и Дерюга… И Веста! Девка эта сумасшедшая всю плешь мне проела! Все ходила за мной и ныла, куда, мол, делся этот полоумный. Говорит, я же пошутила, а он серьезно. Все глаза исплакала, а мамаша ее мне все мозги…

– Веста здесь? – Гордей тряхнул отца. – Не может быть!

– Да вон они, – буркнул старший Ветров, – вон, тащатся, как вши по мокрому месту. Еле ноги переставляют, умаялись, вишь, на волшебной лодке плавать.

– Это чудесно! – воскликнул Гордей, хватая отца за руку. – Пойдем, встретим их! Я все им покажу. И тебе! У нас будет большой новый дом, и река, и лес…

– Постой, суета, – бросил Велес, которого сын за руку тащил к дороге. – Ты-то чем тут занимаешься, а?

Гордей с улыбкой поднял руку и показал отцу свежие мозоли.

– У меня самое чудесное дело на свете, – с гордостью сказал он. – Я строю корабли.

– Ну? – сказал Велес. – И как, нравится?

– Самое лучше дело, что есть на свете, – сияя, отозвался Гордей. – Это мое, отче, по-настоящему мое!

– Это еще поглядим, – бросил старший Ветров. – И сколько ты их уже построил?

– Пока ни одного, – отозвался Гордей. – Но все впереди. Я буду строить их, пока не построю все!

– Все? Это сколько же?

– Все, какие только будут! Все корабли астрала! – отозвался Гордей. – Ну же, пошли!

И, развернувшись, он бросился навстречу подходящим друзьям. Он видел, как они идут ему навстречу – старые друзья детства, которые казались ему теперь такими молодыми, смущенными, испуганными. Им столько еще нужно было всего узнать, всему научиться. Но это потом, потом, ведь впереди идет Веста – с распущенными золотыми волосами, в длинном сарафане, гибкая, стройная, звонкая. И сердитая, как гибберлинг после недельной голодовки.

– Веста! – воскликнул Гордей и бросился ей навстречу.

И хотя она хмурилась, Гордей Ветров, бывший когда-то охотником, а ставший первым корабельным мастером Кании, знал – все будет хорошо.

Все – будет.